

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

ВЫПУСК 6

Книга 1

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК
2009

УДК 001(06)
ББК 72я46

Рецензенты: докт. экон. наук, проф. *А.Ю. Рыманов*
канд. техн. наук, доц. *Е.В. Чимитова*
канд. филол. наук, доц. *Л.С. Торопова*

Актуальные вопросы современной науки / Сборник научных трудов (Выпуск 6) / Под общ. ред. С.С. Чернова. – В 3-х кн. – Кн. 1. – Новосибирск: ЦРНС – Изд-во «СИБПРИНТ», 2009. – 212 с.

ISBN 978-5-94301-078-1

В сборнике «Актуальные вопросы современной науки» публикуются результаты исследований магистрантов, аспирантов и молодых и уже состоявшихся ученых по широкому спектру научных направлений. В представленный сборник включены материалы по истории и политологии, биологическим наукам, естественным наукам, техническим наукам, юриспруденции.

Все материалы изложены в авторской редакции.

УДК 001(06)
ББК 72я46

ISBN 978-5-94301-078-1

© Коллектив авторов

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ	5
<i>Ерохина Е.А.</i> Меры органов городского самоуправления по развитию благотворительности и попечительства, здравоохранения (на примере Симбирской губернии во второй половине XIX века)	6
<i>Ипатенко Е.В.</i> Источниковые возможности изучения иммиграционных потоков в СССР в 1920-е годы (анкетные материалы)	18
<i>Трунов А.А.</i> Эволюция мифологии английского абсолютизма в период правления Якова I Стюарта.....	24
РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ..	35
<i>Заботин Я.И.</i> Особенности ультраструктуры эпидермиса и паренхимы бескишечных турбеллярий (Ascoela)	36
<i>Кошкина В.С.</i> Патологоанатомические и гистологические аспекты причин смерти лиц, проживающих в промышленном городе с развитой отраслью чёрной металлургии	43
<i>Никитина Л.И., Солодовникова М.В.</i> Влияние солей железа на жизнедеятельность <i>Paramecium Caudatum</i>	53
РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК	60
<i>Буреева М.А., Удодов В.Н.</i> Задача связей для модели одномерной перколяции с переменным радиусом протекания	61
РАЗДЕЛ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК	69
<i>Валентюк М.Р.</i> Выбор оптимальной структуры подсистемы хранения гидрометеорологических данных на основе вариантного анализа и нечетких критериев	70
<i>Ильина В.В., Михайлов В.Н., Барминская В.В., Абрамова О.О.</i> Оптимизация процессов приготовления и обработки слоёв бихромированного желатина для целей голографии.....	77
<i>Хегай Ю.А.</i> Влияние атмосферно-климатических факторов на показатели тягово-скоростных свойств и топливной экономичности автомобиля	82

<i>Хегай Ю.А.</i> Методика экономической оценки качества эксплуатации автомобилей на международных маршрутах.....	89
РАЗДЕЛ 5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ.....	98
<i>Анищенко Е.П.</i> Применение судом некоторых обычных регуляторов	99
<i>Зятьков А.Е.</i> Публичный интерес и социально-политические риски в государственно-частных партнерских отношениях.....	108
<i>Иванова Н.Ю.</i> Теоретические воззрения на способы обеспечения законности в юридической науке XIX – начала XX вв.	115
<i>Лавыгина И.В.</i> Этапы формирования уголовного законодательства России об экологических преступлениях	124
<i>Лагунов Е.В.</i> Влияние «изоляции от общества» на личность осужденного	134
<i>Матчанова З.Ш.</i> Основные подходы к классификации терроризма.....	147
<i>Рожнов А.А.</i> Смертная казнь в Московском государстве глазами современников-европейцев	153
<i>Рудик О.С.</i> Торговля людьми в Российской Федерации.....	181
<i>Куриц Н.А., Семенов В.А.</i> К вопросу о защите гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов.....	187
<i>Шадрина Е.Г.</i> Возвращение уголовного дела прокурору по основанию п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ: вопросы теории и судебной практики	196

Раздел первый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

МЕРЫ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА)

© Ерохина Е.А.¹

Институт авиационных технологий и управления
Ульяновского государственного технического университета,
г. Ульяновск

Исследование является комплексным анализом деятельности органов самоуправления по развитию социальной сферы (здравоохранение, попечительство, благотворительность, призрение и т.д.) во второй половине XIX века. Комплексный характер социально-политического исследования позволяет выявить те трудности противоречия, которые выступали в качестве препятствий развития органов городского самоуправления в рассматриваемый период истории России.

Городские Думы обязаны были решать ряд социальных вопросов: работа о призрении бедных, меры по борьбе с нищенством, устройство благотворительных и лечебных заведений, охрана народного здоровья, развитие средств врачебной помощи городскому населению и улучшение санитарных условий.

До введения Городового положения 1870 г. муниципальные образования располагали незначительным объемом финансовых средств, и суммы, выделяемые на развитие благотворительности, попечительства и здравоохранения были несущественными.

Как отмечали губернские власти, лечебное дело в городских больницах уездов было поставлено неудовлетворительно: во многих из них царил беспорядок, не было даже списков стационарных больных, умерших в больницах, не велось учета выдаваемых медикаментов, в некоторых больницах бывали случаи утраты инструментов. Так было даже в конце 60-х гг. XIX века. Симбирский губернатор, объезжая уезды, посещая «богоугодные заведения» был вынужден признать: «Содержание больных в больнице дурно, пища весьма не хороша..., помещение весьма в неудовлетворительном виде: здания сырые и холодные, запах от ретирадных мест в коридорах невыносимы, в камерах больных потолки и стены почернели от дымной копоти. Белье на больных не отличается чистотою и опрятностью..., и вообще не было найдено никакой особенной заботливости в призрении больных» [23].

¹ Доцент, кандидат исторических наук

Основным контингентом больничных заведений и в Симбирске, и в уездных городах были военные, за них, как правило, платило военное ведомство.

Правительство предпринимало ряд мер по улучшению санитарного состояния городов и развитию здравоохранения. Согласно распоряжению правительственных властей с 50-х XIX века для ведения профилактической работы в каждом уездном городе должны были находиться оспопрививатели. Но в основном, забота о народном здравии и надлежащем санитарном состоянии городов была предписана городским думам Городовым положением 1870 г.

В уездных городах Симбирской губернии активно действовали комитеты общественного здоровья, которые подчинялись губернскому комитету здоровья, находившемуся в Симбирске и возглавляемому губернатором. Постановления этих комитетов носили рекомендательный характер для органов городского самоуправления, но губернская администрация поддерживала их, оказывая в некоторых случаях давление на городские власти.

В 1877 г. Симбирский губернский комитет общественного здоровья через полицмейстера сделал еще несколько распоряжений думе: выделить специальное место для погребения павшего скота, дезинфицировать свалки мусора за городом и приготовить новые места для свалок. Большинство предписаний были выполнены органами городского самоуправления, так как действительно соответствовали интересам и потребностям города [4].

Для обеспечения народного здоровья органы городского самоуправления стали развивать сеть городских медицинских учреждений: на муниципальные средства открывались городские бесплатные больницы, а в уже действующих увеличивалось количество мест, росла численность медицинского персонала. Такие явления наиболее ярко проявились в крупных городах Симбирской губернии: Симбирске, Сызрани, Алатыре. В небольших уездных городах и Алатырском посаде в решении вопроса развития здравоохранения органы муниципальной власти действовали совместно с земствами.

В 1878 г. на содержании органов городского самоуправления Симбирска находились городской врач, два фельдшера, ветеринарный врач, несколько оспопрививательниц, две акушерки, аптека. На оплату их деятельности в 1878 г. из средств города было отпущено около 2 тысяч рублей, а в 1895 г. – 2,6 тысяч рублей [12, 18]. В среднем заработная плата городского и ветеринарного врача составляла по 800 рублей в год (по 61-66 рублей в месяц), фельдшера – 240 рублей в год (по 20 рублей в месяц), оспопрививательнице – 120 рублей в год (по 10 рублей в месяц). В 1900 г. численность медицинского персонала в Симбирске значительно выросла:

органы городского самоуправления содержали двух городских врачей, двух ветеринарных врачей, пять медицинских фельдшеров, двух ветеринарных фельдшеров, двух акушерок. В городе действовала городская больница и амбулатория, городская аптека [1]. Сызранскими и Карсунскими органами городского самоуправления также содержался штат медицинского персонала, состоявший из городского врача, фельдшера, оспопрививателей, акушерки.

При этом в Симбирске и Сызране на содержание городского врача и других лиц медицинской части расходовалось примерно одинаковое количество средств около 2 тысяч рублей, в остальных уездных городах губернии на медицину тратилось значительно меньше: в Карсуне – 900 рублей, в Курмыше – 260 рублей, в Сенгилее 125 рублей, в Алатыре, Ардатове, Буинске – менее 100 рублей. В Алатырском посаде медицинского персонала на средства города не содержалось вообще.

В Симбирске за этот период органами городского самоуправления была открыта Бесплатная больница для бедных мещан на 25 кроватей. К 1900 г. на средства жертвователей в этой больнице добавилось еще три кровати. В декабре 1899 г. в память императора Александра III городские власти открыли при Бесплатной больнице отделение для неизлечимых больных из числа горожан. Размещено оно было в отдельном здании и содержало 12 кроватей, из которых 8 были открыты на средства жертвователей и носили их имена, а 4 – на средства городских властей и им было присвоено имя императора Александра III. Медицинский персонал больницы к 1900 г. состоял из врача, и трех фельдшеров. В среднем на лечение одного больного тратилось около 5 рублей в день, а на питание – почти 14 рублей в день. В течение 1900 г. услугами Бесплатной больницы воспользовался 601 человек, а в отделении для неизлечимых больных находилось 34 человека. Общий расход органов городского самоуправления Симбирска на содержание больниц составил 7123 рубля [2].

Городская больница находилась в ведении специально организованной для этих целей исполнительной комиссии, которая разрабатывала смету расходов на содержание данного учреждения, передавала ее на рассмотрение и утверждение городской думе. В свою очередь городская дума выделяла финансовые средства по мере необходимости. В конце года исполнительная комиссия представляла отчет органам городского самоуправления о расходовании ассигнованных средств и числе больных, воспользовавшихся услугами городской больницы [3].

Важным мероприятием со стороны органов городского самоуправления по профилактике заболеваний среди городского населения и предупреждения распространения эпидемий являлось улучшение санитарного состояния муниципальных образований Симбирской губернии. В Симбирске с момента введения Городового положения 1870 г. улучшение санитарного состояния города стало одной из важнейших сфер деятельности

городской управы. В 1871 г. Симбирский губернский комитет общественного здоровья представил Симбирской городской думе подробный проект мер по общественной гигиене и предписание по проведению ряда санитарных мероприятий: дезинфекция всех отхожих мест и помойных ям в городе, закрепление за каждым врачом участка для наблюдения. Городские органы власти, рассмотрев эти предложения, возложили на горожан обязанность по наблюдению за отхожими местами и их дезинфекцию, и избрали специальных попечителей из числа гласных для наблюдения за выполнением этого распоряжения [4].

Но уже в 1873 г. симбирский городской голова отмечал неэффективность очистки улиц горожанами (горожане просто перекладывали грязь с очищенных участков на неочищенные), и поэтому органы городского самоуправления приняли решение осуществлять «все натуральные повинности по содержанию улиц Симбирска в надлежащем состоянии» на средства города [9].

В 1879 г. Симбирской городской думой был разработан целый ряд мер по предупреждению эпидемий. Среди мер были: очистка существовавших в черте города оврагов от нечистот, навоза и свозимого туда мусора (засыпка землей или сжигание), контроль со стороны городской управы за строительством запруд и материалом, используемым для этого, высадка деревьев в русле реки Симбирки, очистка выгребных ям в домах населения и их дезинфекция, контроль за проветриванием помещений в общественных местах. Для приведения в исполнение данных мер была создана Центральная Санитарная комиссия, которая состояла из четырех человек из числа жителей города, входивших в состав комиссии по назначению муниципальными властями, врача, давшего согласие войти в состав комиссии, полицмейстера [11].

Только в 1897 г. органы городского самоуправления Симбирска разработали инструкции Исполнительной Санитарной комиссии. Согласно этой инструкции членам комиссии было предоставлено право и «вменено в обязанность» постоянное наблюдение за «чистотой и опрятностью в санитарном отношении» в тех участках города, которые им будут поручены (город был разделен на 10 участков). При этом они должны были контролировать, чтобы очистка площадей, улиц, скотобойни, дворов, отхожих мест, помойных ям была произведена не позднее апреля месяца, а все нечистоты были удалены на указанное управой место. Члены санитарной комиссии должны были производить осмотр всех промышленных, торговых заведений, гостиниц, ресторанов, постоялых дворов, трактиров, мастерских, ночлежных домов, при участии врача давали определение их состояния и могли требовать немедленно устранить указанные врачом нарушения санитарного состояния, чтобы не допустить распространения заразных заболеваний [8].

Для улучшения санитарного состояния уездного города Ардатова городская дума разработала и издала целый ряд обязательных постановлений, среди которых были постановления об устройстве и порядке содержания боен, «о мерах к соблюдению чистоты в помещениях для продажи съестных припасов и к обеспечению безвредности оных», о мерах против порчи воды, «о мерах предупреждения и прекращения заразных, повальных и местных болезней» [17].

В течение первого года с момента введения Городового положения в Алатырском посаде посадские власти приступили к разработке обязательных постановлений по улучшению санитарного состояния посада. Уже к марту были подготовлены проекты обязательных постановлений о содержании в чистоте улиц, о мерах по предупреждению падежей скота [19]. Подобная ситуация наблюдалась и в Курмыше: к сентябрю 1875 г. городскими властями было разработано несколько проектов обязательных постановлений по улучшению санитарного состояния города. Среди них были постановления о запрете выпускать на улицы домашний скот, о мерах против порчи воды и мерах по предупреждению падежей скота, о порядке содержания в исправности и чистоте улиц, площадей, мостовых, тротуаров, водосточных труб, прудов [20].

В Сызрани для того, чтобы органы городского самоуправления приняли в 1879 г. ряд решений по улучшению санитарного состояния в городе и устроили проведение профилактических мероприятий по предотвращению эпидемии, потребовалось обращение Сызранского уездного предводителя дворянства, комитета общественного здоровья, «отношение» полицмейстера и Сызранского городского полицейского управления. Городским властям указывалось на необходимость «принять по городу Сызрани меры к предупреждению эпидемических болезней, вследствие развития чумной болезни в Астраханской губернии». А комитет общественного здоровья наложил на органы городского самоуправления обязанность «применить различные санитарные меры» и выделит на эти цели средства из городского бюджета. В итоге городская дума рассмотрела вопрос о мероприятиях по предотвращению эпидемии уже 30 января.

Гласные, присутствовавшие на заседании городской думы, рассмотрели и приняли целый комплекс мероприятий по улучшению санитарного состояния города. Городской управе поручили при первой возможности проследить за очисткой всех улиц города, площади и берега от нечистот и навоза. Учредили специальный караул, который следил, чтобы мусор отвозили только в указанные городскими властями места. За городом построили специальные помещения для приема с пароходов и вокзала заболевших опасными болезнями, чтобы не допустить их в город. Городскому врачу поручили контролировать рынки, особенно те, на которых торговали мясными и рыбными товарами, полицмейстеру – наблюдение за чисто-

той в городе. Обратились за содействием в Красный крест. На все эти мероприятия городские власти выделили 4 тысячи рублей [15].

В губернском центре – Симбирске – подобные мероприятия проводились в 1886 г. и 1892 г. для предупреждения и пресечения развития эпидемии холеры. Симбирская городская управа для обеспечения народного здоровья предприняла следующие меры: установила санитарный надзор за пристанями на реке Волге (два врача осматривали пассажиров, прибывающих в город на пароходах), устроила временный приемный покой для заболевших, для рабочих была устроена бесплатная чайная и организовала доставку кипяченой воды, на Телячем острове приспособили бараки для больных холерой, устроила особое «холерное» кладбище. При городской управе организовали склад дезинфицирующих веществ для продажи жителям по заготовительным ценам, упорядочена деятельность ассенизаторов [21]. Кроме того, Санитарной комиссии было предоставлено право раздавать бедным билеты для получения воды из водопровода, устранять замеченные недостатки в жилищах, угрожающих народному здоровью за счет города с взысканием в последствии средств с владельцев. Врачам было поручено составить объявление для горожан, в котором описывались свойства холеры, способы заражения [7].

Реформирование системы городского самоуправления во второй половине XIX века сопровождалось признанием государства обязанности и права общества заботиться о социально недостаточных его членах. Организация помощи нуждающимся была возложена на органы местного самоуправления. Однако содержание и масштабы деятельности городских общественных управлений в сфере организации и предоставления социальной помощи городскому населению Российской империи определялись расплывчатостью формулировок российского законодательства по целям и нормам обязательной к осуществлению городской благотворительности, что позволяло муниципальным властям рассматривать ее как факультативное и необязательное.

Финансовое положение, прежде всего уездных городов, отсутствие кредита и необходимость расходов на общегосударственные нужды, большие размеры земских сборов не способствовали развитию материальной базы общественного призрения. Городские власти, прежде всего, стремились активизировать частную инициативу в деле оказания помощи нуждающимся. Представители городских дум сами являлись ярким примером развития общественной благотворительности: они жертвовали значительные денежные средства из личных капиталов на создание богаделен, сиротских приютов, ночлежных домов, дешевых столовых.

Симбирский городской детский приют принимал детей в возрасте от 4 до 17 лет. Это учреждение было основано на пожертвования купцов А.П. Кирпичникова и А.П. Конурина (общая сумма пожертвований соста-

вила около 300 тысяч рублей), осуществляло свою деятельность на проценты с капиталов, пожертвованных ими. Кроме того, Симбирская городская дума из средств города отпускала ежегодно по 2 тысячи рублей на содержание этого приюта. Он находился в ведении органов городского самоуправления, наблюдение и управление его деятельностью было возложено на специальную исполнительную комиссию, избираемую городской думой сроком на четыре года. В приют принимались дети сироты или имеющие только одного родителя, православного вероисповедания, русские. По сословной принадлежности это могли быть дети чиновников, мещан, крестьян. На эти средства призрваемым детям предоставлялось жилье, питание, начальное и среднее образование. Городские власти пытались найти работу детям, выпускаемым из приюта, а воспитанницам выдавались средства на приобретение приданного [2].

Также городскими властями Симбирска был организован Детский дневной приют (ясли), в котором присматривали за малолетними детьми, чьи родители не имели возможности делать это самостоятельно. По сути, он выполнял задачи схожие с функциями современных дошкольных учреждений. Количество детей, находившихся на попечении обоих детских приютов, неизменно возрастало и к 1900 г. составило: 96 детей, находящихся на попечении детского приюта, а ясли в течение года посетило более 2 тысяч человек.

Александровское попечительское общество о бедных с момента своего основания рассматривало прошения беднейших слоев населения и принимало решения о выдаче пособий (единовременных или постоянных) тем или иным лицам. Среди членов этого общества были видные деятели городского общественного управления.

В 1877-1878 гг. к городским заботам в социальной сфере добавилось призрение семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на действительную военную службу. По «Высочайшему повелению» органы городского самоуправления должны были обеспечить семьи военнослужащих, призванных на военную службу в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг., жильем и продовольствием. В Симбирске городской думой было принято решение выдавать таким семьям на каждого человека по 75 копеек в месяц, получившуюся сумму постановили взять из средств городского бюджета, а затем на эти цели установить дополнительный налог с частных недвижимых имуществ. В случае, если семьи военнослужащих («нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения») потребуют помещение вместо денег, то им отводили необходимое помещение [10]. На эти цели в Карсуне было выделено в 1878 г. 670 рублей 90 копеек.

Городская богадельня была основана еще в 1840 г. в честь императора Николая I. К 1900 г. Городская богадельня состояла из трех частей: Николаевского дома призрения и богаделен имени А.П. Кирпичникова и

А.П. Конурина. Николаевский дом призрения неимущих был образован на средства города и Симбирского купеческого общества. Богадельням, основанным на пожертвования А.П. Кирпичников и А.П. Конурина, в 1897 г. по инициативе органов городского самоуправления Симбирска и с разрешения императора были присвоены имена этих лиц. На городского врача была возложена обязанность по оказанию медицинской помощи призреваемым, если эта деятельность не будет мешать исполнению обязанностей по основной службе. Должность «штатного фельдшера» при богадельне с предоставлением прав государственной службы городскими властями так и не была учреждена [8]. Богадельни размещались в домах, принадлежащих городу, и содержались на процент с капитала, внесенного при их основании и на дотации со стороны городских властей. В 1900 г. муниципальные органы власти израсходовали на содержание этого учреждения около 7 тысяч рублей. К январю 1900 г. в Городской богадельне находилось 108 человек, а к январю 1901 г. их число призреваемых увеличилось до 221 человека. В их числе были лица, относившиеся к мещанству и крестьянству Симбирска и других городов, отставные рядовые, чиновники и даже лица духовного звания [2].

В 1894 г. в Симбирске органами городского самоуправления по предложению губернатора был организован городской Дом трудолюбия, предназначенный для предоставления ночлега и несложной работы нищим и обездоленным. В начале 90-х городскими властями был открыт также ночлежный приют.

Он содержался на средства города и находился в заведовании Симбирской городской управы, располагался в городском двухэтажном каменном здании и деревянных казармах. Приют предоставлял посетителям только место для ночлега, он принимал посетителей поздно вечером, а ранним утром все они должны были покинуть помещения приюта, в которых проводилась уборка и дезинфекция. Расходы городских властей на содержание ночлежного приюта были невелики и заключались только в найме сторожа, отоплении и освещении помещений [3]. Подобные учреждения открывались органами городского самоуправления уездных городов губернии.

Органы городского самоуправления выплачивали пенсию тем, кто длительное время занимал должности по городскому общественному управлению, и в связи с преклонным возрастом или болезнью не мог дальше продолжать свою деятельность. Пенсию могли также выдавать вдовам лиц, находившихся на службе городу, если они не имели никаких иных источников к существованию.

В 1878 г. органы городского самоуправления Симбирска выплачивали пенсии из городского бюджета в общей сложности на сумму 371 рубль. Однако их выдавали только тем лицам, которым выплата пенсии были

назначены из городских средств в силу постановлений, действовавших еще до введения Городового положения 1870 г. [18].

В основном городские власти Симбирска выдавали единовременные пособия. Так бывшей учительнице Нестеровой, 14 лет проработавшей на этой должности, в виду ее «преклонного возраста и болезненного состояния» городская дума, учитывая ее продолжительную службу, приняла решение выдать единовременное пособие в размере 100 рублей [21].

К 1895 г. увеличилось количество лиц, получавших пенсию из средств города. В Симбирске пенсию получал бывший городской архитектор Алатырцев (300 рублей в год), бывший брандмейстер Симбирской пожарной команды губернский секретарь Андреев (105 рублей 69 копеек в год), служивший в пожарной команде унтер-офицер Николаев (100 рублей в год), вдова помощника секретаря Новикова (21 рубль 45 копеек в год), семейство бывшего городского секретаря Леонтовского (375 рублей в год) [12].

В 1896 г. Симбирская городская дума решила наградить лиц, прослуживших на должностях по городскому общественному управлению более 25 лет. Таких оказалось трое: управляющий заволжским городским имением, таксатор Г.М. Бибирман (занимал эту должность более 33 лет), учитель первого мужского училища И.Н. Николаев (проработал более 32 лет), и помощник бухгалтера управы Н.В. Шипков (занимал эту должность в течение 27 лет). При этом И.Н. Николаев к 25-летию юбилею своей службы уже был награжден золотыми часами стоимостью 140 рублей, и с этого же времени ему увеличили жалованье на 50 % оклада (на 200 рублей в год). Кроме того, было пять лиц, которые к 1896 г. прослужили почти 25 лет: архивариус И.С. Шадрин, городской врач В.П. Кармазинский (оба занимали свои должности 24 года 9 месяцев), оспопрививательница Е.И. Петрова (24 года 6 месяцев), бухгалтер управы Л.И. Агранович (24 года 1 месяц). Им по распоряжению городской думы выдали награды каждому полугодовой оклад, а бухгалтеру Л.И. Аграновичу увеличили оклад жалованья до 1200 рублей взамен 1080 рублей [8]. В целом в 1900 г. на пенсии, единовременные пособия и награды органы городского самоуправления Симбирска затратили 1566 рублей [5].

В ряде уездных городов органы городского самоуправления также награждали лиц, длительное время служащих на должностях по городскому общественному управлению. Так в Буинске городская дума рассматривала вопрос о награде директора общественного банка «за долголетний и полезный труд» [16].

Органы городского самоуправления Сенгилея в качестве пенсии выплачивали 35 рублей 80 копеек в год унтер-офицеру за увечья, полученные им при тушении пожара. Городские власти Карсуна платили пенсию губернскому секретарю Смирнову – 33,5 рубля в год. В Ардатове органы городского самоуправления также выдавали пенсию бывшему секретарю

думы Чеботкевичу в размере 42 рублей 90 копеек в год. Из городского бюджета выдавались пенсии в Ардатове, Курмыше и Буинске, но размеры выдаваемых пособий были не велики и затрагивали 1-3 лиц. Не менее важной сферой деятельности органов городского самоуправления Симбирской губернии во второй половине XIX века являлась забота об обеспечении населения городов продовольствием и борьба с голодом.

Осенью 1880 г. в Симбирской губернии начался голод. Для обеспечения населения городов продовольствием городские власти решили организовать бесплатные обеды. В Симбирске их организация была поручена специальному исполнительному комитету, в распоряжение которого передали 13 тысяч рублей из частных пожертвований и специальных ассигнований думы. Кроме того, для этого было закуплено 50 тысяч пудов ржи для продажи ее беднякам по низкой цене, были организованы специальные общественные работы для городского населения, способного заработать деньги на пропитание своим трудом [22].

В 1891 г. в Симбирской губернии в очередной из-за неурожая вновь начался голод. Главной задачей органов городского самоуправления стало обеспечение городского населения продовольствием, регулирование цен на хлеб. Уже в июле 1891 г. в Симбирской городской думе был поднят вопрос о народном продовольствии. Городские власти распорядились о закупке местными купцами хлеба и установили фиксированные цены на продажу испеченного хлеба. В начале сентября городская управа отправила одного из своих членов – М.А. Волкова – в Полтавскую и Киевскую губернии для закупки ржи до 60 тысяч пудов по цене, которая будет разрешена управою по телеграфу. Усилиями городской управы было приобретено 43 тысячи пудов хлеба для обеспечения народного продовольствия и урегулирования цен в Симбирске. Волков М.А. приобрел в Ростове-на-Дону еще 90 вагонов хлеба (около 54 тысяч пудов), за покупку и доставку которого необходимо было выплатить 65 тысяч рублей. В итоге органами городского самоуправления для обеспечения населения хлебом было закуплено в разных регионах страны более 126 тысяч пудов ржи.

Всего же городу для обеспечения народного продовольствия по предварительным расчетам городских властей потребовалось 78 тысяч рублей. В действительности масштабы голода были гораздо значительнее, и муниципальным властям пришлось в общей сложности израсходовать 163,4 тысяч рублей на закупку, поездки, доставку и размол ржи [14].

На покупку ржи органы городского самоуправления запросили ссуду у городского общественного банка в размере 60 тысяч рублей и добились разрешения на ее получение у Министерства внутренних дел и Министерства финансов и согласия руководства банка. Недостающую сумму получили по договору с Симбирским мещанским обществом. Мещанское общество Симбирска передало городским властям «продовольственный капитал» в сумме около 14,2 тысяч рублей сроком на один год. Затраты ор-

ганов городского самоуправления на преодоление последствий неурожая были значительными и отразились на состоянии муниципальных бюджетов: с 1891 г. произошло резкое снижение городских доходов.

В 1898 г. Симбирская городская управа докладывала думе о неурожае хлебов и кормовых трав в Симбирской губернии и предложила создать специальную комиссию, на которую была возложена задача по разработке мер по обеспечению народного продовольствия. Городская управа также приняла участие в разработке этих мероприятий. Органы городского самоуправления в сентябре 1898 г. закупили 20 тонн ржи, которая перемалывалась на городской мельнице и продавалась горожанам по сниженным ценам. Ржаная мука продавалась лицам «бедного состояния» при доме городского общества и на городской мельнице, при этом было установлено максимальное количество муки, отпускаемой в одни руки – 2 пуда.

Городские власти также организовали продажу овса по заготовительным ценам для извозчиков, взявших в городской управе разрешения («ярлыки») на извозный промысел.

Совместно с Красным крестом городские власти организовали две бесплатные столовые для беднейшего населения. В городской столовой для нуждающихся обед состоял в постный день из супа с пшеном, постного масла и одного фунта черного хлеба и стоил 3 копейки, в остальные дни из горячего блюда с добавлением мяса и одного фунта черного хлеба и стоил 5 копеек. Семейным с малолетними детьми, престарелым, после того как городские органы власти удостоверятся в их бедности, выдавались обеды на дом бесплатно. Дети до 12 лет получали обеды бесплатно. В городской столовой за 26 дней ее деятельности было накормлено бесплатно 2536 детей, взрослых за плату – 77 человек, взрослых по маркам, оплаченным частными лицами – 633 человека [13].

Кроме того, городская управа закупила овес и стала продавать его по сниженным ценам малоимущим жителям, арендующим у города землю, для посева. Все данные мероприятия органов городского самоуправления по обеспечению народного продовольствия продолжались до мая 1899 г., когда цены на зерно и муку снизились, и необходимость в деятельности городской столовой отпала.

Статьи расходов, связанные с содержанием врачей, фельдшеров, членов сиротского суда, благотворительных и учебных заведений, выдачу пенсий, пособий и наград, занимали в бюджетах городов Симбирской губернии ведущие места. В городе Буинске в 1891 г. расходы на медицину, образование и благотворительность составили 34,2 % (превысили даже расходы на содержание должностных лиц, полиции и пожарной команды, став ведущей статьей расходов). Бюджеты городов Сызрань, Ардатов, Сенгилей затрачивали на нужды социальной сферы около четверти имеющихся средств.

Широко привлекались единовременные пожертвования от горожан. Расходы на медицинскую и санитарную сферы включали наем медицин-

ских работников (в том числе ветеринарных врачей), затраты на предупреждение и прекращение эпидемий (организация специальных лечебных во время эпидемий, проведение различных мероприятий по предотвращению распространения болезней в городе, надзор за качеством воды и т.д.).

Кроме постоянных затрат городов на благотворительность, городские думы расходовали значительные средства в случае исключительных событий. Например, пожертвования городов в пользу раненых в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., выделение средств пострадавшим во время крупных городских пожаров. Расходы на медицину и благотворительность составляли значительную долю городских бюджетов. А призрение в городах Симбирской губернии осуществлялось через сеть богаделен, организации общественных работ, создание домов трудолюбия, выдача пособий нуждающимся, как правило, из пожертвованных средств.

Список литературы:

1. Государственный архив Ульяновской области (далее: ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 107. Л.16.
2. ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 115. Л. 5-8, 17-20.
3. ГАУО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 47. Л. 8 об.
4. ГАУО. Ф. 137. Оп. 34. Д. 7. Л. 21-23.
5. ГАУО. Ф. 137. Оп. 35. Д. 167. Л.39 об.
6. ГАУО. Ф. 137. Оп. 37. Д. 106. Л. 37-38.
7. ГАУО. Ф. 137. Оп.1. Д. 1. Л. 46 об.-50.
8. ГАУО. Ф. 137. Оп.34. Д. 115. Л. 151-152, 218-218 об., 304-307.
9. ГАУО. Ф. 137. Оп.34. Д. 20. Л.10.
10. ГАУО. Ф. 137. Оп.34. Д. 38. Л.92-94.
11. ГАУО. Ф. 137. Оп.34. Д. 50. Л.44-45.
12. ГАУО. Ф. 137. Оп.37. Д. 106. Л. 45-46.
13. ГАУО. Ф. 137. Оп.37. Д. 134.
14. ГАУО. Ф. 137. Оп.37. Д. 55. Л.373-374.
15. ГАУО. Ф. 640. Оп.1. Д. 24.Л. 5-7.
16. ГАУО. Ф. 640. Оп.1. Д.29. Л. 10.
17. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 317. Л. 104-109.
18. ГАУО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 112. Л. 98-99 об.
19. ГАУО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 16. Л. 53.
20. ГАУО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 7. Л.95.
21. ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 13. Л. 31, 53.
22. Журнал заседаний Симбирской городской думы за 1880 г. – Симбирск. – 1880. – № 30. – С. 501-503.
23. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования / П.Л. Мартынов. – Симбирск, 1898. – С. 290.

ИСТОЧНИКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СССР В 1920-Е ГОДЫ (АНКЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

© Ипатенко Е.В.¹

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Быстрый рост масштабов иммиграции, поиски оснований ее регулирования актуализировали изучение иммиграционных проблем, в том числе в историческом ракурсе на широкой источниковой основе. Данная статья сфокусирована на одном из массовых источников – анкетах иммигрантов: с использованием количественных методов оценивается их информационный потенциал для характеристики иммиграционных потоков в СССР в 1920-е гг. – период становления, целенаправленной разработки советской иммиграционной политики.

Международный принцип государственного суверенитета определял право советского государства устанавливать правила допуска иностранцев на свою территорию и их пребывания в стране, исходя из интересов безопасности. СССР изначально был закрытым государством, но не тотально: трансграничные перемещения не исключались, в том числе в 1920-е гг. В этот период целенаправленно разрабатывалась иммиграционная политика, направленная на создание легального, контролируемого иммиграционного пространства, которая в итоге приобрела ярко выраженный ограничительный, селективный характер.

Выбор стратегии иммиграционной политики был обусловлен рядом факторов, которые оказывали двойственное воздействие: стимулирующее (иммиграция обосновывалась экономическими соображениями, рассматривалась как средство пропаганды и формирования устойчивых связей с «привлекательной» частью западных обществ, как внешний ресурс воздействия на население с целью его мобилизации для выполнения задач государственного развития), ограничивающее (сложная ситуация в стране сокращала ресурсы для реализации иммиграционных планов, предполагала повышение требований к потенциальным иммигрантам; осложнялась проблема и в связи с условиями формирования монолитного общества).

В российских архивах представлен широкий спектр источников, которые отражают иммиграционный процесс в СССР. Среди них имеются анкеты иммигрантов – пример массовых источников, которые, отражая в унифицированной форме информацию индивидуального уровня, в совокупности своей позволяют структурировать целые иммиграционные потоки.

¹ Старший преподаватель кафедры Новой, новейшей истории и международных отношений, кандидат исторических наук

Анкеты были введены в оборот в 1922 г., в 1925 г. их формуляр был изменен. Эти документы предназначались для организации контроля всех въезжавших в СССР иностранных граждан. На их основе предполагалось сформировать единую базу данных, однако централизованной системы в 1920-е гг. не сложилось. Заполнялись анкеты прежде всего лицами мужского пола, достигшими 16-летнего возраста; женщины заполняли анкету в том случае, если иммигрировали без мужа, иначе сведения о жене вносились в анкету мужа, сведения о детях вносились в анкеты родителей.

Формуляр анкеты имел сложную структуру (в образце 1922 г. – 35 пунктов, 1925 г. – 27 пунктов).

Информационное поле данного источника можно разделить на несколько групп вопросов:

- во-первых, общие социально-демографические характеристики иммигранта: фамилия, имя, отчество, национальность, место и год рождения, возраст, семейное положение, отбывал ли воинскую повинность, привлекался ли к суду, образование, основная профессия, подсобная профессия, принадлежность к профсоюзу, партии;
- во-вторых, положения, характеризующие иммигранта с точки зрения потенциальной эффективности использования его труда: чем предполагает заниматься, основная профессия, чем занимался последние 5 лет, специальное образование, имеет ли орудия труда, имеет ли наличный капитал, какими языками владеет;
- в-третьих, основные характеристики собственно процесса иммиграции: откуда прибыл, время выезда с прежнего места жительства, через какой пограничный пункт проследовал, когда прибыл, с какими документами явился в КомСТО (Постоянная комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции), причины, побудившие оставить страну последнего места жительства, цель прибытия в страну.

В целом формуляр анкеты в соответствии с ее назначением обеспечивал полную характеристику иммигранта.

В статье рассматривается естественная выборка анкет (выборка – 174 иммигранта, генеральная совокупность – 233-238), выявленная в Государственном архиве Кемеровской области [ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 18. Л. 15-18; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 20. Л. 64-77, 79-84, 88-97, 99-100, 102-123, 126-129, 131-164, 173-180, 187-206, 208-211, 215-218; Д. 29. Л. 20-27, 34-37, 41-42, 48-71, 77-78, 83-86, 88-89, 91-96, 100-101, 106-117, 125-130, 132-133, 142-151, 172-193, 203-206, 213-214, 216-219; Д. 48. Л. 8-10, 14, 16, 18, 22-24, 27-29, 34-44, 48, 49, 52, 54, 60-65, 71, 72; Д. 52. Л. 13, 14, 36-39, 42, 48, 49, 51, 52, 57, 58, 60, 63, 66, 69, 74]. На ее основе устанавливается информационный потенциал источника для изучения иммиграционного потока

определенного временного и территориального среза – в данном случае в Кузбасс в 1923-1926 гг. (речь идет о трудовых иммигрантах, которые целенаправленно направлялись для работы на предприятиях АИК «Кузбасс»; анкеты на них заполняли при встрече на пограничном пункте представители этого производственного объединения, один экземпляр оставался у работодателя и впоследствии документы оказались в архивном фонде). В рамках указанной границы выборка характеризуется как репрезентативная, выявленные анкеты обеспечивают равномерное распределение иммигрантов с точки зрения времени и пространства (обработка ответов на вопросы «откуда прибыл» и «когда прибыл» показала, что в анкетах зафиксированы данные иммигрантов, прибывших к месту назначения в разные месяцы одного года в течение 1923-1926 гг., и отражена широкая география иммиграции).

Состояние выявленных документов с точки зрения информационной полноты удовлетворительное. Во-первых, сам формуляр анкеты предполагает подробную разностороннюю характеристику иммигранта. Во-вторых, в выявленных документах практически отсутствуют пробелы (например, наибольшее количество пропусков, а именно 4, было обнаружено по вопросу о семейном положении). К недостатку данных анкет относится однообразие формулировок ответов, прежде всего на вопросы, раскрывающие мотивы миграции.

Для анализа анкет использовались количественные методы, которые позволили получить распределения по отдельным признакам, показать количественную меру сочетаний признаков и вычислить коэффициенты их связи (коэффициент Крамера) для решения конкретных исследовательских задач. В итоге информация была систематизирована, вычисленные предельные ошибки по отношению к каждому признаку показали, что результаты выборочной обработки могут быть распространены на генеральную совокупность.

Интерпретация полученных данных по ряду признаков представлена ниже.

Возрастная структура иммиграционного потока характеризовалась широким диапазоном: от 1 года до 59 лет. Средний возраст иммигрантов, рассчитанный по выборке, составил 36,5 лет. Полученные данные позволяют определить интервал среднего возраста генеральной совокупности – 35,7-37,2. Таким образом, возрастной показатель в сочетании с половым признаком отражает специфику иммиграции, а именно, большая часть иммигрантов – это мужчины в трудоспособном возрасте.

Еще один признак – семейное положение. Анализ выявил примерно равное количество женатых / замужних и холостых (47,7 % и 50 % соответственно; 2,3 % – вдовцы и разведенные). При этом анкеты отражают явно индивидуальный характер иммиграции, так как большинство зарегистрированных семейных иммигрантов приезжали без семьи, о чем свиде-

тельствуют соответствующие пометки – прибыли члены семьи или остались за границей. Данная информации имеет немаловажное значение: одиночная иммиграция облегчала решение разных бытовых проблем.

Обобщенные сведения по профессиональному признаку можно представить в виде отраслевой структуры: промышленность, строительство, сельское хозяйство, сфера обслуживания. Отдельную группу составляли иждивенцы: это не только дети, но и основная часть женщин, которые в разделе о предполагаемых занятиях указывали домашнее хозяйство. Специфика рассматриваемого района притяжения иммигрантов обусловила преобладание среди них рабочих и специалистов, занятых в промышленном производстве (63,3 %).

В рамках государственной политики формулировались особые требования к иммигрантам: наличие квалификации, капитала, оборудования. Анкеты отражают степень их соблюдения на практике. Так, на вопрос о наличии капитала положительно ответили 43,1 % мигрантов, прибывших в 1923-1926 гг., а о наличии оборудования – 30,5 %. Данные цифры показывают, что в большинстве случаев условия иммиграции нарушались. Но для адекватной оценки полученных результатов необходимо учитывать принципы привлечения иностранных рабочих на предприятия АИК: в соответствии с договором между СТО РСФСР и АИК от 25 декабря 1922 г. они должны были предварительно до переезда вносить 300 долларов на продукты, проезд и оборудование (статья 10) [ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1012. Л. 147]. Таким образом, можно предположить, что в данном случае в анкетах указывалась денежная сумма и орудия труда, которые имел иммигрант при себе кроме уплаченного взноса при оформлении документов о трудоустройстве.

Что касается квалификации, то предлагается оценить не просто профессиональный состав, а сопоставить полученную информацию со сведениями пунктов «чем занимался последние 5 лет» и «образование». Это позволит представить уровень теоретической и практической профессиональной подготовки. Анализ сопряженности признаков «основная профессия» и «чем занимался последние 5 лет» показал высокую степень их связи (0,834), т.е. основная часть иммигрантов имела опыт работы по указанной основной профессии, что подтверждает наличие профессиональных навыков. Определить уровень специального профессионального образования оказалось сложнее, поскольку ответ на этот вопрос встречается редко. Но в целом специальное образование в тех случаях, когда оно указывалось, совпадало с основной профессией.

Существенный вопрос, на который следует обратить внимание, вопрос о знании иностранных языков. Так, по данным анкет только 26,4 % иммигрантов знали русский язык, т.е. очевидно возникал языковой барьер

ер, осложнявший социально-психологическую, производственную адаптацию.

Анкеты позволяют оценить мотивационную основу иммиграции, что является одной из ключевых позиций для понимания характера и содержания этого процесса. Причем необходимо комплексное изучение причин выезда из страны прежнего места жительства и въезда в СССР, поскольку причина эмиграции непосредственно связывалась с переездом в СССР.

В целом внешняя миграция обусловлена разными факторами макроуровня (политическая система и уровень экономического развития страны, занятость и доходы населения и др.) и микроуровня (потребности, ценностные ориентации отдельного человека, социальная среда). Выявленные анкеты отражают следующие мотивы иммиграции.

Во-первых, эмиграция из страны прежнего проживания связывалась не с проблемами внутреннего порядка в этих странах, а с преобразованиями в СССР и желанием в них поучаствовать. Так, «политические преследования», «недовольство капиталистическим строем», «безработица» названы среди причин в 6 % анкет. В то же время 73,2 % иммигрантов выразили желание работать в СССР (помочь работой), помочь советскому пролетариату, познакомиться с жизнью в Советской России.

Во-вторых, практически не указывались мотивы материального характера: только 3 % иммигрантов высказали «желание улучшить жизнь». Это не случайно, поскольку иммиграция изначально не была ориентирована на материальное стимулирование иностранцев, исключение составляли высококвалифицированные специалисты.

Кроме того, в анкетах указывались семейные причины – переезд к ранее выехавшим в СССР членам семьи, что характерно для документов, составленных на иммигранток (муж, жених, отец, сын переехали и работают в СССР).

Анкеты позволяют рассмотреть географию иммиграционного потока, причем, интересно сочетание сведений по 3 признакам: национальность, подданство и страна, из которой прибыл человек. Количественный анализ сведений анкет дает разное соотношение групп по признакам. По первому признаку выделено 26 групп (преобладали немцы – 24,7 %, американцы – 11,5 %, югославы – 11,5 %; подобные формулировки показывают, что при заполнении анкет не вдавались в тонкости определения «национальности»), по второму – 17 (преобладающее подданство: германское – 23 %, американское – 22,4 %, югославское – 13,8 %), по третьему – 8 (преобладающие страны выезда: США – 59,2 %, Германия – 23 %, Канада – 5,7 %), т.е. данные признаки совпадают частично. По таблице сопряженности были выявлены следующие связи между признаками: наименее связаны первый и третий признак (0, 258), второй и третий (0,4), в наиболее сильной степени связаны первый и второй признаки (0, 579). Различия в сочетании признаков отмечаются для каждого конкретного случая иммигра-

ции. Например, среди 103 человек, прибывших из США, имеются представители 24 из 26 указанных национальностей, что отражает особенность американского общества, объединяющего разные этнические группы эмигрантов. А среди 40 человек, прибывших из Германии, 39 – это немцы по национальности. Соотношение этих признаков позволяет охарактеризовать миграционный опыт человека, что имеет существенное значение для оценки его адаптационных возможностей, а в сочетании с мотивационной основой иммиграции – выяснить способы миграционного поведения.

Таковы некоторые возможности систематизации и анализа анкетных материалов, которые могут быть дополнены в зависимости от конкретных целей исследования. В целом этот источник является содержательным информационным ресурсом для количественной и качественной характеристики иммиграционных потоков, оценки степени их соответствия потребностям государства, уровня их адаптационного потенциала в условиях СССР.

ЭВОЛЮЦИЯ МИФОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЯКОВА I СТЮАРТА

© Трунов А.А.¹

Белгородский университет потребительской кооперации,
г. Белгород

В период правления короля Якова I Стюарта (1603-1625 гг.) политическая мифология английского абсолютизма, существовавшая со времен династии Тюдоров, претерпела значительную эволюцию. Яков I осуществил радикальный пересмотр базисного сакрального мифа, репрезентировавшего властно-политическую субъектность английских монархов. Это привело к реактуализации образов и смыслов языческой архаики с ее магическим культом короля-«человекобога».

Король Шотландии Яков VI Стюарт вступил на английский престол по завещанию королевы Елизаветы I Тюдор под именем Якова I, став королем Англии, Шотландии и Ирландии. Правление Якова I началось 24 марта 1603 г. и завершилось 27 марта 1625 г. За этот период политическая мифология английского абсолютизма претерпела определенную эволюцию. Целью данной статьи является анализ тех изменений, которые произошли в содержании политической мифологии английского абсолютизма в начале XVII в.

К началу правления Якова I Англиканская церковь оформилась в институт, самым непосредственным образом поставленный на службу интересам королевской власти, которая также претерпела некоторую трансформацию. Монарх не просто формально возглавил церковь, но возложил на себя символические полномочия такого субъекта публичной политики, который теоретически имеет безграничные возможности для осуществления бесконтрольного управления своими подданными. «Титул короля, – уверенно заявлял Яков I, – божественного происхождения, поскольку короли только Богом посажены и только перед Ним отчитываются за свои дела» [4, С. 65]. По его же словам, «монархии принадлежит самое высшее положение на земле, так как короли являются не только заместителями Бога на земле и занимающими Его трон, но даже Самим Богом они признаны богами» [3, С. 16].

«Король, – излагал идейные основы своей доктрины Яков I, – является верховным властителем над всей страной, точно также как он является господином над всяким лицом, которое в ней обитает, имея право жизни и

¹ Доцент кафедры Социальной работы и документоведения, кандидат философских наук

смерти над каждым из обитателей. Ведь хотя справедливый правитель и не станет отнимать жизнь у кого-либо из своих подданных без ясного указания закона, однако законы, в силу которых эта жизнь отнимается, издааны им самим или его предшественниками. И таким образом власть всегда истекает из него самого» [3, С. 7].

Однако эти политико-теологические декларации Якова I в корне противоречили весьма распространенным представлениям конца XVI – начала XVII вв. об ограниченном характере монархической власти в Англии. Показательно, что не только принципиальные противники божественного происхождения королевской власти, но и ее безусловные сторонники сходились во мнении, что власть английских монархов не является абсолютной, поскольку ограничивается законами страны и правом парламента вводить налоги [7, Р. 34-39].

Реальная власть в начале XVII в. действительно была разделена между королем и парламентом, а точнее – принадлежала «королю в парламенте». При этом парламент Англии отнюдь не являлся послушным орудием в руках короля. Напротив, он активно занимался законотворчеством и политикой.

Может сложиться впечатление, что Яков I в своих абсолютистских притязаниях следовал той политической традиции, которая была заложена его предшественниками – Тюдорами. Однако при ближайшем рассмотрении сущности тюдоровского абсолютизма это впечатление следует признать ошибочным. Целесообразно говорить лишь о некоторой преемственности политического курса Тюдоров и ранних Стюартов.

С одной стороны, абсолютизм династии Тюдоров (1485-1603 гг.) был тем защитным механизмом, который со временем сделал персону монарха практически независимой от церкви и лендлордов. В этой связи обращает на себя внимание несомненная метаморфоза средневековой политической символики, которая произошла именно в период правления Тюдоров. На протяжении двухсот лет английские короли изображались на монетах в открытой короне, пока на золотом соверене не появился Генрих VII Тюдор в «сводчатом» головном уборе, символизировавшем верховную власть, противопоставленную любой нижестоящей ступени властной иерархии. Это было попыткой короны укрепить свое влияние в противовес сеньориальной власти лендлордов. Королевские юристы уже тогда утверждали, что монарх обладает монополией на издание законов, совершение правосудия, ведение войн, налогообложение.

С другой стороны, чем больше prerogatives Тюдоры старались закрепить за собой, чтобы создать противовес своим политическим конкурентам из среды английской аристократии, тем отчетливее они определяли права своих подданных. По существу же, это был взаимовыгодный процесс. Ведь до тех пор, пока королевские prerogatives были ограничены со

стороны какой-либо внешней власти, гарантии свободы их поданных также не могли иметь своего внятного юридического оформления. Когда же королевская власть по-настоящему стала суверенной, были определены и гарантии прав поданных.

Все это свидетельствует о том, что при Тюдорах королевские prerogatives назывались «абсолютными» главным образом потому, что они не контролировались и не ограничивались никакой другой властью. При этом такие традиционные ценности английской политической культуры, как свобода, самоуправление, верховенство закона вполне уживались с институтом абсолютной монархии благодаря тому, что существовали корпорации и сословные представительства, обязанные защищать свои интересы перед королем. Именно корпоративные и представительные органы были наиболее твердой и надежной опорой всей системы тюдоровского абсолютизма. Характерно, что абсолютная власть династии Тюдоров воспринималась большинством их поданных скорее как освободительная, а не как подавляющая сила. Во всяком случае, она была гораздо более предпочтительной, нежели бесконечная череда феодальных междоусобиц или тирания местных лендлордов.

С восшествием на английский престол Якова I ситуация стала меняться. Во многом это произошло под влиянием теории «божественного права королей». Эта теория появилась во Франции. Ее истоки можно обнаружить в сочинениях Ж. Бодена. В 1570-х гг. Боден начал активно использовать понятие «суверенитет», определяя его как абсолютную и непрерывную власть суверена. «Необходимо, – отмечал Боден, – чтобы суверены не подчинялись повелениям других людей, и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать» [1, С. 305].

Теория «божественного права королей» пришлась весьма по вкусу Якову I, который симпатизировал формировавшемуся в то время французскому абсолютизму и был совсем не прочь укрепить абсолютизм английский. Опираясь на нее, он отделил королевскую власть от парламента, оспорил традиционный авторитет мировых судей, обосновал притязания королей выступать в качестве суверенных правителей, начал гонения против инаковерующих.

Слова Якова I по поводу абсолютного характера королевской власти в Англии представляются нам почти буквальным повторением слов Бодена: «Король издает ежедневно статуты и ордонансы, подкрепляя их теми наказаниями, которые он считает подходящими, без какого-либо участия парламента или сословий; в то же время не во власти парламента издание какого-либо закона или статута без того, чтобы королевский скипетр не прикоснулся к нему, сообщая ему законную силу» [3, С. 7].

Это позволяет сделать вывод о том, что в сердцевине политико-идеологического мышления Якова I находилась совокупность тщательно отобранных рациональных аргументов, позаимствованных как у Бодена, так и у других теоретиков «божественного права королей». Эти аргументы имели целью доказать, что короли как суверены подчиняются только Богу и только перед Ним несут всю полноту ответственности за свои действия.

Понятие «абсолютная власть», конечно же, не означало, что монарх мог делать все, что ему только заблагорассудится. Напротив, власть абсолютных монархов ограничивалась правом, на котором строился весь оксидентальный порядок. Король, конечно же, мог изменять законы, что было не таким уж простым делом, но он обязан был им подчиняться. Тем не менее, королевская власть изначально конструировалась Яковом I как «моносубъект» публичной политики, как экстралегальный субъект-сам-для-себя. Этот «моносубъект» не нуждался в каких-либо других субъектах социального действия, замыкая всю власть на себе.

Между тем совершенно очевидно, что не только власть, но и английское общество в начале XVII в. являлось полисубъектным. В нем существовала субъектность различных и разноуровневых социальных агентов (индивидов, групп, корпораций и т.п.), а сам процесс социальной динамики развивался как положительное (поиск общественного согласия, политические и религиозные компромиссы), так и отрицательное (политическая борьба, религиозные конфликты) взаимодействие. Однако экстралегальность (надзаконность) и одновременно «моносубъектность» (гиперволюитаризм) короля в полисубъектном английском обществе – это историческая аномалия. В дальнейшем развитии такого сочетания либо «моносубъектность» короля должна была раствориться в полисубъектности английского общества, либо же это общество должно было перестать быть полисубъектным, подчинив себя экстралегальности короля. Эта коллизия отчетливо обозначилась уже в 1604 г. и со временем приняла форму затяжного конфликта с парламентом.

В этом конфликте Яков I был вынужден принимать во внимание как политико-юридический миф о парламентских свободах, так и реальную парламентскую практику, на которую он оказал существенное влияние. Например, в представлении палаты общин о правах и вольностях от 20 июня 1604 г. обращает на себя внимание такое высказывание: «Мы весьма преданно утверждаем: первое, что наши привилегии и вольности являются нашим правом и принадлежат нам по наследству в такой же мере, как наши земли и движимости; второе, что они не могут быть отняты у нас, отрицаемы или умаляемы, иначе как с причинением вреда всему строю королевства» [3, С. 11].

В этом же документе подробно разъясняется, что права и вольности общин Англии состоят в следующем: «первое, что графства, города и бурги Англии, имеющие право представительства, пользуются возможностью

свободного выбора тех лиц, которым они доверяют их представлять; второе, что избранные лица во время заседаний парламента, а равно их приезда и отъезда, свободны от задержания, ареста и заключения; третье, что они могут свободно высказывать свои мнения в парламенте без какой-либо помехи» [3, С. 11-12].

Позднее, в представлении палаты общин о правах и привилегиях парламента от 18 декабря 1621 г., было заявлено, что вольности, льготы, привилегии, юрисдикции парламента являются «древним и бесспорным прирожденным и наследственным правом поданных Англии» [3, С. 18]. Более того, все «важные и не терпящие отсрочки дела, касающиеся короля, государства и защиты королевства и английской церкви, являются законными предметами и материями для рассмотрения и обсуждения в парламенте» [3, С. 18]. При этом каждый член палаты общин «имеет и по праву должен иметь свободу слова для предложения, обсуждения, критики» [3, С. 18]. Примечательно, что текст этого представления Яков I сначала собственноручно вырвал из книги постановлений палаты общин, а затем, в январе 1622 г., распустил строптивый парламент.

Еще в Шотландии Яков VI Стюарт написал трактаты «Царский дар» («*Basilikon Doron*», 1599 г.) и «Истинный закон свободных монархий» («*The Trew Law of Free Monarchies*», 1603 г.). В своих трактатах Яков VI Стюарт пытался предложить подданным свое видение идеального монарха – мудрого и праведного судьи, миротворца, защитника истинной веры. Этот архетипический образ был найден им в лице Соломона, третьего царя Израильско-Иудейского царства.

К повторению успехов знаменитого библейского царя стремился и Яков VI Стюарт (будущий Яков I), мечтавший своим правлением стяжать себе славу «Шотландского Соломона». Представляется, что именно этот библейский образ является ключевым для понимания архетипической основы и производных от нее политико-мифологических проекций всего многолетнего правления Якова I (VI) Стюарта, сначала как короля Шотландии, а затем – как правителя Британских островов.

При этом Яков I (VI) Стюарт выступил не только в качестве интерпретатора ветхозаветного образа царя Соломона, но и как создатель британской политической мифологии, включавшей в себя ряд логически взаимосвязанных идеологически маркированных иносказательных историй, сгруппированных вокруг базисного сакрального мифа. Согласно этому мифу, следовавшему из теории «божественного права королей», монарх – это отнюдь не слепое орудие в руках Бога, а Его личный носитель, ничем не ограниченный в принятии собственных «богоугодных» властно-политических решений.

Миф о земной непрерывной теофании монарха с неизбежностью становился фундаментальным сакральным мифом раннестюартовского абсолютизма, в котором государство персонифицировалось и обожествлялось, получая статус некоего мифологического персонажа. Характерно, что

именно этот абсолютистский миф позднее получил свою классическую философскую рационализацию в знаменитом «Левиафане» (1651 г.) Т. Гоббса.

Левиафан – это некое искусственное тело, объединяющее в себе множество людей, составляющих могущественное государство, которое есть «реальное единство, воплощенное в одном лице». «Если это совершилось, – отмечает Гоббс, – то множество людей, объединенных таким образом в одном лице, называются государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того *смертного бога* [курсив наш, – А.Т.], которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [2, С. 119]. И далее – ключевое определение: «Государство есть *единое лицо* [курсив наш, – А.Т.], ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и защиты» [2, С. 119].

Если следовать Гоббсу, то государство-Левиафан в общественном сознании действует как всемогущий и одновременно посюсторонний властно-политический субъект. Монарх выступает сувереном-народоводителем от имени идола (государства-Левиафана). Посредничество английского монарха между идолом и народом должно было основываться на наличии у монарха особой благодатной харизмы и его сопричастности государству-Левиафану, утверждаемому установленным ритуалом и культом государственной церкви.

Король-«человекобог» (каковым себя считал сначала Яков I, а позднее и его сын – Карл I) как персонифицированный носитель особой благодати в дозах, позволяющих нарушать естественный ход событий в пользу нуждающегося народа, безусловно, был свободен в выборе практически любых властно-политических решений. Но как реальный человек, стоящий во главе земной администрации, он находился в зависимости от правящей элиты, выдвиженцем которой, собственно, и являлся. В начале XVII в. английский монарх был весьма зависим от правящей элиты, стремившейся монополизировать высшие функции законотворчества и духовно-политического суда, а также обладавшей еще и вполне реальной возможностью устранения короля-«человекобога» при соответствующем религиозном оформлении.

И вопреки любым, пусть даже и хорошо аргументированным, политико-теологическим интерпретациям, король-«человекобог» остается всего лишь смертным человеком. Все его действия ограничены во времени и пространстве. Поэтому Яков I, который отождествлял свою персону с мудрым и праведным судьей, миротворцем, защитником истинной веры, столь резко поднимал планку собственной харизматичности, что был просто не в состоянии без постоянной и непрерывной «потусторонней помо-

щи» сохранять столь чудодейственный образ в сознании миллионов своих подданных. Восполнить это «упущение» должна была иерократия – профессиональная церковная элита, которая в Англии ко времени воцарения первого Стюарта сосредоточила в своих руках не только управление бытовыми вопросами, нравственностью и ритуалами, но и практически всю сферу публичной политики в ее профессиональном измерении. Характерно, что в начале XVII в. во время всех важных событий одинаковые призывы звучали одновременно с многих тысяч церковных кафедр, и это, несомненно, оказывало очень сильное воздействие на английское общество.

В этих условиях ничто не могло быть сделано без санкции священноначалия. Основные задачи Англиканской церкви при Якове I во многом определялись корпоративными интересами иерократии и новой феодально-аристократической элиты, вступившей с нею в стратегический альянс. Их решение заключалось не столько в поиске оптимальных путей в деле спасения души каждого конкретного представителя английского народа, сколько в трансляции новой формы абсолютистской мифологии, в насаждении эффективных форм контроля над сознанием подданных короля для обеспечения их максимальной лояльности.

Таким образом, английский абсолютизм Якова I представлял собой режим государственно-политической власти, при котором правящая элита (иерократия и раннестюартовская аристократия) утверждала суверенитет своего выдвиженца ссылками на его «человекобожественность».

В этих условиях как никогда ранее возрастала роль такой преимущественно символической конструкции, как публичный имидж монарха. Необходимыми составляющими публичного имиджа Якова I становились его полная непогрешимость и абсолютная независимость в своих действиях от каких-либо земных форм контроля и любой иной, то есть не им созданной, религиозной или политической мифологии.

Исходя из теории «божественного права королей», все, что с такой настойчивостью излагалось Яковом I по поводу прерогатив королевской власти, было весьма последовательным. На практике же получалось несколько иначе. Дело в том, что публичный имидж английского монарха, почувствовавшего себя единственным законным представителем Божественной Воли, требовал не мегаломании, а реальных общегосударственных успехов и побед в их соотношении с нравственным идеалом английского народа, выраженным его национальной мифологией, включая, конечно же, и ее религиозные вариации.

Нравственный идеал является конституирующим началом по отношению к любым формам политической мифологии. Национальная мифология способствует сохранению, укреплению и развитию конкретного социума в качестве одной природной великой Семьи.

Эту связь официальной государственной мифологии с национальной мифологией и ее смысловым ядром, нравственным идеалом, великолепно

проиллюстрировал Н. Макиавелли, знавший толк в подобных вопросах. «Государи, желающие сохранить государство от порчи, должны соблюдать в чистоте религиозные обряды и всегда поддерживать уважение к ним, потому что самый сильный признак, указывающий на упадок страны, состоит в отсутствии почтения к богослужению. Легко достигнуть этого, если знать, на чем основана религия родины, так как всякая религия имеет основанием своего существования какое-нибудь из главных учреждений» [5, С. 144]. Только в этом случае новый публичный имидж английского монарха смог бы достаточно органично и безболезненно имплантироваться в живую ткань абсолютистской мифологии.

Заметим, что сакрализация власти Якова I коренилась отнюдь не в основах вероучения Англиканской церкви и тем более не в его рассуждениях о «божественном праве королей», по всей вероятности, малопонятных для широкой публики. Ее истоки следует искать в особенностях религиозного менталитета и социального мышления людей, живших в начале XVII в. А оно, как известно, функционировало по принципу бинарных оппозиций.

К числу наиболее важных из них относилось противопоставление «сущего» и «должного», то есть земли и Неба. Из этого метафизического построения следовал вывод о земном властителе как вселенском «живом образе» и «наместнике» своего Небесного первообраза – Богочеловека Иисуса Христа, что стало не только естественной основой социального порядка, но и предопределило сакрализацию места и функций властителя в земной иерархии. Именно склонность абсолютного большинства подданных Якова I к религиозному восприятию бытия и исключительная важность главы государства придавали образу монарха сверхчеловеческий характер в общественном сознании.

Но в том-то и дело, что Яков I упорно не желал приспособливаться к народным представлениям о сущности королевской власти. В этом вопросе он полагался, скорее, на собственную интуицию. Изучение исторических документов, относящихся к периоду правления Якова I, не оставляет сомнений в том, что он своим стремлением быть «человекобогом» фактически не ставил вопроса о своем моральном соответствии народным представлениям о богоугодном короле.

Тем не менее, у Якова I на протяжении значительной части его правления все складывалось хотя и без особого блеска, присущего его предшественнице, но относительно благополучно. Дело в том, что иррациональная народная вера в присутствие в короле качеств «наместника» Богочеловека Иисуса Христа на земле была эффективным инструментом в руках правящей элиты, с помощью которого власть реального монарха признавалась как данная свыше и на этом основании как легитимная. Согласно народным представлениям, эта власть магическим образом проникала в тело монарха в момент коронации и помазания, санкционируя все

его деяния до самого конца земного пути. При этом символическая основа королевской власти опиралась на идею аналогии со своим Небесным первообразом – Иисусом Христом, что было явлением, характерным для онтотеологии всей эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Проблемы стали возникать несколько позже, что было закономерно. «Каковы бы ни были теоретические достоинства абсолютистского учения, оно искажало английскую политическую практику, ибо фактически король и его подданные были связаны отношениями взаимной подчиненности», – констатировал крупный британский исследователь раннеюартовского периода Дж. Соммервиль [7, Р. 57]. Представляется, что Соммервиль довольно точно определил наиболее слабое звено абсолютистской мифологии Якова I: ее очевидное расхождение с реальной политической практикой. Не менее важную роль сыграло и столь же заметное ее расхождение с традицией протестантизма.

Английская протестантская традиция, сложившаяся ко времени правления Якова I, основывалась на интерпретации Библии и восходила к Эдуарду VI (1547-1553 гг.) и Елизавете I (1558-1603 гг.) как своего рода «идеальным типам» праведных правителей. Однако уже к концу правления «доброй королевы Бесс», в 90-е гг. XVI в., у некоторых из ее подданных появились сомнения в чистосердечной приверженности королевы к тому виду протестантизма, который она исповедовала публично.

Действия Якова I подверглись еще более жесткой критике со стороны его подданных. При этом смысл высказываний зачастую значительно отличался от формального значения слов. Поэтому если заглянуть за ширму лояльного пустословия, то станет понятным, что существовали принципиальные разногласия между Яковом I и его подданными. Так, Яков I искренне полагал, что «монархия, напоминая божественную власть, почти достигает совершенства» [6, С. 210]. Критики Якова I, напротив, были убеждены в том, что король – это всего лишь «глупый вассал Бога» [6, С. 78]. В памяти многих своих современников Яков I так и оставался «ученейшим дураком всего христианского мира», а не «Шотландским (Британским) Соломоном» как ему, вероятно, могло или хотелось казаться. Карикатурный образ «ученейшего дурака» использовался противниками политики Якова I в качестве своеобразного «контрмифа» – упрощенной и искаженной версии мифа о «Шотландском (Британском) Соломоне».

Если исходить из положения о том, что единственным подлинным субъектом мифотворчества является народ как генетически однородное и исторически преемственное сообщество людей, то становятся понятными истоки критического отношения ко всякой официальной политической мифологии, в том числе и к абсолютистской мифологии Якова I. Подспудному нарастанию религиозного неконформизма, а несколько позднее – и политической оппозиции королевскому двору, – в Англии способствовало беспрецедентное по своим масштабам наступление раннеюар-

товского абсолютизма, вынужденного имитировать политику религиозного устрашения населения и параллельно с этим насаждать магический культ короля-«человекобога».

Магия, инкорпорированная в сферу официальной государственной идеологии и реальной политики, сравнительно быстро приводила ранне-стuartовский абсолютизм к ошибочным решениям и политическому банкротству. Вместо рационального мудрого судьи («должное»), символом государства становился не вполне адекватный персонаж, действовавший на основе иррациональных ценностных постулатов, но проводивший вполне рациональную политику в интересах правящей элиты («сущее»).

Расширение королевских prerogatives, нововведения в аграрной сфере, дорогостоящий и довольно сомнительный фаворитизм, поощрение диктата Англиканской церкви, откровенные провалы во внешней политике (например, так и не состоявшийся «испанский брак» между принцем Уэльским Карлом и инфантой Марией-Анной) вели к образованию глубоких расхождений между королем и его подданными. Король-«человекобог» переставал соответствовать своему Небесному первообразу, «выпадая» из парадигмы своего же сакрального мифа. Вместо этого происходила очевидная перекодировка архетипа мифологического наместника Христа на земле в смыслы и образы языческой архаики с ее магическим культом короля-«человекобога», который переставал быть земной проекцией христианского Царя Небесного и становился воплощением «князя мира сего».

Гонения против инаковерующих и инакомыслящих давали лишь обратный эффект, поскольку при отсутствии позитивных результатов, при фактическом отказе властей в масштабах всей страны от привычной политики патернализма, монарх и правящая элита превращались в носителей тьмы, явившихся из прошлого в окровавленных одеждах нормандских завоевателей. Но происходило это уже по законам десакрализации абсолютистской мифологии. Ибо вслед за дискредитацией мифического образа английского короля как «наместника» Господа Иисуса Христа не так уж и долго оставалось до того дня, когда произошла окончательная утрата королем сначала символической, а затем и реальной власти над своими подданными.

Впрочем, негативные последствия претворения в жизнь абсолютистской мифологии Якова I обнаружили себя гораздо позднее – во время правления Карла I (1625-1649 гг.), который в силу отсутствия у него надежной социальной опоры и политической гибкости лишь усугубил и преумножил основные ошибки своего отца.

Обобщая все изложенное, подведем основные итоги:

1. В период многолетнего правления Якова I, бывшего королем Англии, Шотландии и Ирландии, политическая мифология английского абсолютизма, существовавшая со времен династии Тюдоров, претерпела значительную эволюцию.

2. Яков I, опираясь на теорию «божественного права королей», в разработку которой он внес значительный личный вклад, совместив политическое мифотворчество с актуальным для того времени «прочтением» задач повышения эффективности государственного управления, осуществил реинтерпретацию образа ветхозаветного царя Соломона. Вследствие этого произошла своеобразная «перекодировка» сакрального мифа, репрезентировавшего власть английских монархов, в смыслы и образы языческой архаики с ее магическим культом короля-«человекобога».
3. Деградация абсолютистской мифологии, разработанной Яковом I, была вызвана крайне неудачными попытками правящей элиты и обслуживающего ее интересы церковно-идеологического «аппарата» выдать «сущее» за «должное», то есть создать из слабого человека и заурядного политика образ мифического короля-«человекобога».

Все это с неизбежностью повлекло за собой целую цепочку драматических событий, которые, будучи тесно сопряжены с объективным содержанием системного кризиса позднего феодализма, значительно ускорили приближение того, что позднее в трудах одних историков получило название «Великого мятежа», а других – «Английской революции».

Список литературы:

1. Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997. – 832 с.
2. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
3. Законодательство английской революции 1640-1660 гг. / Отв. ред. Е.А. Косминский, сост. Н.П. Дмитриевский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, Институт Права, 1946. – 382 с.
4. Лавровский В.М. Сборник документов по истории английской революции XVII в. – М.: Высшая школа, 1973. – 342 с.
5. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. – М.: Мысль, 1996. – 634 с.
6. Хилл К. Английская Библия и революция XVII века / Пер. с англ. Т.А. Павловой. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 490 с.
7. Sommerville J.P. Politics and ideology in England, 1603-1640. – L.: Longman 1986. – 250 p.

Раздел второй

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ОСОБЕННОСТИ УЛЬТРАСТРУКТУРЫ ЭПИДЕРМИСА И ПАРЕНХИМЫ БЕСКИШЕЧНЫХ ТУРБЕЛЛЯРИЙ (ASCOELA)

© Заботин Я.И.¹

Казанский государственный университет, г. Казань

Данная работа посвящена изучению клеточного строения эпидермиса и паренхимы бескишечной турбеллярии *Archaphanostoma agile* (Acoela) с помощью трансмиссионного электронного микроскопа. Отмечена большая пластичность клеточной организации Acoela, проявляющаяся в наличии у *A. agile* трех типов эпидермиса (однослойный обособленный, погруженный и третий тип, напоминающий немертиновый), трех типов клеток периферической паренхимы, различающихся по размеру, электронной плотности цитоплазмы и карิโอплазмы и составу органелл, и присутствием центральной паренхимы в двух вариантах – клеточном и синцитиальном. Все перечисленные особенности, вероятно, свидетельствуют о примитивности этой группы, а не о вторичном упрощении.

В настоящее время электронная микроскопия все шире используется в эволюционной морфологии, систематике и филогении в масштабах как всего царства животных, так и отдельных таксонов. Одной из ключевых групп в эволюции Metazoa являются бескишечные турбеллярии (Acoela). Одни зоологи считают эту группу наиболее примитивной из всех Bilateria, другие – вторично упростившейся. Обзор альтернативных точек зрения по этому вопросу см. в работах [1, 2]. Тем не менее, морфология Acoela до сих пор изучена на ультраструктурном уровне довольно слабо.

В частности, особое внимание исследователей привлекает строение покровов и паренхимы Acoela, отличающееся большим разнообразием. По данным ряда авторов [1, 3-5] у Acoela встречаются следующие варианты эпидермиса: примитивный однослойный, погруженный эпидермис (базальные части эпидермальных клеток погружены в паренхиму), немертиновый эпидермис (между клетками эпидермиса внедряются элементы паренхимы) и обособленный однослойный эпидермис.

Не менее многообразна по строению и паренхима Acoela, главная отличительная черта которой – способность к переходу в синцитиальное состояние и участие в процессе пищеварения в связи с отсутствием у этих животных кишечника [6-8]. У ряда видов Acoela синцитиальные структуры присутствуют либо постоянно, либо во время захвата и переваривания пищи. Лишь у одного из изученных видов – *Paratomella rubra* – синцити-

¹ Аспирант

альные структуры не были обнаружены [9]. Крайне интересным исключением является также *Actinoposthia beklemishevi*, у которой вместо синциция в паренхиме образуется обширная пищеварительная полость [8].

Целью настоящей работы явилось электронно-микроскопическое изучение клеточного строения эпидермиса и паренхимы бескишечных турбеллярий на примере вида *Archaphanostoma agile* (Jensen, 1878). Представители данного вида были собраны на литорали о-ва Виченная Луда (губа Чупа, Керетский архипелаг, Белое море) в грунте и смывах с водорослей. Черви были зафиксированы целиком в 1 % глютаровом альдегиде на 0,1 М фосфатном буфере и подготовлены для электронной микроскопии по стандартной схеме.

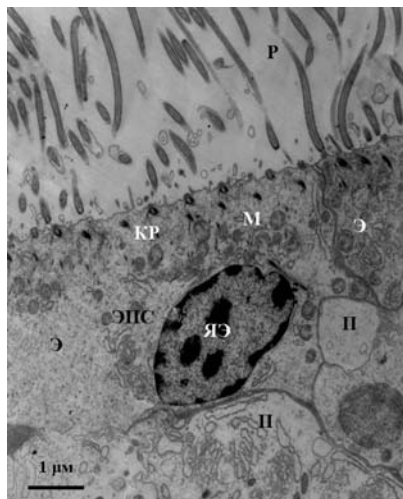

Рис. 1. Клетки эпидермиса *Archaphanostoma agile*

- где Э – клетка эпидермиса;
ЯЭ – ядро клетки эпидермиса;
Р – реснички;
КР – корешки ресничек;
КГ – комплекс Гольджи;
ЭПС – эндоплазматическая сеть;
М – митохондрия;
П – клетки паренхимы.

Покровы *A. agile* представляют собой однослойный эпидермис, состоящий из клеток 4-5 мкм высотой (рис. 1). В базальной части эпидермальной клетки (ближе к паренхиме) располагается ядро круглой, овальной или вытянутой формы, диаметром 3 мкм. Цитоплазма клетки средней электронной плотности, богата органеллами – каналами ЭПС, диктиосомами комплекса Гольджи, митохондриями, а также многочисленными

очень мелкими электронноплотными включениями. Клетки эпидермиса имеют различную высоту, поэтому его нижний край неровный. Базальная мембрана, как и у остальных описанных видов *Acoela*, отсутствует, так что эпидермис слабо отграничен от паренхимы. Иногда ядросодержащие участки отдельных эпидермальных клеток погружаются вглубь паренхимы, так что обособленный эпидермис превращается в погруженный.

Наружная поверхность эпидермиса *A. agile* покрыта ресничками. Их корешки имеют строение, типичное для *Acoela*, однако не встречающееся у остальных групп плоских червей (рис. 2). Каждая ресничка имеет один главный корешок до 1 мкм в длину, образующий перегиб, от которого отходят два латеральных корешка длиной до 1 мкм и идут к главным корешкам соседних ресничек. От кинетосомы назад отходит короткий, длиной всего 0,3 мкм задний корешок.

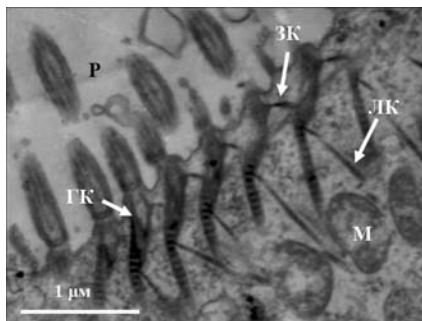

Рис. 2. Корешки ресничек эпидермальных клеток

где Э – клетка эпидермиса;
Р – реснички;
ГК – главный корешок;
ЗК – задний корешок;
ЛК – латеральные корешки;
М – митохондрия.

В некоторых случаях, однако, покровы *A. agile* приобретают другой вид. Отростки клеток периферической паренхимы (до 3 мкм в ширину) выходят на поверхность между эпидермальными клетками, сдавливая их. Кроме того, в покровах присутствуют также железистые клетки с электронноплотным секретом, выходящие на поверхность между клетками эпидермиса.

В паренхиме *A. agile* можно выделить две части – периферическую и центральную, каждая из которых состоит из нескольких типов клеток.

Клетки периферической паренхимы I типа лежат непосредственно под эпидермисом (рис. 3). Они имеют овальную или вытянутую форму, достигают 5-7 мкм в длину и имеют довольно крупное ядро (до 4 мкм в диаметре). Цитоплазма клетки электроннопрозрачная, бедна органеллами, из

которых наиболее заметны митохондрии, каналы ЭПС и диктиосомы комплекса Гольджи.

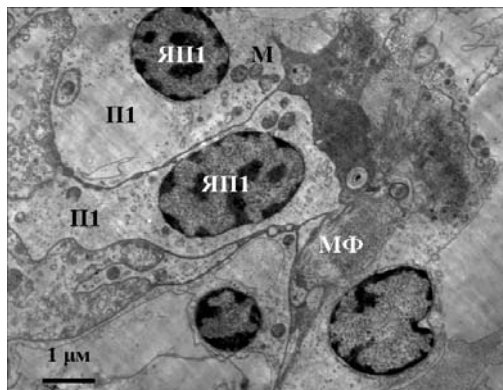

Рис. 3. Клетки периферической паренхимы I типа

где П1 – клетка периферической паренхимы I типа;

ЯП1 – ядро клетки периферической паренхимы I типа;

М – митохондрия;

МФ – миофибриллы.

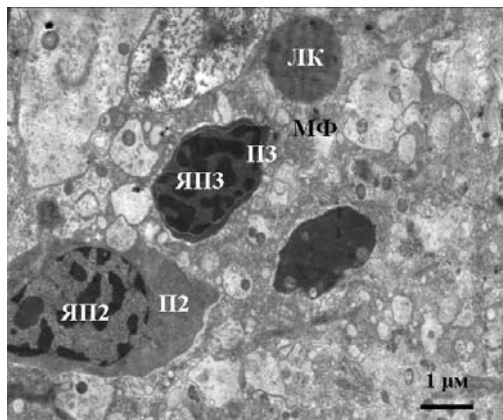

Рис. 4. Клетки периферической паренхимы II и III типов

где П2 – клетка II типа;

ЯП2 – ядро клетки II типа;

П3 – клетка III типа;

ЯП3 – ядро клетки III типа;

МФ – миофибриллы;

ЛК – липидная капля.

Клетки II типа характеризуются очень темной электронноплотной цитоплазмой (рис. 4). Они овальные или вытянутые (длиной 6 мкм), с крупным ядром, в котором хроматин либо образует крупные электронноплотные скопления, либо равномерно рассеян по кариоплазме в виде мелких хлопьев средней электронной плотности. Кариоплазма относительно электроннопрозрачная.

Клетки III типа резко отличаются по внешнему виду от двух предыдущих типов. Они небольшие (до 3,5 мкм в диаметре), овальные или вытянутые. Ядро очень крупное (до 3 мкм в диаметре), в то время как цитоплазма образует лишь узкий (менее 0,5 мкм в ширину) ободок вокруг него. Кариоплазма отличается высокой электронной плотностью. Цитоплазма бедна органеллами. Клетки этого типа встречаются редко.

В периферической паренхиме кроме этих трех типов клеток встречаются миофибриллы, секреторные железы и их протоки, нервные клетки и их отростки, а также половые клетки – яйцеклетки и сперматозоиды на разных стадиях созревания.

Типичные клетки центральной паренхимы имеют разнообразную форму – от овальной или вытянутой до амебоидной с многочисленными отростками, и достигают размера от 6 до 10 мкм (рис. 5).

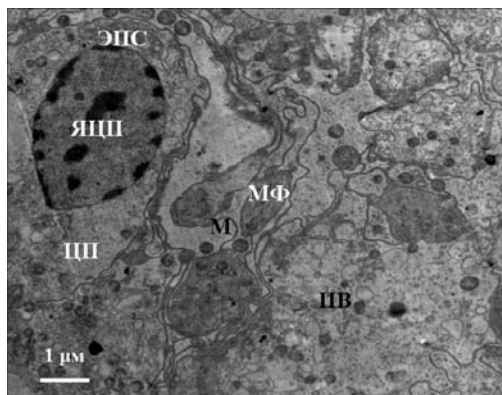

Рис. 5. Клетки центральной паренхимы и их отростки

- где ЦП – клетка центральной паренхимы;
ЯЦП – ядро клетки центральной паренхимы;
ЭПС – эндоплазматическая сеть;
М – митохондрия;
МФ – миофибриллы;
ПВ – пищеварительные вакуоли.

Ядро обычно крупное, овальное, до 6 мкм в диаметре с большим количеством конденсированного хроматина, образующего центральные и пристеночные скопления. Цитоплазма электроннопрозрачная или средней

электронной плотности, содержит большое число органелл и различных включений. Клетки центральной паренхимы *A. agile* способны к активному фагоцитозу, о чем свидетельствует большое количество мелких пищеварительных вакуолей – участков цитоплазмы, ограниченных мембранами и содержащих непереваренные остатки пищи. Отростки клеток порой образуют очень сложные и причудливые переплетения.

В типичном случае центральная паренхима *A. agile* имеет очевидное клеточное строение, и границы клеток всегда четко просматриваются. Однако клетки центральной паренхимы встречаются также и в другом, сильно видоизмененном состоянии – синцитиальном (рис. 6). В синцитиальной массе встречаются крупные ядра клеток центральной паренхимы (до 4 мкм в диаметре), разрозненные каналы ЭПС, диктиосомы комплекса Гольджи. Основную массу синцития занимают многочисленные пищеварительные вакуоли, ограниченные мембранами. Внутри них хорошо заметны непереваренные остатки пищи. Таким образом, синцитий по сути выполняет функцию одного или нескольких огромных фагоцитов.

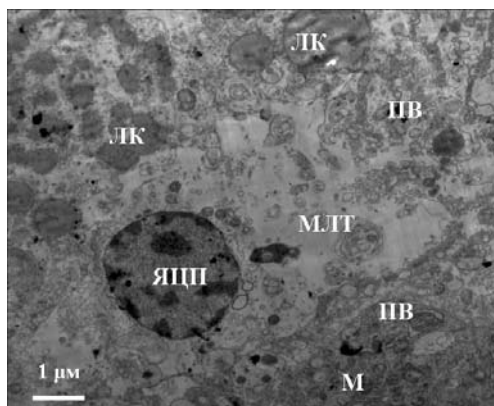

Рис. 6. Центральный синцитий

где ЯЦП – ядро клетки центральной паренхимы;
ЭПС – эндоплазматическая сеть;
М – митохондрия;
ЛК – липидные капли;
ПВ – пищеварительные вакуоли;
МЛТ – мультислойные тельца.

Проведенные исследования свидетельствуют о большой клеточной пластичности бескишечных турбеллярий. Это подтверждается наличием у *A. agile* нескольких вариантов эпидермиса (однослойный обособленный, погруженный и третий вариант, отдаленно напоминающий немертиновый), многообразием клеточного состава паренхимы и ее склонности к

образованию синцития. Такое богатство вариантов строения на ультраструктурном уровне, вероятно, может свидетельствовать о древности и примитивности этой группы, а не о вторичном упрощении.

Список литературы:

1. Иванов А.В., Мамкаев Ю.В. Ресничные черви (Turbellaria), их происхождение и эволюция. – Л.: «Наука», 1973. – 221 с.
2. Ливанов Н.А. Пути эволюции животного мира (анализ организации главных типов многоклеточных животных). – М.: «Советская наука», 1955. – 400 с.
3. Беклемишев В.Н. Класс Ресничных червей (Turbellaria). В кн. «Руководство по зоологии», т. 1. – М. – Л., 1937. – С. 386-457.
4. Иванов А.В. Бескишечные турбеллярии (Acoela) южного побережья Сахалина // Тр. Зоол. Ин-та АН СССР. – 1952. – Т. 12. – С. 40-132.
5. Мамкаев Ю.В. Очерки по морфологии бескишечных турбеллярий // Тр. Зоол. Ин-та АН СССР. – 1967. – Т. 44. – С. 26-108.
6. Мамкаев Ю.В., Маркосова Т.Г. Электронномикроскопическое исследование паренхимы бескишечных турбеллярий // Тр. Зоол. Ин-та АН СССР. – 1979. – Т. 84. – С. 7-12.
7. Pedersen K.J. The cellular organization of *Convoluta convoluta*, an Acoel turbellarian: a cytological, histochemical and fine structural study // *Zeitschr. Zellforsch.* – 1964. – Vol. 64. – 5. – P. 655-687.
8. Райкова О.И. Ультраструктурная организация пищеварительной системы бескишечной турбеллярии *Actinoposthia beklemishevi* Mamkaev // Тр. Зоол. Ин-та АН СССР. – 1987. – Т. 167. – С. 72-78.
9. Smith J.P.S., Tyler S. The acoel turbellarians: kingpins of metazoan evolution or a specialized offshoot? // In «Origins and relationships of lower invertebrates». – Oxford, 1985. – P. 123-142.

ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКИЕ И ГИСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИН СМЕРТИ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ С РАЗВИТОЙ ОТРАСЛЮ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

© Кошкина В.С.¹

Магнитогорский государственный университет,
Магнитогорский филиал ЮУНЦ РАМН, г. Магнитогорск

В работе представлены результаты ретроспективного анализа причин смерти жителей г. Магнитогорска и прилежащих районов по материалам патологоанатомических вскрытий умерших взрослых в больницах г. Магнитогорска за 1983-1985 гг., всего 1833 трупа. Данный период характеризовался тем, что вскрытие осуществлялось около 40 % всех умерших, а умерших от онкологических заболеваний вскрывалось в 100 % случаев. Среди умерших 482 были работниками и ранее работавшими в различных производствах металлургического комбината (ММК); 927 жителями города Магнитогорска и 424 жителями прилежащих районов, не работавших на комбинате.

Исходя из принципа «единичной и первоначальной причины смерти» первое место занимали болезни системы кровообращения, второе – онкологические заболевания, третье – болезни органов дыхания. Особенностью явилось то, что у работников и ранее работавших на ММК в 47,5 % случаев в механизме умирания было 2-3 и более нозологических форм заболеваний; соотношение плоскоклеточных и недифференцированных карцином железистыми формами рака легкого у работников ММК оказалось более существенным, чем у не работавших на ММК, соответственно 3,5:1 и 2,4:1, что свидетельствует о роли экзогенных канцерогенных факторов в генезе легочных опухолей.

Методика изучения причин смерти

Проведен ретроспективный анализ материалов патологоанатомических вскрытий трупов взрослых, умерших в больницах Магнитогорска (за 1983-1985 гг.). Изучены все протоколы вскрытий, соответствующие им истории болезни или амбулаторные карты (при вскрытии умерших вне лечебного учреждения), повторно исследовались гистологические препараты, приготовленные из органов умерших. Во внимание принимались: пол, возраст, место жительства, профессия, длительность работы на ММК

¹ Заведующая кафедрой Биомедицинских и экологических знаний, руководитель Магнитогорского филиала ЮУНЦ РАМН

или другом предприятии Магнитогорска. С учетом современной теории диагноза, положений Международной классификации болезней 9-го пересмотра верифицировалась причина смерти больных.

Объектом исследования послужили материалы, относящиеся к 482 умершим, работающим и ранее работавшим в различных производствах комбината, а также к 927 другим жителям Магнитогорска и в 424 случаях – жителям прочих городов и сельских поселков южных районов области.

Анализ причин смерти работников ММК проводился в сопоставлении с причинами смерти других групп населения города.

При этом учитывалась не только «единичная первоначальная причина смерти» (основное заболевание), но и совокупность болезней у конкретного индивидуума, сыгравшая существенную роль в танатогенезе. Полученные данные интерпретировались в аспекте сведений о неблагоприятных факторах, производственной среды, выявленных на предыдущих этапах исследования, и данных об онкологической заболеваемости работников комбината за 10-летний период.

Анализ причин смерти работников ММК

*(по материалам патологоанатомических вскрытий прозектур
Магнитогорска за 1983-1985 гг.)*

Сведения о причине смерти 482 работников ММК, из них лиц мужского пола было 352, женского – 130, с учетом принципа «единичной первоначальной причины смерти» (т.е. выделения лишь одного основного заболевания) по нозологическим единицам основных классов Международной классификации болезней 9-го пересмотра (МКБ-9) представлены в табл. 1¹.

Из данных таблицы обращает на себя внимание, что наиболее часто в качестве «единичной причины смерти» работников комбината выступали болезни системы кровообращения (40,2 %). На втором месте в числе основных заболеваний были новообразования различной локализации (28,2 %), на третьем – болезни органов дыхания (8,5 %), на четвертом – заболевания органов пищеварения (7,8 %).

Изучение нозологических единиц 7 класса МКБ-9 (табл. 2) показало, что наиболее часто причиной смерти у работников ММК являются различные формы ишемической болезни сердца. Причем если в 128 наблюдениях (66 % от всех болезней 7-го класса) ИБС выступала в качестве «единичной первоначальной причины смерти», то еще у 36 умерших она регистрировалась в роли второго сочетанного, конкурирующего или сопутствующего страдания при основном заболевании из других рубрик и

¹ Каждый случай гистологии подтверждался консультантом, д.м.н., зав. кафедрой патологической анатомии Коваленко В.Л.

классов МКБ-9. таким образом, ИБС выявлена у 164 (34 %) умерших работников комбината.

Таблица 1

**Распределение причин смерти работников ММК (1983-1985 гг.)
с учетом основных классов Международной классификации
болезней 9-го пересмотра (МКБ-9)**

Классы болезней по МКБ-9	Количество случаев	В % ко всем наблюдениям
1. Инфекционные и паразитарные болезни	13	3,73
2. Новообразования	136	28,21
3. Болезни эндокринной системы	3	0,62
4. Болезни крови и кроветворных органов	2	0,41
5. Психические расстройства	3	0,62
6. Болезни нервной системы и органов чувств	4	0,82
7. Болезни системы кровообращения	194	40,2
8. Болезни органов дыхания	41	8,51
9. Болезни органов пищеварения	38	7,8
10. Болезни мочеполовой системы	21	4,31
11. Осложнения беременности, родов и послеродового периода	1	0,2
12. Болезни кожи и подкожной клетчатки	2	0,41
13. Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	3	0,62
14. Врожденные аномалии (пороки развития)	6	1,24
15. Травмы и отравления	10	2,0
ИТОГО	482	100

Таблица 2

**Частота различных болезней системы кровообращения,
выступающих в качестве «единичной первоначальной
причины смерти» у работников ММК (по данным
патологоанатомических вскрытий за 1983-1985 гг.)**

Рубрика 7 класса МКБ и наименование нозологической единицы или ее эквивалента	муж	жен	всего
391. Ревматизм в активной фазе	3	3	6
394. Митральный стеноз с недостаточностью	-	1	1
410-414. Ишемическая болезнь сердца	97	31	128
416. Первичная легочная гипертензия	1	-	1
421. Подострый бактериальный эндокардит	3	-	3
425. Кардиомиопатия идиопатическая	3	-	3
430-438. Цереброваскулярные болезни	46	8	38
440-448. Болезни артерий, артериал, капилляров	9	4	13
454. Варикозное расширение вен нижних конечностей	-	1	1
ИТОГО	146	48	194

Клинико-анатомический анализ позволил установить, что в группе погибших от ИБС острый инфаркт миокарда (410 рубрика МКБ-9) определялся в 89, другие острые и подострые формы болезни (411 рубрика) – в

15, другие формы ХИБС – в 24 случаях. При этом у 61 умершего инфаркт миокарда имел характер острого первичного, у 14 – рецидивирующего острого, у 14 – острого повторного. Среди умерших мужчин было 68 (средний возраст – 60,4 г.), женщин – 21 (средний возраст – 66 лет). 27 погибших от острого инфаркта являлись ИТР комбината (чаще начальники цехов и участков, мастера), 62 – рабочими (чаще различные машинисты) основных и вспомогательных цехов комбината, как правило со стажем работы свыше 15-20 лет.

Другие формы острой и подострой ИБС (острая коронарная недостаточность, микроинфаркты, промежуточный коронарный синдром и т.п.) выступали как первоначальная причина смерти у 12 мужчин (средний возраст – 58,6 лет) и 3 женщины (средний возраст – 69 лет). Причем в 5 наблюдениях погибшие являлись ИТР, а 10 – рабочими основных цехов комбината.

Хроническая ишемическая болезнь сердца чаще в форме постинфарктного кардиосклероза или хронической аневризмы сердца определялась у 24 умерших: 17 мужчин (средний возраст – 70 лет) и 7 женщин (средний возраст – 73 года). Это лица, находившиеся на пенсии, работали до выхода на пенсию длительное время в качестве ИТР (5 человек) или рабочих (19 человек) вспомогательных и основных производств ММК.

ИБС у 74 умерших развилась на фоне стенозирующего атеросклероза коронарных артерий II-IV степени. Кроме того, в 42 наблюдением фоновыми или сочетанными заболеваниями при ишемической болезни сердца в различных комбинациях выступали гипертоническая болезнь II-III стадии, сахарный диабет, хронический бронхит, пневмосклероз, новообразования различной локализации и др. болезни.

Цереброваскулярные заболевания среди состояний 7 класса болезней МКБ-9 как единичная первоначальная причина смерти работников ММК занимали второе место (46 случаев). При этом здесь наиболее часто регистрировались кровоизлияния в головной мозг и его оболочки – в 25 наблюдениях (20 муж. и 5 жен.) и инфаркт мозга – в 10 случаях (8 мужчин, 2 женщины).

Анализ наиболее значимых состояний из группы цереброваскулярных болезней – внутримозговых кровоизлияний показал, что они явились причиной смерти 17 мужчин (средний возраст – 56,4 года) и 4 женщины (средний возраст – 54 года). При этом внутримозговые кровоизлияния у 16 больных возникали при гипертонической болезни II-III стадии, у 4 – при атеросклерозе сосудов мозга. Восемь больных являлись работниками различных подразделений управленческого аппарата, 9 – рабочими основных производств, 4 – вспомогательных производств комбината.

Новообразования различной локализации (2 класс МКБ-9) явились первоначальной причиной смерти у 136 (28,2 %) работников ММК (96 мужчин и 40 женщин) (табл. 3).

Таблица 3

Частота новообразований (2 класс МКБ-9) различной локализации, являющихся «единичной первоначальной причиной смерти» работников ММК (по данным патологоанатомических вскрытий за 1983-1985 гг.)

Рубрики 2 класса МКБ-9 и наименование болезни	муж	жен	всего	в т.ч. выявленных		
				У рабочих «горячих цехов»	У рабочих др. производств	у ИТР
151. Рак желудка	16	2	18	2	9	7
153. Рак ободочной кишки	4	2	6	1	3	2
155. Рак печени	4	-	4	1	1	2
156. Рак желчного пузыря и внепеченочных желчных протоков	-	3	3	1	-	2
157. Рак поджелудочной железы	4	-	4	1	1	2
159. Злокачественная мезотелиома брюшины	1	-	1	-	1	-
162. Рак трахеи, бронхов и легкого	52	10	62	19	32	11
163. Злокачественная мезотелиома плевры	-	1	1	-	1	-
164. Злокачественные новообразования сердца	1	-	1	1	-	-
171. Фибросаркома мягких тканей бедра	1	-	1	-	1	-
172. Злокачественная меланома кожи	-	1	1	-	-	1
174. Рак молочной железы	-	2	2	1	-	1
179-188. Рак мочеполовых органов	1	5	6	2	2	2
191-192. Злокачественные новообразования головного и спинного мозга	3	4	7	1	6	-
194. Злокачественные новообразования эндокринных органов	1	2	3	-	2	1
200-208. Злокачественные новообразования лимфатической и кроветворной тканей	8	8	16	4	9	3
ИТОГО	96	40	136	33	69	34

Среди лиц, занятых в различных производствах комбината и погибших от опухолевых заболеваний, 33 – были рабочими «горячих» цехов, 69 – вспомогательных подразделений, 33 – инженерно-техническим персоналом.

Рак трахеи, бронхов и легкого являлся наиболее частой причиной смерти среди заболеваний 2 класса у работников ММК – 45,6 % всех опухолей (54,2 % всех новообразований у мужчин, 25 % – у женщин). Средний возраст этой категории умерших – 47 и 40 лет, соответственно. У рабочих «горячих» цехов рак легкого составлял (как причина смерти) – 57,6 %, у рабочих вспомогательных цехов – 46,3 %, у ИТР – 32,4 % от всех опухолей.

По локализации злокачественные опухоли органов дыхания подразделялись на рак трахеи – 2 наблюдения, в 35 – имели характер центрального, а 15 – периферического рака легкого. При этом чаще регистрировалась узловая форма новообразований (31 наблюдения), реже – ветвистая, т.е. перибронхиальная (8 случаев) и др.

Среди гистологических форм злокачественных опухолей легкого преобладали варианты плоскоклеточного (20) и недифференцированного рака (19), аденокарцинома определялась в 2 случаях, что соответствовало 40 %, 38 % и 22 %.

Соотношение плоскоклеточный и недифференцированный рак – аденокарцинома у работников ММК составило 3,5:1. в то же время у жителей Магнитогорска и районов области, умерших от рака легкого соотношение равнялось 2,4:1.

Злокачественные новообразования органов пищеварения определялись как причина смерти у 36 умерших (28,4 % всех злокачественных опухолей). При этом у рабочих «горячих» цехов рак этой локализации регистрировался в 19,1 %, вспомогательных подразделений – в 21,1 %, у ИТР – в 44,1 % (ко всем выявленным злокачественным новообразованиям различной локализации в профессиональной группе). Мужчин, погибших от рака органов пищеварения было 29, женщин – 7. средний возраст умерших – 49,6 и 40,5, соответственно. В группе злокачественных опухолей органов пищеварения на рак желудка приходилось 50 % всех локализаций новообразований. Причем среди гистологических форм опухоли преобладали аденокарциномы и недифференцированные раки скirroзного типа. Рак желудка на фоне хронического гастрита и язвы желудка установлен в 22,1 % случаев.

Среди заболеваний второго класса МКБ-9 на третьем месте как причина смерти работников ММК – опухоли кроветворной и лимфоидной тканей (11,7 %). Чаще это были лейкозы недифференцированного типа, миело- и лимфолейкозы (12 наблюдений); регионарные опухоли (ходжкинские и неходжкинские лимфомы) выступали как причина смерти у 4 работников ММК.

Реже механизм умирания был связан со злокачественными опухолями другой локализации (головного и спинного мозга – в 7, мочеполовых органов – в 6, эндокринной системы – в 3 наблюдениях и др.).

Нужно отметить, что у лиц, работавших на ММК и умерших с учетом принципа «единичной первоначальной причины смерти» от заболеваний других (кроме 2-го) классов МКБ-9, в 12 случаях выявлены злокачественные опухоли в различных органах в качестве вторых сочетанных, конкурирующих или сопутствующих болезней. Это были в 4 наблюдениях – рак легкого, в 3 – гипернефроидный рак почки, а также раковые новообразования молочной железы – 2 случая, желудка, параситовидной железы, языка – по 1 случаю. Чаще эти опухоли регистрировались у лиц, погиб-

ших от ИБС, цереброваскулярных заболеваний и хронических легочных заболеваний (силикотуберкулез, хронически бронхит).

Заболевания органов дыхания (8 класс МКБ-9) в качестве основного заболевания верифицированы у 41 умершего работника ММК (в 8,5 %). Среди них мужчин было 33, женщин – 8. средний возраст умерших – 54,5 лет. Среди них резко преобладали (39) рабочие основных и вспомогательных подразделений комбината.

Из заболеваний органов дыхания самым частым у работников ММК регистрировался хронический бронхит. При этом в 21 наблюдении он приводил к смерти в связи с декомпенсацией легочного сердца, в 9 – смерть была обусловлена присоединением вторичной бактериальной пневмонии.

Еще у 40 умерших хронический двухсторонний диффузный бронхит, как правило, фиброзный по своей форме с обструктивной эмфиземой и гипертрофией правого желудочка сердца, был выявлен в качестве сочетанного или фонового страдания.

Выраженные морфологические проявления хронического неспецифического бронхита регистрировались у 82,8 % умерших от рака легкого работников ММК.

Выше указано, что нами проведен анализ и причин смерти 1351 больного (773 лиц мужского и 578 женского пола), являющихся жителями Магнитогорска и прилегающих районов, не работавших на ММК. Средний возраст этого контингента умерших – 53,2 года.

Наиболее частой причиной смерти в указанной группе наблюдений явились заболевания сердечно-сосудистой системы – 523 случая (38,7 %). Причем средний возраст умерших от заболеваний 7 класса МКБ-9 равнялся 66,3 годам, мужчин было 273, женщин – 250. в подавляющем большинстве единичной причиной смерти их явилась острая или хроническая ишемическая болезнь сердца.

На втором месте в качестве первопричины смерти выступали новообразования различной локализации – 329 наблюдений (24,3 %). Среди умерших от злокачественных опухолей 204 мужчины и 125 женщин. Средний возраст их составил 61,1. самой частой формой новообразования явился рак легкого – 110 наблюдений (33,7 %). Далее по частоте следовали рак желудка – 46 наблюдений (13,3 %), злокачественные опухоли системы крови – 30 случаев (9,1 %), рак различных отделов толстого кишечника – 28 случаев (8,5 %).

На третьем месте как причина смерти у жителей города и прилегающих районов выступали заболевания органов дыхания. В эту группу включены 132 наблюдения (9,8 %), в том числе – умерших 100 мужчин и 32 женщин. Средний возраст умерших составил 61,8 лет. Как и у работ-

ников ММК, наиболее часто среди болезней 8 класса МКБ-9 регистрировался хронический бронхит.

Реже в качестве основных заболеваний выступали болезни органов пищеварения (у 1212 умершего – 8,9 %), инфекционные и паразитарные заболевания (82 человека – 6 %) и болезни, объединенные в других классах МКБ-9.

Таким образом, можно говорить о сходстве в основных чертах нозологического профиля причин смерти работников металлургического комбината и жителей Магнитогорска, прилежащих к городу районов. Наиболее значимыми в группах сравнения по этому параметру оказались болезни системы кровообращения, новообразования, заболевания органов дыхания и пищеварения. В то же время у рабочих «горячих» производств удельный вес среди причин смерти рака легкого, возникающего на фоне хронических неспецифических заболеваний этого органа, достоверно выше, чем у работников других производств комбината, ИТР и жителей города.

С учетом удельного веса в танатогенезе выявленных при вскрытии умерших работников ММК заболеваний следует обратить внимание на то, что в 229 наблюдениях (47,5 %) причиной смерти являлось не одна нозологическая единица, а 2-3 и более болезней различных классов МКБ-9, причем наиболее часто регистрировалось сочетание или конкуренция заболеваний 8 и 2, 2-8, 7-8 классов МКБ-9. У лиц, работавших на комбинате, существенную роль в танатогенезе сыграли в среднем 1,66 болезней, в том числе у мужчин – 1,62, а у женщин – 1,76. соответственно у умерших жителей Магнитогорска и районов области – комбинированное основное заболевание, полипатии определялись в 37 % всех наблюдений, существенную роль в танатогенезе играли 1,32 болезни (у мужчин – 1,42; у женщин – 1,30). Различия по этим параметрам оказались достоверными ($p < 0,05$).

Морфологические тесты в исследовании эпидемиологии злокачественных новообразований и смертности от них подчеркивают роль окружающей среды, и, в частности, профессиональных факторов в развитии опухоли у рабочих, что необходимо учитывать при проведении целевых профилактических осмотров рабочих и разработке технологических и санитарно-технических мероприятий на предприятиях черной металлургии.

Список литературы:

1. Базель В.С. Популяционная экология / В.С. Базель, В.Н. Большаков, Е.Л. Воробейчик. – М: Наука, 1994. – 80 с.
2. Боев В.М. Антропогенное загрязнение окружающей среды и состояние здоровья Восточного Оренбуржья – В.М. Боев, М.Н. Воляник – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 126.

3. Дегтярева Т.Д. Экспериментальное испытание комплекса средств биологической профилактики токсического действия на организм комбинации металлов: свинец – мышьяк – медь – кадмий / Т.Д. Дегтярева, Б.А. Канцельсон, Л.И. Привалова [и др.] // Медицина труда и промышленная экология: сборник науч. трудов. – Екатеринбург, 2001. – С. 44-48.

4. Лебединцева Е.А. Медико-экологические аспекты первично-множественных злокачественных новообразований в Архангельской области: дисс. канд. мед. наук / Е.А. Лебединцева. – АГМА, 2000.

5. Микроэлементозы человека (этиология, классификация, органопатология) / А.П. Авцын, А.А. Жаворонков, А.Рим, Л.С. Строчкова. – М.: Медицина, 1991. – 486 с.

6. US. Environmental Protection Agency, Cincinnati, OH, PB89 – 192249, «Nickel, Lead and Cadmium», Mutation Research, Vol. 234, 1990. – P. 361-437.

7. Гуревич М.А., Сминченко Н.З. Морфология рака легкого у горнорабочих железорудных шахт / М.А. Гуревич [и др.] // Архив патологии. – 1971. – № 6. – С. 22-26.

8. Казак Т.И., Потаскуев Ю.А. Нозологические различия морфологических изменений интраторакальных лимфоузлов у лиц силикозоопасных профессий / Т.И. Казак [и др.] // Вопросы силикотуберкулеза. – Свердловск, 1980. – С. 101-105.

9. Карпова Н.И. Морфологические и гистохимические изменения в нейронах межпозвоночных ганглиев и спинного мозга при экспериментальной локальной вибрации / Н.И. Карпова // Гигиена и санитария. – 1973. – № 2. – С. 36-40.

10. Канцельсон Б.А., Величковский Б.Т. Оценка опасности фиброгенных пылей / Б.А. Канцельсон [и др.] // Журнал Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. – 1974. – Т. 19. – № 12. – С. 205-211.

11. Канцельсон Б.А., Мокроносова К.А., Шабынина Н.К. и др. О смертности от злокачественных новообразований рабочих некоторых предприятий огнеупорной промышленности / Б.А. Канцельсон [и др.] // Профессиональный рак. – М., 1984. – С. 98-104.

12. Краевский Н.А. К учению о предопухоловом (предраковом) периоде / Н.А. Краевский // Архив патологии. – 1974. – № 10. – С. 3-10.

13. Ножкина Т.И. Заболеваемость ИБС рабочих металлургического производства / Т.И. Ножкина // Врачебное дело. – 1974. – № 7. – С. 146-148.

14. Покровская Л.В. Опыт изучения онкологической смертности в производстве ферросплавов проспективным методом с ретроспективно составленной когортой / Л.В. Покровская // Профессиональный рак: сб. науч. трудов. – М., 1981. – Вып. 2. – С. 47-51.

15. Савенкова Н.Г., Вельская М.Л., Куриленко Л.М. и др. О комплексном воздействии вредностей мартеновского производства на организм работающих / Н.Г. Савенкова [и др.] // Гигиена, физиология труда и профпатология в современном металлургическом производстве и горно-рудной промышленности. – Киев, 1970. – С. 35-38.

16. Самойлов А.П. Морфологические изменения в легких, вызываемые железорудной пылью / А.П. Самойлов // Гигиена труда. – 1962. – № 3. – С. 45-48.

17. Топчий Р.В. О заболеваниях сердечно-сосудистой системы у рабочих коксовых цехов коксохимического производства // Проблемы гигиены, физиологии труда и профпатологии в черной металлургии в условиях научно-технического прогресса: тезисы доклада. – Кривой Рог, 1980. – С. 198-200.

18. Шабад Л.М. Некоторые экспериментальные данные о предраке / Л.М. Шабад // Вестник АМН СССР. – 1964. – № 11. – С. 17-23.

19. Шабад Л.М. Предрак в экспериментально-морфологическом аспекте / Л.М. Шабад – М.: Медицина, 1967. – 384 с.

20. Шабад Л.М. Эндогенные бластомогенные вещества / Л.М. Шабад. – М.: Медицина, 1969. – 67 с.

21. Schottenfend D. Chronic disease in the workplace and environment cancer // Arch. Environm. – 1984. – Vol.39. – №3. – P. 150-157.

ВЛИЯНИЕ СОЛЕЙ ЖЕЛЕЗА НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ *PARAMECIUM* *CAUDATUM*

© Никитина Л.И.¹, Солодовникова М.В.²

Дальневосточный государственный университет путей сообщений,
г. Хабаровск

В данной статье рассмотрено влияние растворов солей железа на жизнедеятельность *Paramecium caudatum*. Выявлены морфологические и физиологические изменения при воздействии различных концентраций солей железа. Установлена пороговая концентрация, при которой наблюдается летальный исход 50 % популяции.

В настоящее время в биотестировании широкое распространение получили биотесты на простейших организмах. Типичными представителями простейших являются Ciliata. Использование инфузорий в биотестировании определяется следующим: инфузории проявляют высокую чувствительность к загрязняющим веществам, поступающим в водные экосистемы со сточными водами, легкость культивирования, короткий жизненный цикл, позволяющий проследить реакцию на интоксикацию в короткие сроки [Бакаева, 1998].

Для использования Ciliata в биотестировании необходимо выяснить их жизненный цикл и реакцию на загрязняющие вещества.

Объектами биоиндикации в зависимости от конкретных задач экологического исследования могут выступать разные группы живых организмов – животные, растения и микроорганизмы.

Простейшие – наиболее быстро реагирующие биоиндикаторы, легко доступны, суммируют все без исключения биологически важные данные об окружающей среде и отражают ее изменения в целом. И поэтому являются наиболее интересной группой для изучения влияния вредных веществ на организм [Куриленко, 2004].

Цель нашей работы – выявить адаптивные комплексы на антропогенное загрязнение у *Paramecium caudatum*, обитающих в прибрежной зоне реки Амур в районе города Хабаровска

Задачи исследования:

1. Выявление влияния различных концентраций солей железа на жизнедеятельность *Paramecium caudatum* в остром и хроническом экспериментах.

¹ Заведующая кафедрой «Химия и экология», доктор биологических наук, профессор

² Аспирант

Объект исследования – ресничные инфузории реки Амур *Paramecium caudatum*. Инфузории изучались в живом состоянии, обращалось внимание на поведение, способы и скорости передвижения. Для прижизненной окраски использовали нейтральный красный, эозин хорошо прокрашивающий пищеварительные вакуоли. Для изучения ядерного аппарата – 0,1% раствор уксусной кислоты [Гиляров, 1975].

Описание контроля Paramecium caudatum

Форма тела овальная, суженная к задней трети. Каудальная часть плавно закруглена и имеет несколько более длинных ресничек. На брюшной стороне вовнутрь клетки впадает глубокий желоб, на дне которого открывается отверстие, ведущее в глотку. Тело инфузории густо покрыто продольными ресничными рядами.

Поверхность инфузорий скульптурирована. Длина тела – 40-60 мкм, ширина 30 мкм. Соотношение длины к ширине как 1,5-2,5:1.

Макронуклеус один, овальной формы. Сократительных вакуолей две [Никитина, 1997].

Описание эксперимента

Острый эксперимент. Культура *Paramecium caudatum* подвергалась воздействию различных концентраций солей железа. Регистрировалось время наступления гибели 50 % клеток. Во время опыта фиксировались: изменение формы клетки, изменение размеров, время гибели клеток и другие характеристики.

Хронический эксперимент. Культура *Paramecium caudatum* подвергалась воздействию различных концентраций солей железа. Регистрировалось – изменение численности, морфологические и физиологические изменения, адаптивные комплексы.

Таблица 1

Влияние различных концентраций железа на морфологические показатели *Paramecium caudatum* в остром опыте

Показатели	Концентрации (%)				
	0,05 (рис. П.2)	1,0 (рис. П.3)	3,0 (рис. П.4)	5,0 (рис. П.5)	Контроль (рис. П.1)
Форма клетки	Задняя часть тела расширяется, приобретает закругленный вид.	Незначительное изменение	Приобретают бобовидную форму: выпуклые с дорзальной, вогнутые – с брюшной стороны.	Тело инфузории закручивается спирально в продольном направлении.	Овальная, суженная к задней трети.
Движен. клетки	Замедление, кручение вокруг своей оси.	Кручение вокруг своей оси	Резкое, прерывистое	Замедление, вплоть до полной остановки	Ровное, неторопливое.

Продолжение табл. 1

Показатели	Концентрации (%)				
	0,05 (рис. П.2)	1,0 (рис. П.3)	3,0 (рис. П.4)	5,0 (рис. П.5)	Контроль (рис. П.1)
Сократ. вакуоли (шт.)	4-6	6-9	3-6	5-7	2
Гибель 50 % клеток (в часах)	0,3	0,2	0,1	0,01	0

Таблица 2

Влияние различных концентраций железа на морфологические показатели *Paramecium caudatum* в хроническом опыте

Показатели	Концентрации (%)						
	0,005			0,025			контроль (рис. П.1)
	1 день (рис. П.6)	2 день	15 день (рис. П.7)	1 день (рис. П.8)	2 день	7 день (рис. П.9)	
Форма клетки	Расширенная в задней трети	Расширенная в задней трети	Расширение 2/3 тела	Расширение тела, напоминает 8. Соотнош. длины к ширине 1:2	Тело свернуто в спираль	Контуры тела неразличимы. Распад клетки.	Овальная, суженная к задней трети.
Движение клетки	Замедленное	Убыстряется. Особи собираются вместе	Ровное, неторопливое	Резкое, прерывистое.	Замедленное, прерывистое	Клеток нет.	Ровное, неторопливое.
Сократ. Вакуоли (шт.)	3-4	3-4	3-4	2	2	2	2
Гибель 50%клеток (в часах)	1	0,8	0	0,5	0,5	0,1	0

Результаты эксперимента

В процессе проведения острого эксперимента были выявлены особенности реагирования *Paramecium caudatum* на различные концентрации железа.

При концентрации равной ПДК происходит 100 % гибель *Paramecium caudatum*, гибель клеток происходит в течение первой минуты. При этом клетки сохраняют свою форму.

Как видно из анализа рис. 1, имеется прямая зависимость между гибелью клеток и концентрацией раствора. Чем выше концентрация раствора, и чем более она приближается к ПДК, тем быстрее происходит гибель более 50 % особей культуры. Исходя из графика, можно сделать вывод, что 1 % концентрация железа стабилизирует численность популяции в экосистеме. Если исходить из данных, что в Амуре концентрация ПДК

(0,1) железа превышает ПДК в два раза, [Чайковский, 2003] то из графика видно, что в реке гибнет 100% популяции *Paramecium caudatum*.

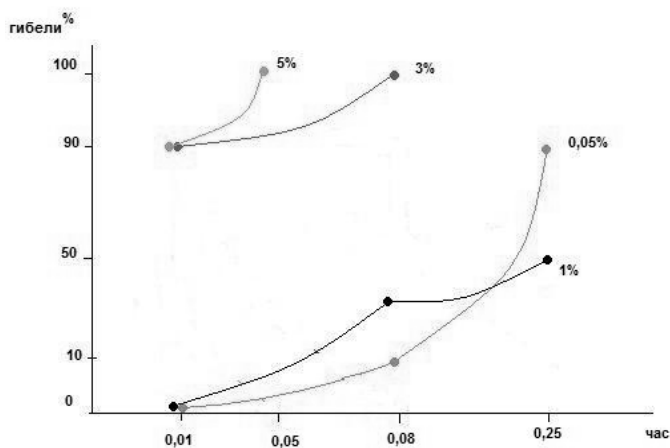

Рис. 1. Гибель клеток при воздействии различных концентраций железа в остром эксперименте

Острый эксперимент показал, что все концентрации железа оказывали токсический эффект на *Paramecium caudatum*, который выражался в снижении численности тест-организмов на 55-90 % относительно контроля. Наибольшее угнетение оказывала 5 % концентрация железа. Таким образом, в результате эксперимента получена пороговая концентрация солей железа, равная 5 %. При ее воздействии происходит 100 % гибель популяции в течение первой минуты.

В процессе проведения хронического эксперимента были выявлены особенности реагирования *Paramecium caudatum* на различные концентрации железа.

Численность клеток *Paramecium caudatum* в зависимости от содержания железа изменяется в сторону значительного уменьшения по сравнению с контролем. Отмечены изменение формы тела и увеличение количества сократительных вакуолей.

По результатам анализа хронического эксперимента видно, что при концентрации 0,025 % железа на 7 день экспозиции происходит гибель 100% клеток (рис. 2).

При концентрации 0,005 % железа на 15 день экспозиции происходит стабилизация численности популяции. При этом наблюдаются морфологические изменения, которые передаются в последующие поколения. Движение стабилизируется, становится ровным, спокойным, без резких отклонений.

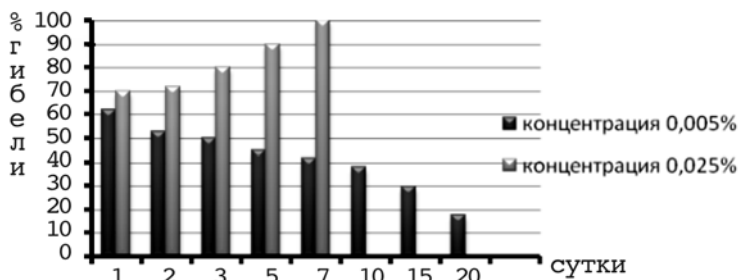

Рис. 2. Гибель клеток при воздействии различных концентраций железа в хроническом эксперименте

Таким образом, по итогам хронического эксперимента были получены следующие результаты:

- Концентрация 0,025 % является пороговой, популяция гибнет.
- Концентрация 0,005 % является стимулирующей.
- Концентрация 0,005 % дает стойкие изменения морфологии и физиологии инфузорий.

Приложение

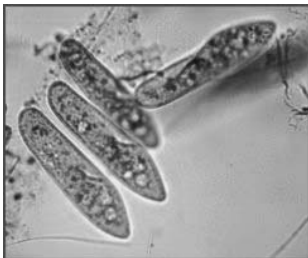

Рис. П.1. Контроль *Paramecium caudatum*

Рис. П.2. *Paramecium caudatum* 0,05 %

Рис. П.3. *Paramecium caudatum* 1 %

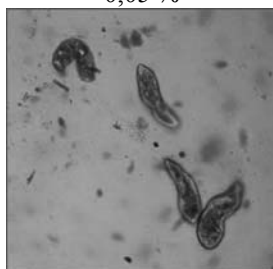

Рис. П.4. *Paramecium caudatum* 3,0 %

Рис. П.5. Paramecium caudatum 5,0%

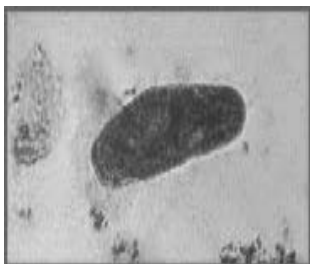

Рис. П.6. Paramecium caudatum 0,005 %. Первые сутки

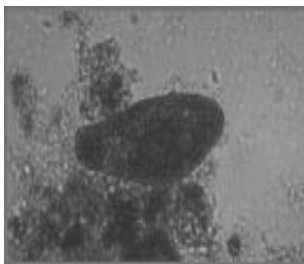

Рис. П.7. Paramecium caudatum 0,005 %. Пятнадцатые сутки

Рис. П.8. Paramecium caudatum 0,025 %. Первые сутки

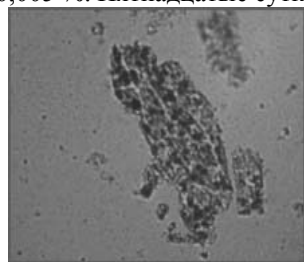

Рис. П.9. Paramecium caudatum 0,025 %. Седьмые сутки

Список литературы:

1. Алекперов И.Х. Атлас свободноживущих инфузорий: Монография / И.Х. Алекперов. – Баку, 2005. – 310 с.
2. Бакаева Е.Н. Обоснование использования одноклеточных в биотестировании // Инфузории в биотестировании: Тезисы докладов международной заочной научно-практической конференции. – СПб., 1998. – С. 26.
3. Гиляров М.С. Методы почвенно-зоологических исследований. – М.: Наука, 1975.
4. Куриленко В.В. Основы экогеологии, биоиндикации и биотестирования водных экосистем. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2004. – С. 448.

5. Махинов А.Н. Геоэкологические аспекты водохозяйственных проблем бассейна реки Амур // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре 21 века: Матер. докл.-Х., 2002. – С. 9-15.
6. Никитина Л.И. Почвенные инфузории Среднего Приамурья: Монография / Л.И. Никитина. – Хабаровск, 1997. – 108 с.
7. Чайковский Г.П. Река Амур – источник водоснабжения: Учеб. пособие / Г.П.Чайковский, Е.В. Сошников. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. – 83 с.
8. Corliss J.O., 1979. The Ciliated protozoa: characterization, classification and guide to the literature. 2-nd ed. – New York. – 455 p.

Раздел третий

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ЗАДАЧА СВЯЗЕЙ ДЛЯ МОДЕЛИ ОДНОМЕРНОЙ ПЕРКОЛЯЦИИ С ПЕРЕМЕННЫМ РАДИУСОМ ПРОТЕКАНИЯ

© Буреева М.А.¹, Удодов В.Н.²

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан

Вычислены основные характеристики одномерной теории протекания (порог протекания, критические индексы корреляционной длины и теплоемкости, свободная энергия) для задачи связей с переменным радиусом протекания. Показано, что критические индексы корреляционной длины и теплоемкости убывают с увеличением размеров системы (количества узлов в цепочке). Подтверждено выполнение условия устойчивости как в задаче связей, так и в задаче узлов при радиусе протекания $R = 2$. Проверена справедливость гипотезы подобия для задачи связей.

Введение

Физика фазовых переходов в настоящее время является междисциплинарной областью физики. Проблема фазовых переходов – это одна из центральных и современных проблем физики. Исследование фазовых переходов в системах конечных размеров в последнее время представляет особый интерес в связи с расширением круга изучаемых физических объектов [1].

На наш взгляд, наиболее удобными моделями для описания широкого класса явлений, которые принято называть критическими, являются модели теории протекания. Они позволяют описать процессы самой разной природы, когда при плавном изменении одного из параметров системы (концентрации чего-то) свойства системы меняются скачком [2].

Теория протекания (перколяции) адекватно описывает многие системы, в которых имеет место геометрический фазовый переход (переход проводник-изолятор в смесях проводящих и изолирующих частиц и т.д.) [3-6]. Перколяционные модели просты и наглядны, что способствует их превращению в стандартные модели. Польза стандартных моделей состоит в том, что они представляют собой полигон для опробования различных методов. При этом единообразие исходной задачи дает возможность сравнения и интеграции их результатов.

¹ Аспирант

² Заведующий кафедрой ТФИТО, доктор физико-математических наук, профессор

Одномерная задача связей и задача узлов

Классическими задачами теории протекания являются решеточные задачи связей и узлов [3, 5, 6]. Одномерная задача узлов состоит в следующем. Рассмотрим цепочку узлов. Будем считать все связи неразорванными, а узлы будем перекрывать случайным образом. Два неблокированных (целых) узла являются связанными, если они расположены рядом или разделены цепочкой из неблокированных узлов, между которыми блокированные узлы встречаются только по одному (радиус протекания равен двум) [3]. Это – модель одномерного решеточного газа [4]. Взаимодействие атомов при стандартной постановке задачи не учитывается. Модель решеточного газа описывается числами заполнения 0 или 1: единица (ноль) соответствует состоянию узла, в котором есть (нет) атом (или, другими словами, целый или блокированный узел). Решетка заполняется нулями и единицами многократно с помощью генератора случайных чисел.

Кластером называется совокупность связанных атомов. Стягивающим (соединяющим, бесконечным) кластером называется кластер, который соединяет противоположные стороны решетки [3, 5, 6]. Говорят, что протекание есть в случае существования соединяющего кластера. Корреляционной длиной ξ называется средняя максимальная длина несоединяющего кластера [3]. При некотором критическом значении доли целых узлов x_c вероятность существования соединяющего кластера обращается в нуль. Другими словами, с уменьшением доли целых узлов x при таком значении x_c прекращается протекание с одного конца цепочки на другой. Это значение x_c называется порогом протекания. Оказывается, стягивающий кластер существует только при $x > x_c$. При $x < x_c$ существуют только небольшие кластеры. x_c соответствует точке обычного фазового перехода [3-5].

Если обозначить N – количество узлов в цепочке, N_1 – количество целых узлов в цепочке на пороге протекания, то порог протекания находится по формуле:

$$x_c = \frac{N_1}{N} \quad (1)$$

В задаче связей, наоборот, все узлы целые, а связи разрываются случайным образом. Задача связей сводится к задаче узлов, но на другой решетке, которая называется покрывающей [3]. Покрывающая решетка строится из исходной по следующим правилам: 1) посередине каждой связи исходной решетки нужно поставить узел покрывающей решетки; 2) два узла покрывающей решетки нужно связать друг с другом в том и

только в том случае, если связи исходной решетки, на которых поставлены эти два узла, сходятся в узле исходной решетки. Результатом этого построения является новая периодическая решетка, которая называется покрывающей по отношению к исходной [3]. Отсюда следует, что порог протекания задачи связей на исходной решетке равен порогу протекания задачи узлов на покрывающей решетке. Хаммерсли доказал [3], что для любой решетки (не обязательно плоской) пороговое значение для задачи связей не больше, чем для задачи узлов:

$$x_{\text{св}} \leq x_y \quad (2)$$

где $x_{\text{св}}$ — порог протекания в задаче связей;

x_y — порог протекания в задаче узлов.

Так как теория протекания описывает геометрический фазовый переход, то некоторые ее величины аналогичны величинам из теории фазовых переходов второго рода. Например, в перколяции концентрация занятых узлов играет ту же роль, что и температура в температурных фазовых переходах. Вероятность, что узел принадлежит бесконечному кластеру, аналогична параметру порядка в теории температурных фазовых переходов. Многие важные характеристики кластера (корреляционная длина, среднее число узлов) вблизи перехода описываются показательной функцией с различными критическими показателями [2]:

$$\begin{aligned} F(x) &\propto |x - x_c|^{2-\alpha} \\ S(x) &= \sum_s s^2 n_s(x) \propto |x - x_c|^\nu \\ \xi(x) &\propto (x_c - x)^{-\nu} \end{aligned}$$

Порог протекания и индекс ν в одномерной задаче связей

В работе рассчитан порог протекания в одномерной задаче связей для различных цепочек (от 3 до 50 узлов) при радиусе протекания $R = 2$ и $R = 3$.

Как видно из рисунка, с увеличением радиуса перколяции порог протекания уменьшается, но все равно стремится к единице при $N \rightarrow \infty$, где N — длина цепочки.

Кроме того, нами было установлено, что порог протекания в задаче узлов и в задаче связей удовлетворяет теореме Хаммерсли [7].

Критический индекс корреляционной длины ν был вычислен из соотношения [3, 5] (рис. 2).

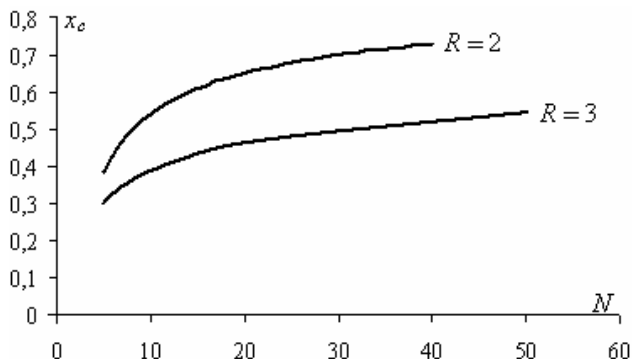

Рис. 1. Порог протекания в одномерной задаче связей; погрешность 7-25 %

$$\delta(N) \propto N^{\frac{1}{dv}} \quad (3)$$

где $\delta(N)$ – среднее квадратичное отклонение порога протекания от среднего значения порога;

d – размерность пространства (в нашем случае $d = 1$).

Индекс v уменьшается с увеличением длины цепочки и растет с увеличением радиуса протекания.

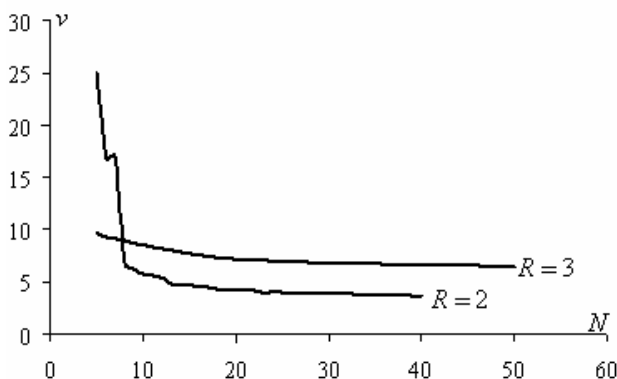

Рис. 2. Индекс v в одномерной задаче связей; погрешность 20-25 %

Свободная энергия и индекс α в одномерной задаче связей

В данной задаче роль свободной энергии F играет среднее число кластеров в расчете на один узел [5, 6]:

$$F(x) = \sum_s n_s e^{-sh} \quad (4)$$

где h – внешнее поле.

В задаче узлов x является аналогом температуры (или давления) для обычного фазового перехода. С физической точки зрения эта свободная энергия связана с перетасовками плотноупакованных слоев друг относительно друга.

Нами были вычислены значения свободной энергии в одномерной задаче связей для цепочек различной длины при внешнем поле $h = 0$ и различных радиусах протекания (рис. 3 и 4). Свободная энергия убывает с увеличением радиуса протекания. В то же время полученная зависимость представляет собой кривую выпуклую вверх, что согласуется с термодинамическими условиями устойчивости системы [5].

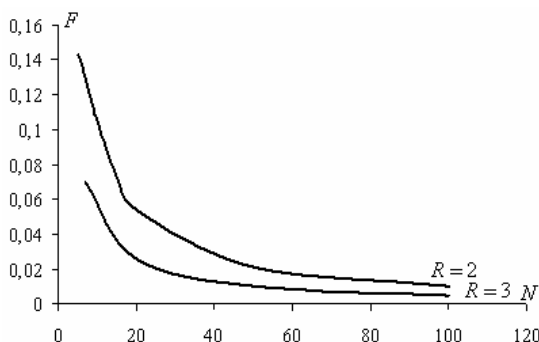

Рис. 3. Свободная энергия в одномерной задаче связей; погрешность 20-25 %

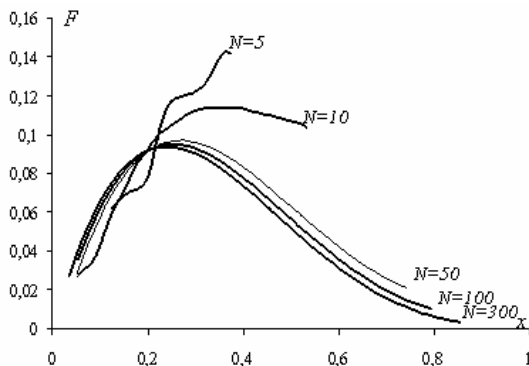

Рис. 4. Зависимость свободной энергии от длины цепочки и доли целых узлов; внешнее поле $h = 0$; погрешность 1-5 %

Также мы рассмотрели зависимость свободной энергии от длины цепочки и внешнего поля [7]. Оказалось, что свободная энергия уменьшается с увеличением внешнего поля. Кроме того, максимум свободной энергии в задаче связей левее, чем в задаче узлов, то есть достигается при меньшем количестве целых узлов в цепочке. В целом, значения свободной энергии в задаче связей меньше, чем в задаче узлов.

Критический индекс теплоемкости α был найден из соотношения [5, 6]

$$F \propto |x - x_c|^{2-\alpha} \quad (5)$$

где F – свободная энергия, $x < x_c$, $x \rightarrow x_c$.

Результаты представлены на рис. 5.

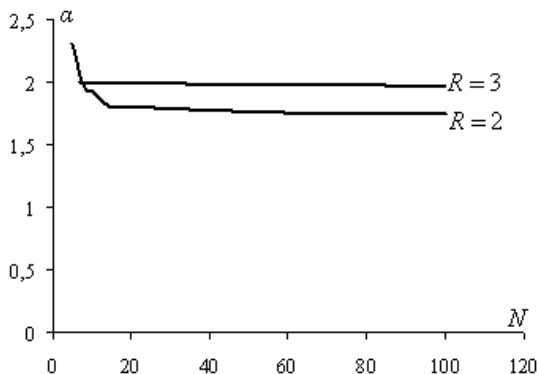

Рис. 5. Критический индекс теплоемкости в одномерной задаче связей; погрешность 2-10 %

Из рисунка видно, что критический индекс теплоемкости растет с увеличением радиуса протекания и уменьшается с увеличением длины цепочки. Также мы сделали вывод, что индекс α в задаче связей меньше, чем в задаче узлов [7].

Таблица 1

Задача узлов				Задача связей			
N	α	ν	$\alpha + \nu d$	N	α	ν	$\alpha + \nu d$
5	2,48081	3,3187	5,79951	5	2,30345	24,9637	27,26715
10	1,93111	3,0302	4,96131	10	1,93418	1,9411	3,87528
50	1,734	2,7002	4,4342	50	1,76429	3,4491	5,21339
100	1,7591	2,6458	4,4049	100	1,74426	3,2843	5,02856

Несмотря на это, выполняется неравенство (условие устойчивости) $\alpha + \nu d \geq 2$, где d – размерность пространства (в нашем случае $d = 1$), ν – критический индекс корреляционной длины.

Заключение

Перечислим новые результаты, полученные в работе:

1. Значения порогов протекания в задаче связей и в задаче узлов для одномерных цепочек удовлетворяют теореме Хаммерсли.
2. Индекс корреляционной длины ν в одномерной задаче связей превосходит значения индекса ν в задаче узлов для цепочек одинаковой длины при $R=2$.
3. Доказано, что свободная энергия имеет максимум, а значения критического индекса теплоемкости в одномерной задаче связей и в задаче узлов уменьшаются с увеличением длины цепочки и с увеличением внешнего поля при выполнении условия устойчивости.
4. Показано, что порог протекания и свободная энергия уменьшаются, а критические индексы α и ν увеличиваются с увеличением радиуса протекания.

Список литературы:

1. Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике. – М.: Наука, 1985. – 37 с.
2. Тарасевич Ю.Ю. Перколяция: теория, приложения, алгоритмы. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 112 с.
3. Эфрос А.Л. Физика и геометрия беспорядка. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1982. – 167 с.
4. Естественные длиннопериодические наноструктуры / А.И. Потекаев, И.И. Наумов, В.В. Кулагина и др.; Под общ. ред. А.И. Потекаева. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 260 с.
5. Соколов И.М. Размерности и другие геометрические критические показатели в теории протекания // УФН. – 1986. – Т. 150. – № 2. – С. 221-255.
6. Шкловский Б.И., Эфрос А.Л. Теория протекания и проводимость сильно неоднородных сред // УФН. – 1975. – Т. 117. – Вып. 3. – С. 401-435.
7. Буреева М.А., Удодов В.Н. Одномерная теория перколяции: задача связей и задача узлов. Хакасск. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. – Абакан, 2008. – 11 с.
8. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теоретическая физика. В 10 т. Т.V. Статистическая физика. Ч. I. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. – 616 с.
9. Удодов В.Н., Игнатенко В.С., Симоненко М.Б. Перколяционный подход к описанию политипных переходов // Актуальные вопросы диф-

фузии, фазовых и структурных превращении в сплавах. 3-й Черкасский семинар стран содружества. – Сокирне, Украина, 1995. – С. 130-131.

10. Удодов В.Н., Игнатенко В.С., Симоненко М.Б., Паскаль Ю.И., Потекаев А.И. Статистическое моделирование политипных переходов на основе конечных цепочек Изинга // Металлофизика и новейшие технологии. – 1997. – Т. 19. – № 5. – С. 37-39.

Раздел четвертый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОДСИСТЕМЫ ХРАНЕНИЯ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ НА ОСНОВЕ ВАРИАНТНОГО АНАЛИЗА И НЕЧЕТКИХ КРИТЕРИЕВ

© Валентюк М.Р.¹

Севастопольский национальный технический университет,
Украина, г. Севастополь

Предлагается метод вариантного анализа на базе нечетких критериев и экспертных оценок при выборе оптимальной структуры подсистемы хранения гидрометеорологических данных. Анализ выполнен для случая равновесных критериев и усложнен сочетанием двух подсистем в структуре каждого варианта.

Вариантный анализ по критериям является задачей принятия решений, которая возникает не только в технике, но и в экономике, политике, образовании и других сферах жизнедеятельности человека. Существующие методики вариантного анализа, которые используются в технических системах [1], плохо приспособлены к качественным критериям, которые оцениваются экспертами данной области.

В предлагаемой работе применяется методика вариантного анализа, использующая информацию о качестве вариантов в виде парных сравнений, на примере подсистемы хранения гидрометеорологических (г/м) данных. Анализ проводится при условии, что критерии считаются равнозначно важными.

При проектировании подсистемы хранения было предложено несколько возможных составляющих подсистемы хранения, а именно:

- подсистема резервного копирования;
- подсистема организации баз данных;
- подсистема г/м архивации.

Анализ вариантов проводится с условием, что в каждой предполагаемой структуре используются только две из предложенных составляющих.

Первый вариант структуры подсистемы хранения г/м данных (рис. 1 а) характеризуется наличием подсистемы организации базы данных (БД) и подсистемы резервного копирования. Во втором варианте (рис. 1 б) сохранение информации производится как в БД, так и в локальный архив с использованием подсистемы г/м архивирования. Третий вариант структу-

¹ Аспирант кафедры Информационных систем

ры (рис. 1 в) предусматривает сжатие информации г/м архиватором, при этом происходит дублирование информации, т.е. создание резервной копии.

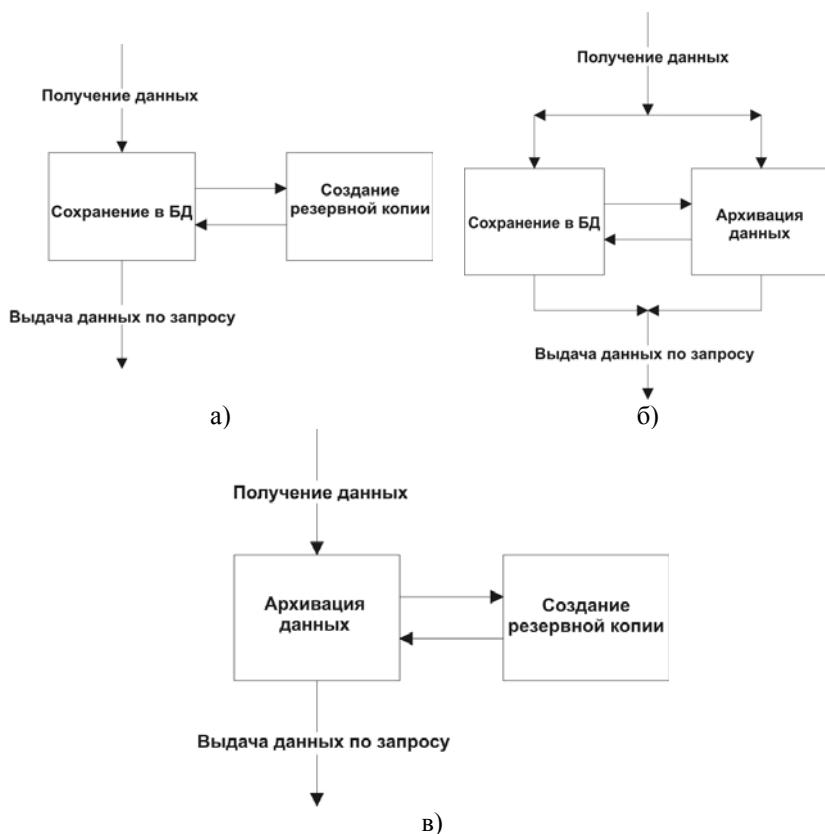

Рис. 1. Варианты структуры подсистемы хранения:

- а) с созданием БД и резервным копированием;
- б) с созданием БД и архивом г/м данных;
- в) со сжатием данных и резервным копированием.

Для выбора оптимальной структуры необходимо учитывать несколько групп наиболее важных критериев, а именно:

временные критерии:

- время получения некоторой выборки данных;
- время получения цельного документа;
- время внесения данных из нового документа;

стоимостные критерии:

- экономия затрат на технические средства;
- экономия затрат на покупку программного обеспечения;

надежностные и качественные критерии:

- адаптивность к изменениям (гибкость);
- компактность хранения;
- восстановление потерянных или поврежденных данных.

Обозначим каждый из критериев – q_i , $i = 1..8$.

Для рассмотрения критериев как нечетких множеств необходимо провести анализ каждого из вариантов структур по всем восьми критериям.

По первому критерию q_1 – времени получения некоторой выборки данных явное преимущество имеют структуры с наличием БД. Благодаря потреблению больших вычислительных ресурсов и организации информации в виде БД доступ к необходимым данным происходит значительно быстрее. Для получения некоторой выборки данных из г/м архива сотруднику г/м отрасли необходимо вручную выполнять поиск и выбор необходимых данных.

Для получения цельного документа (критерий q_2), содержащего г/м данные согласно утвержденной форме, при использовании г/м архиватора понадобится намного меньше времени, чем при составлении этого же документа из БД. Это объясняется большими размерами таблиц БД, в которых необходимо производить поиск и выборку, а также дополнительной затрате времени на составление г/м документа согласно форме.

При внесении нового документа с г/м данными – критерий q_3 – в БД необходима выборка данных из документа и внесении их в определенные таблицы БД с соблюдением связей и целостности. При внесении документа в архив с помощью г/м архиватора происходит архивация всего документа и помещение его в структурированный архив. Соответственно, время на добавление нового документа существенно меньше у структур с г/м архиватором.

Для функционирования структур с системами резервного копирования требуются не только устройства резервного копирования, но и сами носители. Носители могут быть разнообразными: CD и DVD диски, магнитные ленты, жесткий диск. Соответственно и стоимость технических средств (критерий q_4), необходимых для создания резервных копий, также варьируется. Для функционирования БД необходимы мощные вычислительные ресурсы и большой объем жесткого диска, что также ведет к расходу средств на техническое обеспечение. Для работы г/м архиватора достаточен ПК средней мощности, а для хранения архива не нужен жесткий диск большого объема. Поэтому не возникает никакой необходимости в переоснащении ПК отрасли и происходит экономия денежных средств.

Стоимость программного обеспечения (ПО) – критерий q_5 – для функционирования системы резервного копирования зависит от многих условий: устройств резервного копирования, лицензии, операционной системы и т.д. Стоимость систем управления БД (СУБД) также зависит от многих факторов. Наиболее дешевым является использование Interbase или клонов этого СУБД. ПО г/м архиватора является бесплатным, и для работы он не требует никакого дополнительного дорогостоящего ПО.

При внесении каких-либо изменений в форму г/м документов гибкость БД позволит ей достаточно быстро адаптироваться к этим изменениям. Изменение внутренней формы документа для системы резервного копирования не имеет значения, поэтому по критерию q_6 эти системы имеют абсолютное преимущество. Так как г/м архиватор является узкоспециализированным, то в нем отсутствует значительная гибкость при изменении формы документа. Поэтому в случае полной смены формата документа может появиться необходимость написания нового г/м архиватора.

Под критерием компактности хранения данных q_7 понимается место, занимаемое файлами, содержащими г/м данные. Так при использовании г/м архиватора компактность будет наиболее высокой. Использование системы резервного копирования также предусматривает возможность компрессии данных, но компактность при этом будет существенно меньше, чем при использовании г/м архиватора. Данные в файлах БД не подвергаются компрессии, значит, файлы БД наименее компактны.

По критерию восстановления потерянных или поврежденных данных q_8 явное преимущество имеют системы резервного копирования. Структуры с использованием БД не имеют, либо имеют малое преимущество над вариантом структуры с использованием г/м архиватора. Это зависит от математических средств, которые могут использоваться для восстановления данных при использовании г/м архиватора.

Сравнения вариантов по каждому из критериев производиться по шкале Саати, представленной в табл. 1.

Таблица 1

Девятибалльная шкала Саати

Балл	Пояснение
1	отсутствует преимущество варианта v_i над вариантом v_j
3	имеется слабое преимущество v_i над v_j
5	имеется существенное преимущество v_i над v_j
7	имеется явное преимущество v_i над v_j
9	имеется абсолютное преимущество v_i над v_j
2,4,6,8	промежуточные сравнительные оценки

Сравнение структур подсистемы хранения по критериям приводит к следующим высказываниям:

- Критерий q_1 : $\begin{cases} \text{явное преимущество } v_1 \text{ и } v_2 \text{ над } v_3, \\ \text{слабое преимущество } v_2 \text{ над } v_1. \end{cases}$
- Критерий q_2 : $\begin{cases} \text{абсолютное преимущество } v_2 \text{ и } v_3 \text{ над } v_1, \\ \text{почти отсутствует преимущество } v_2 \text{ над } v_3. \end{cases}$
- Критерий q_3 : $\begin{cases} \text{почти абсолютное преимущество } v_2 \text{ и } v_3 \text{ над } v_1, \\ \text{слабое преимущество } v_3 \text{ над } v_2. \end{cases}$
- Критерий q_4 : $\begin{cases} \text{более чем абсолютное преимущество } v_2 \text{ над } v_1, \\ \text{явное преимущество } v_2 \text{ над } v_3, \\ \text{существенное преимущество } v_3 \text{ над } v_1. \end{cases}$
- Критерий q_5 : $\begin{cases} \text{более чем существенное преимущество } v_3 \text{ над } v_2, \\ \text{почти абсолютное преимущество } v_3 \text{ над } v_1, \\ \text{существенное преимущество } v_2 \text{ над } v_1. \end{cases}$
- Критерий q_6 : $\begin{cases} \text{явное преимущество } v_1 \text{ над } v_3, \\ \text{существенное преимущество } v_1 \text{ над } v_2, \\ \text{слабое преимущество } v_3 \text{ над } v_2. \end{cases}$
- Критерий q_7 : $\begin{cases} \text{абсолютное преимущество } v_3 \text{ над } v_1, \\ \text{существенное преимущество } v_3 \text{ над } v_2, \\ \text{существенное преимущество } v_2 \text{ над } v_1. \end{cases}$
- Критерий q_8 : $\begin{cases} \text{почти нет преимущества } v_1 \text{ над } v_3, \\ \text{явное преимущество } v_1 \text{ над } v_2, \\ \text{более чем существенное преимущество } v_3 \text{ над } v_2. \end{cases}$

Далее необходимо сформировать матрицы парных сравнений вариантов по каждому критерию [2]. Экспертным высказываниям соответствуют следующие матрицы парных сравнений:

$$\begin{aligned}
 A(q_1) &= \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 3 & 1/7 \\ v_2 & 1/3 & 1 & 1/7 \\ v_3 & 7 & 7 & 1 \end{matrix} \quad
 A(q_2) = \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 9 & 9 \\ v_2 & 1/9 & 1 & 1/2 \\ v_3 & 1/9 & 2 & 1 \end{matrix} \quad
 A(q_3) = \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 8 & 8 \\ v_2 & 1/8 & 1 & 3 \\ v_3 & 1/8 & 1/3 & 1 \end{matrix} \\
 A(q_4) &= \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 10 & 5 \\ v_2 & 1/10 & 1 & 1/7 \\ v_3 & 1/5 & 7 & 1 \end{matrix} \quad
 A(q_5) = \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 5 & 8 \\ v_2 & 1/5 & 1 & 6 \\ v_3 & 1/8 & 1/6 & 1 \end{matrix} \quad
 A(q_6) = \begin{matrix} & v_1 & v_2 & v_3 \\ v_1 & 1 & 1/5 & 1/7 \\ v_2 & 5 & 1 & 3 \\ v_3 & 7 & 1/3 & 1 \end{matrix}
 \end{aligned}$$

$$A(q_7) = \begin{matrix} & \begin{matrix} v_1 & v_2 & v_3 \end{matrix} \\ \begin{matrix} v_1 \\ v_2 \\ v_3 \end{matrix} & \begin{bmatrix} 1 & 5 & 9 \\ 1/5 & 1 & 5 \\ 1/9 & 1/5 & 1 \end{bmatrix} \end{matrix} \quad A(q_8) = \begin{matrix} & \begin{matrix} v_1 & v_2 & v_3 \end{matrix} \\ \begin{matrix} v_1 \\ v_2 \\ v_3 \end{matrix} & \begin{bmatrix} 1 & 1/7 & 1/2 \\ 7 & 1 & 6 \\ 2 & 1/6 & 1 \end{bmatrix} \end{matrix}$$

Степени принадлежности каждого варианта по критерию вычисляются по формуле [3]:

$$\mu^k(v_i) = \frac{1}{a_{i1}^k + a_{i2}^k + \dots + a_{in}^k} \quad (1)$$

Пользуясь матрицами парных сравнений и формулой (1), получаем:

$$\begin{aligned} q_1 &= \left\{ \frac{0,241}{v_1}, \frac{0,677}{v_2}, \frac{0,067}{v_3} \right\} & q_2 &= \left\{ \frac{0,053}{v_1}, \frac{0,621}{v_2}, \frac{0,321}{v_3} \right\} & q_3 &= \left\{ \frac{0,059}{v_1}, \frac{0,242}{v_2}, \frac{0,686}{v_3} \right\} \\ q_4 &= \left\{ \frac{0,063}{v_1}, \frac{0,805}{v_2}, \frac{0,122}{v_3} \right\} & q_5 &= \left\{ \frac{0,071}{v_1}, \frac{0,139}{v_2}, \frac{0,774}{v_3} \right\} & q_6 &= \left\{ \frac{0,745}{v_1}, \frac{0,111}{v_2}, \frac{0,12}{v_3} \right\} \\ q_7 &= \left\{ \frac{0,067}{v_1}, \frac{0,161}{v_2}, \frac{0,763}{v_3} \right\} & q_8 &= \left\{ \frac{0,609}{v_1}, \frac{0,071}{v_2}, \frac{0,316}{v_3} \right\} \end{aligned}$$

Базируясь на принципе Беллмана-Заде [4], наилучшей системой будем считать ту, которая одновременно лучшая по всем критериям. Поэтому нечеткое множество, которое необходимо для рейтингового анализа, определяется в виде пересечения.

Учитывая тот факт, что в теории нечетких множеств операции пересечения соответствует *min*, получаем:

$$D = \left\{ \frac{0,053}{v_1}, \frac{0,071}{v_2}, \frac{0,067}{v_3} \right\}$$

Согласно полученному множеству D , наилучшим следует считать тот вариант, для которого степень принадлежности (числитель) является наибольшей.

Множество D свидетельствует о преимуществе второго варианта над первым и третьим вариантами, а также о преимуществе третьего варианта над первым.

Таким образом, при равной значимости выбранных критериев структура подсистемы хранения с созданием БД и одновременным созданием архива г/м данных имеет преимущество над остальными структурами. Следовательно, для обеспечения качественного прогноза гидрометеорологических явлений необходимо спроектировать подсистему хранения согласно выбранной структуре.

Список литературы:

1. Хубка В. Теория технических систем / В. Хубка. – М.: Мир, 1987. – 209 с.
2. Козак А.А. Анализ надежности информационно-измерительных систем на ранних этапах проектирования / А.А. Козак, П.О. Кузнецов, А.П. Ротштейн // Стандартизация и измерительная техника: сб. науч. тр. – Красноярск, 1976. – Вып. 2. – С. 128-131.
3. Rotshtein A. Modification of Saaty Method for the Construction of Fuzzy Set Membership Functions / A. Rotshtein // Fuzzy Logic and Its Applications: International Conference FUZZY. – Zichron, 1997. – P. 125-130.
4. Беллман Р. Принятие решений в расплывчатых условиях / Р. Беллман, Л. Заде // Вопросы анализа и процедуры принятия решений: сб. переводов. – М.: Мир, 1976. – С. 172-215.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ОБРАБОТКИ СЛОЁВ БИХРОМИРОВАННОГО ЖЕЛАТИНА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ГОЛОГРАФИИ

**© Ильина В.В.¹, Михайлов В.Н.²,
Барминская В.В.³, Абрамова О.О.⁴**

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург

Целью данной работы являлась разработка способа получения принципиально нового материала, пригодного к использованию в практике голографирования объектов, из уже существующего традиционного материала, частично или полностью утратившего эксплуатационные свойства в процессе хранения или в результате воздействия вредных факторов окружающей среды

Исследована зависимость основных характеристик полученных голограмм от способа изготовления регистрирующего слоя и показана возможность использования полученного материала для записи изобразительных голограмм.

Одним из важных направлений исследований в области голографии является разработка новых и совершенствование уже существующих регистрирующих материалов.

Слои бихромированного желатина (БХЖ), наряду с галогенсеребряными материалами, начали использовать для записи голограмм ещё на заре голографии, в конце 60-х годов прошлого века [1].

И, несмотря на то, что на сегодняшний день известно достаточно много голографических регистрирующих сред, слои БХЖ до сих пор востребованы, поскольку позволяют получать высокоэффективные голограммы с очень низким уровнем шумов и высокой разрешающей способностью [2, 3].

К несомненным достоинствам этого голографического материала можно также отнести простоту получения и обработки слоёв, а также их низкую стоимость.

Целью данной работы было получение слоёв БХЖ из фотопластинок промышленного производства «ПФГ-03М» (ОАО «Компания «Славич», г. Переславль-Залесский, Россия) и рассмотрение возможности применения полученного таким образом нового материала для записи трансмиссионных голограмм как зеркальных, так и диффузных объектов.

¹ Старший преподаватель

² Доцент, кандидат физико-математических наук

³ Студентка

⁴ Старший преподаватель

Механизм записи голограмм на слоях БХЖ изучен достаточно подробно [4, 5].

Принято считать, что первичная фотохимическая реакция в слое происходит, по крайней мере, по двум каналам. Поглотив квант света, ион хрома Cr^{6+} , находящийся в эмульсии, восстанавливается до Cr^{4+} и Cr^{5+} . Ионы Cr^{4+} со временем самопроизвольно переходят в состояние Cr^{5+} или, в результате темновых реакций (задубливание без света), в Cr^{3+} . Ионы Cr^{5+} стабильны и переходят в состояние Cr^{3+} только под действием воды, при проявлении. Слой желатина, подвергшийся экспонированию светом высокой интенсивности, задубливается сильнее, чем желатин, получивший меньшее количество световой энергии. В результате последующей стадии обезвоживания в спиртовых растворах, происходит образование локальных неоднородностей (пор, микротрещин) местоположение которых точно соответствует интерференционной картине при записи голограммы.

Разработка методов расширения спектральной чувствительности слоев БХЖ дала возможность использовать такие слои и в качестве регистрирующей среды для цветной голографии.

В качестве исходного материала для приготовления слоёв БХЖ в работе использовались галогенсеребряные фотопластинки «ПФГ-03М» с истёкшим сроком годности, которые уже нельзя использовать для записи голограмм из-за сильного вуалирования.

Стадии приготовления слоёв БХЖ приведены в табл. 1.

Таблица 1

Стадии изготовления слоёв БХЖ

№	Наименование стадии	Время проведения	Температура, °С
1.	Фиксирование в растворе: Тиосульфат натрия – 250 г Метабисульфит калия – 20 г Сульфит натрия – 60 г Вода дистиллированная – до 1,0 л	15 мин	20±1
2.	Промывание	15 мин	Холодная проточная вода
3.	Очувствление бихроматом аммония	10 мин	20±1
4.	Ополаскивание в дистиллированной воде	10 сек	20±1
5.	Сушка	6-8 часов	20±1

Очувствление слоя проводилось в растворах бихромата аммония с различной концентрацией: 1 %, 2 %, 3 %, 4 % и 5 %.

Запись голограмм осуществлялась при помощи аргонового лазера ЛГН-512 на длине волны $\lambda = 488$ нм при красном неактивном освещении. Угол между опорным и объектным пучками составлял $2\theta = 34^\circ$, таким образом, частота решетки при записи плоскими пучками составляла 1200 мм^{-1} . Соотношение пучков при записи было 1:1.

После записи голограмм пластинки обрабатывали по схеме, представленной в табл. 2.

Таблица 2

Стадии химико-фотографической обработки БХЖ

Стадия обработки	Состав раствора	Температура, °С	Длительность, мин
Набухание	Дистиллированная вода	20 ± 2	10
Сушка 1	Изопропиловый спирт (50 %)	20 ± 2	3
Сушка 2	Изопропиловый спирт (90 %)	20 ± 2	3
Сушка 3	Изопропиловый спирт (96 %)	20 ± 2	3
Окончательная сушка на воздухе	-	-	До полного высыхания слоя

Сушка в спиртах различной концентрации использовалась с целью обеспечения равномерного удаления избытка воды из слоя.

После обработки фотопластинок были измерены значения дифракционной эффективности записанных голограмм. Результаты измерений представлены на рис. 1 в виде графиков зависимости дифракционной эффективности от экспозиции и концентрации бихромата. Голограммы, записанные на пластинках с концентрацией бихромата 5 %, отличались сильным светорассеянием, поэтому дифракционная эффективность для них не измерялась.

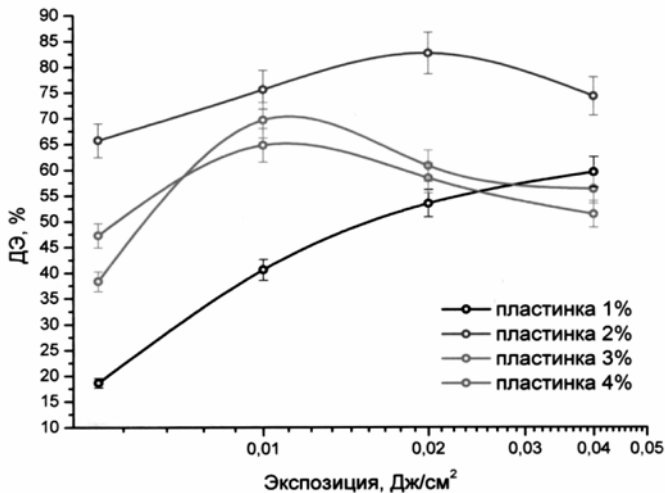

Рис. 1. Зависимость дифракционной эффективности от экспозиции при записи голограмм плоских волн (1200 мм^{-1}) при соотношении пучков $M = 1:1$. Концентрация бихромата: 1-1 %, 2-2 %, 3-3 %, 4-4 %

Как видно из данных, приведенных на рис. 1, максимальные значения ДЭ достигаются на фотопластинках, обработанных 2%-ным раствором бихромата. При этой концентрации ДЭ достигает величины 83 % при экспозиции 20 мДж/см². Значения ДЭ снижаются при увеличении концентрации бихромата до 3-4 %. При концентрации бихромата 1 % ДЭ достигает максимума 60 % при экспозиции около 40 мДж/см².

Для исследования возможности записи голограмм диффузных объектов использовался диффузно-рассеивающий тест-объект, и осуществлялась запись голограмм в попутных пучках при соотношении $M=0,15$. Угол между опорным и объектным пучками составлял $2\theta=34^\circ$. После обработки экспонированных пластинок измерялся контраст изображения, восстановленного голограммой. Результаты этих измерений представлены на рис. 2.

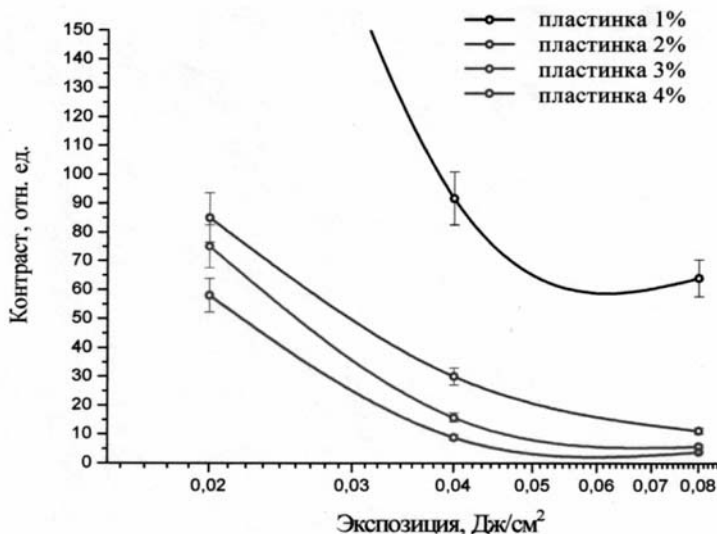

Рис. 2. Зависимость контраста изображения тест-объекта восстановленного голограммой от экспозиции при различных концентрациях бихромата: 1-1 %, 2-2 %, 3-3 %, 4-4 %

Из рис. 2 видно, что с увеличением экспозиции наблюдается ярко выраженное падение контраста. Судя по всему, такое снижение контраста связано с усилением шумов при увеличении экспозиции. Наиболее высокие значения контраста достигаются на пластинках, обработанных 1%-ным раствором бихромата.

Для оценки влияния химико-фотографической обработки на степень изменения толщины слоя БХЖ проводили запись голограмм во встречных пучках на длине волны $\lambda = 488$ нм.

На рис. 3 приведен спектр отражения решеткой, записанной во встречных пучках ($2\Theta = 180^\circ$) на слоях БХЖ, обработанных согласно методике, приведенной в табл. 2.

Рис. 3. График спектрального распределения интенсивности дифрагированного излучения на пластинах, обработанных 2%-ным раствором бихромата

Как видно из экспериментальных данных (рис. 3), обработка фотопластинок приводит к значительному увеличению толщины слоя за счёт набухания, и, как следствие, к сдвигу в желтую область спектра с максимумом в спектре отражения на длине волны $\lambda = 584$ нм. Ширина спектра отраженного сигнала при этом составляет $\Delta\lambda = 78$ нм.

Таким образом, приготовленные нами из промышленных фотопластинок ПФГ-03М слои БХЖ можно с успехом использовать для записи высокоэффективных голограмм во встречных пучках.

Список литературы:

1. Shankoff T.A. Phase holograms in dichromated gelatin // Appl. Opt. – 1968. – vol. 7. – P. 2101-2105.
2. Chang B.J. Dichromated Gelatin Holograms and Their Applications // Opt. Eng. – 1980. – Vol. 19. – № 5. – P. 642-648.
3. Shechter R., Reinhorn S., Amitai Y., Friesem A.A. Planar holographic elements with uniform diffraction efficiency // Applied Surface Science. – 1996. – Vol. 106. – P. 369-373.
4. Curran A.R., Shankoff T.A. The Mechanism of Hologram Formation in Dichromated Gelatin // Applied Optics. – 1970. – vol. 9. – P. 1651-1657.
5. Case S.K., Alferness R. Index Modulation and Spatial Harmonic Generation in Dichromated Gelatin Films // Appl. Phys. – 1976. – Vol. 10. – P. 41-51.

ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПОКАЗАТЕЛИ ТЯГОВО-СКОРОСТНЫХ СВОЙСТВ И ТОПЛИВНОЙ ЭКОНОМИЧНОСТИ АВТОМОБИЛЯ

© Хегай Ю.А.¹

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

В статье рассмотрены вопросы воздействия температуры окружающей среды на топливную экономичность и тягово-скоростные свойства автомобиля, вскрытия причинно-следственной цепочки этого воздействия, составления формализованного представления этого автомобиля как сложной системы, в виде математической модели.

Условия эксплуатации характеризуются транспортными, дорожными и климатическими условиями.

На производительность и эффективность использования автомобилей значительное влияние оказывают климатические условия, которые в зависимости от географических регионов и времени года имеют широкий диапазон значений параметров, характеризующих состояние атмосферы. В то же время отмечено, что из всех климатических факторов наибольшее влияние на режимы работы автомобиля оказывают температура окружающей среды и высота дороги над уровнем моря.

В условиях рыночных отношений наиболее актуальными вопросами на автотранспорте являются повышение топливной экономичности и производительности автотранспортных средств в реальных условиях эксплуатации. Для обеспечения высокой топливной экономичности и производительности автомобилей необходимо учитывать реальные условия, как при проектировании, так и эксплуатации.

Вопросам влияния природно-климатических условий на эксплуатационные и потребительские свойства автотранспортных средств (АТС) посвящен ряд работ, как в России, так и за рубежом. В этих работах отмечается, что природно-климатические условия эксплуатации автомобиля оказывают значительное влияние на эффективность, существенно изменяют уровень производительности, расхода топлива, надежности и другие показатели АТС.

Выполненные исследования в данном направлении можно разделить на четыре группы:

- исследования влияния параметров атмосферы на рабочие процессы отдельных узлов и агрегатов автомобиля;

¹ Заместитель декана факультета управления и бизнес-технологий, заведующий кафедрой «Экономика и управление на транспорте», кандидат технических наук, доцент

- исследования работы автомобиля в экстремальных климатических условиях, т.е. в условиях низких или высоких температур окружающей среды, высокогорья, влажных тропиков;
- исследования влияния температуры окружающей среды на тягово-скоростные свойства, топливную экономичность;
- исследование влияния условий эксплуатации на показатели эффективности работы подвижного состава.

Первые две группы направлены на решение задач создания конструкций АТС, способных нормально функционировать в особо сложных условиях эксплуатации, определения их критических границ и степени изменения выходных показателей автомобиля или его отдельных узлов в рабочей зоне по условиям эксплуатации.

Исследования третьей группы направлены на решение задач определения показателей тягово-скоростных свойств и топливной экономичности при различных температурах окружающей среды.

Четвертая группа исследований направлена на определение закономерностей влияния условий эксплуатации подвижного состава на показатели его эффективности и в конечном результате социально-экономическую эффективность эксплуатации подвижного состава.

Большое количество работ посвящено первым двум направлениям. Среди них можно отметить труды Д.П. Великанова, Р.Н. Островцева, Р.М. Парцхаладзе, Э.С. Нусупова, Я.Е. Фаробина и многих других, которыми отмечено недостаточное соответствие конструкций эксплуатируемых автомобилей требованиям эксплуатации и необходимости выпуска автомобилей северного и южного исполнения.

В трудах Л.Г. Резника разработаны основы общей теории приспособленности автомобиля, базирующейся на необходимости наиболее полной реализации их потенциальных свойств в условиях холодного и очень холодного климата.

Разработана методика дифференцированного корректирования зимних норм расхода топлива. Показано, что влияние температуры окружающей среды на величину расхода топлива для различных моделей АТС неодинаково; сделан вывод о необходимости определения коэффициента адаптивности для каждой конкретной модели.

Крупченковым В.С. на основании анализа данных многолетних наблюдений особенностей изменения основных метеорологических элементов, характеризующих условия проведения испытаний АТС применительно к району расположения дорожных сооружений, установлено, что наиболее значимым параметром по воздействию на выходные показатели автомобиля является температура окружающей среды ($T_{\text{окр}}$).

На основе анализа выполненных работ температуру окружающей среды принимать в качестве критерия, наиболее полно определяющего атмо-

сферные условия при испытаниях. Признано целесообразным ограничить-ся определением влияния $T_{\text{окр}}$ на результирующие выходные характеристики подсистем автомобиля, являющиеся результатом взаимодействия рабочих процессов их отдельных элементов.

С целью повышения эффективности АТС необходимо, чтобы используемые автотранспортные средства были конструктивно приспособлены к экстремальным характеристикам климата.

В ГОСТ 21398-89 «Автомобили и автопоезда. Общие технические требования» указывается на то, что автомобили должны быть рассчитаны на эксплуатацию при скорости ветра до 20 м/с, высоте до 4650 м с изменением тягово-динамических качеств, при этом ничего не исследовано относительно влияния температуры окружающей среды.

Дорожные испытания АТС проводятся при соблюдении атмосферных условий, регламентированных ГОСТ 22576-90 и ГОСТ 20306-90 для скорости ветра не выше 3 м/с (порывами до 5 м/с), температуры окружающего воздуха от + 5 до + 25 °С атмосферного давления в пределах 973-1026 ГПа (730-750 мм.рт.ст.) относительной влажности воздуха не более 95 % и при отсутствии осадков.

Стандартами рекомендуются формулы корректирования пути выбега и расхода топлива по температуре окружающей среды для условий умеренного климата.

В методике дорожных испытаний на топливную экономичность SAE предусматривается корректировка результатов испытаний приведением их к эталонным условиям относительно температуры окружающей среды, температуры топлива, барометрического давления, плотности топлива или его теплотворной способности. Поправка на температуру окружающей среды и барометрическое давление учитывает, главным образом, изменение плотности воздуха и его влияние на аэродинамическое сопротивление автомобиля.

Правила ЕЭК ООН № 15 также предусматривает приведение расхода топлива к стандартным условиям. Европейский координационный Совет по изучению эксплуатационных свойств топлива и масел для двигателей (СЕС) в добавлении № 9 к правилам ЕЭК ООН № 15 предложил в настоящее время внести в формулу приведения коррекцию по сопротивлению качению колеса автомобиля относительно температуры окружающей среды. Предложенная СЕС коррекция позволяет более точно приводить результаты испытаний к стандартным условиям, но и в этом случае, как показано в документе, приведенные результаты одного и того же автомобиля, полученные при разных атмосферных условиях, различаются между собой до 5 % и более. Следует также отметить, что правила ЕЭК ООН № 15 и методика SAE распространяется только на автотранспортные средства полной массой до 3,5 т.

В работах А.Н. Островцева, посвященных основным принципам построения классификации эксплуатационных условий и теории рабочих процессов функциональных систем автомобиля, показано, что для оценки и контроля уровня эксплуатационных свойств и их изменения при работе автомобиля в различных условиях эксплуатации необходимо раскрытие цепочки причинно-следственных связей, начиная с взаимосвязи комплексов характерных дорожных, атмосферно-климатических и других факторов с потенциальными свойствами автомобиля, в результате которых формируются численные значения измерителей эксплуатационных свойств автомобиля. Эти измерители позволяют перейти к объективной оценке, нормированию и прогнозированию уровня качества автомобиля и его конструкции в конкретных условиях эксплуатации, сопоставлять результаты эксплуатации автомобилей в различных дорожных и климатических условиях и находить коэффициенты приведения по результатам полигонных испытаний.

В то же время, усложнение поставленных задач вызывает потребность упрощения управления сложными процессами и системами для нахождения оптимальных решений при наличии ограничений компромиссов и сложных связей, не всегда выраженных в явной форме. Желаемого упрощения и необходимой определенности в постановке задачи можно достичь выделением в сложной системе функциональных элементов с четко выраженной структурой и рабочими процессами, определяемые их внутренними связями, а также применением принципа независимости оценки свойств автомобиля и свойств внешних факторов.

При определенных ограничениях и условиях компромисса (формализации) анализ связи между рабочими процессами АТС и свойствами внешней среды позволяет составить математическую модель, с помощью которой можно определить закономерности и степень изменения эксплуатационных свойств автомобиля под воздействием внешнего фактора.

В данном случае для определения влияния атмосферно-климатических факторов на показатели тягово-скоростных свойств и топливной экономичности автомобиля необходимо определить критерий, наиболее полно определяющий атмосферные условия при его эксплуатации. В целом атмосферно-климатические условия характеризуются такими параметрами, как: температура окружающей среды, барометрическое давление, влажность, скорость и направление ветра, солнечная радиация, осадки и другие.

Каждый конкретный географический регион на международном маршруте имеет свои количественные характеристики атмосферно-климатических условий, определяемых определенными значениями перечисленных параметров состояния атмосферы, которые различаются по абсолют-

ной величине (с незначительными отклонениями от средней) для данного региона по отношению к другому.

В общем случае автомобиль можно представить как сложную систему, состоящую из нескольких подсистем и их элементов, каждый из которых подвергается воздействию температуры окружающей среды. Взаимодействуя с другими элементами подсистем, они оказывают влияние на результирующие выходные эксплуатационные и экономические параметры автомобиля.

Анализ воздействия температуры окружающей среды на топливную экономичность и тягово-скоростные свойства автомобиля позволяет вскрыть причинно-следственную цепочку этого воздействия, составить формализованное представление этого автомобиля, как сложной системы, в виде математической модели, формализовать показатели и цель исследования.

При изменении температуры окружающей среды изменяются тепловые процессы двигателя, агрегатов трансмиссии, шин и элементов подвески, уровни протекания которых зависят от нагрузочных и скоростных режимов работы. Величины этих уровней определяются через обратные связи с двигателем и скоростью движения автомобиля, обозначенной на схеме пунктирными линиями. Одновременно, под действием температуры изменяются физические показатели состояния рабочих элементов системы:

- плотность, вязкость, сжимаемость топлива;
- плотность воздуха, поступающего в двигатель и взаимодействующего с поверхностью автомобиля;
- упругость рабочих элементов шин и элементов подвески;
- вязкостные характеристики масла в агрегатах трансмиссии и двигателя.

Необходимо отметить, что факторы, влияющие на топливную экономичность, отражают рабочие процессы подсистем: с одной стороны: двигателя и его элементов как преобразователя теплоты сгорания топлива в механическую энергию, а с другой стороны – подсистемы «кузов-шасси» автомобиля как потребителя этой энергии с элементами преобразования эффективного крутящего момента двигателя в поступательное движение автомобиля.

В подсистеме «двигатель» – изменение его теплового состояния и физических параметров рабочих тел оказывает влияние:

- на характеристику механических потерь;
- на характеристику тепловых потерь в двигателе;
- на характеристику процесса смесеобразования.

В подсистеме «кузов-шасси» автомобиля – изменение плотности окружающего воздуха и теплового состояния агрегатов трансмиссии и шин оказывает влияние на:

- характеристику аэродинамического сопротивления движению автомобиля;
- характеристику потерь в трансмиссии (барботажных потерь на трение);
- характеристику потерь на качение автомобиля.

Однако протекание рабочих процессов отдельных элементов подсистем как двигателя, так и подсистемы «кузов-шасси автомобиля», носит сложный характер и определение закономерностей их изменения под одновременным воздействием температуры окружающей среды и режимов движения на практике не представляется возможным, особенно при изучении некоторых процессов подсистемы «двигатель» в условиях его работы на автомобиле, хотя это и представляет определенный интерес с точки зрения определения оптимальных законов управления рабочими процессами двигателя.

Для изучения влияния температуры окружающей среды на тягово-скоростные свойства и топливную экономичность автомобиля, более целесообразно ограничиться определением влияния температуры окружающей среды на результирующие выходные характеристики подсистем, являющиеся результатом взаимодействия рабочих процессов их отдельных элементов.

Здесь результатом взаимодействия функционирования элементов подсистемы «двигатель» являются его выходные характеристики:

- эффективного крутящего момента двигателя в функциональной зависимости от температуры окружающей среды и частоты вращения коленчатого вала двигателя,

$$M_e = f(T_{окр}; n_e) \quad (1)$$

где M_e – крутящий момент двигателя;

$T_{окр}$ – температура окружающей среды;

n_e – частота вращения коленчатого вала двигателя, об/мин.

- часового расхода топлива в функциональной зависимости от температуры окружающей среды, эффективного крутящего момента двигателя,

$$Q_m = f(T_{окр}; M_e; n_e) \quad (2)$$

где Q – часовой расход топлива, л/час.

Для подсистем «кузов-шасси автомобиля» результатом взаимодействия функционирования ее элементов является выходная характеристика суммарной силы сопротивления движению в функциональной зависимости от температуры окружающей среды и скорости автомобиля,

$$\Sigma P_c = f(T_{окр}; V_a). \quad (3)$$

где V_a – скорость автомобиля, км/час.

Взаимодействие подсистем «двигатель» и «кузов – шасси автомобиля» осуществляется через передаточный орган – трансмиссия, а результат этого взаимодействия – отношения выходных характеристик подсистем и функционирование значений выходных показателей качества автомобиля (расход топлива; ускорение автомобиля; средняя скорость; максимально преодолеваемый подъем и др.), определяется величиной передаточного числа трансмиссии.

В зависимости от условий эксплуатации автомобилей на международных маршрутах вышеперечисленные показатели в конечном итоге влияют на эксплуатационные и экономические параметры эксплуатируемых автомобилей. Поэтому представляет научный и практический интерес моделировать движение подвижного состава в реальных условиях эксплуатации.

Список литературы:

1. Крупченков В.С. Методы анализа и оценка влияния температуры окружающей среды на тягово-скоростные свойства и топливную экономичность автомобиля: Дисс. ... к.т.н. – М., 1987. – 198 с.
2. Островцев А.Н. Потенциальные свойства функциональных систем и их влияние на эксплуатационные качества автомобиля // Автомобильная промышленность. – 1975. – № 10. – С. 12-13.
3. Фаробин Я.Е., Шупляков В.С. Оценка эксплуатационных свойств автопоездов для международных перевозок. – М.: Транспорт, 1983. – 200 с.

МЕТОДИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОМОБИЛЕЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ МАРШРУТАХ

© Хегай Ю.А.¹

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

В статье изложены результаты исследований методологических вопросов обеспечения возможности оценки технического и эксплуатационного уровня автотранспортных средств в реальных условиях эксплуатации. Предложены обобщенные критерии оценки качества транспортных средств в условиях рынка.

Целью методики является обеспечение возможности оценки технического и эксплуатационного уровня автотранспортных средств, выполняющих основную работу в процессе транспортирования – перевозки грузов в международном сообщении в реальных условиях эксплуатации.

Методика должна быть приемлемой для оценки всех моделей международных автомобилей и автопоездов, обладающих общностью основной функциональной задачи – перевозки различных грузов и базироваться на концепции энергетического подхода к решению практических задач оценки автомобилей и получении числового результата по критерию оценки кинетической энергии, расходуемой на движения груза с учетом особенностей конструкции модели автомобиля, перевозящего данный груз.

Методика должна обладать простотой оценочных процедур, обеспечивать получение объективных результатов, не требовать поиска аналога и оценивать автотранспортное средство по совокупности 10 основных параметров, типичных для всех грузовых автотранспортных средств, не иметь ограничений в применении по всей цепочке этапов и стадий жизненного цикла транспортного средства. Расчетные процедуры будут выполняться по единым формулам выражения критериев оценки.

Оценка работы автотранспорта может быть выполнена как по процессам, так и в целом, т.е. как по элементам услуг, так и по общей услуге (доставка груза «от двери – до двери»).

Основными параметрами автотранспортных средств, подлежащих оценке, являются:

- q_{an} – грузоподъемность автомобиля (автопоезда), т;
- v_{max} – максимальная скорость движения, км/ч;
- v_c – скорость сообщения, км/ч;

¹ Заместитель декана факультета управления и бизнес-технологий, заведующий кафедрой «Экономика и управление на транспорте», кандидат технических наук, доцент

- l_n – длина преодолеваемого подъема, км;
- m_{an} – полная масса автомобиля, т;
- v – внешний габаритный объем автомобиля (произведение длины, ширины и высоты), m^3 ;
- L – запас хода по топливу, км;
- $L_{к.р}$ – установленный ресурс автомобиля до капитального ремонта, км;
- $G_{р.м.}$ – общий расход материалов (топлива, рабочих жидкостей, масел, смазок, сменных агрегатов, запасных частей), т;
- N_e – мощность двигателя, кВт.

Приведенные важнейшие параметры позволяют установить рабочий вид частных критериев качества и технического уровня.

Частными критериями эксплуатационной и экономической оценки транспортных средств являются: значение полезного эффекта от применения объекта (величина транспортной услуги), значение отрицательного эффекта от эксплуатации (материальные издержки), топливная или общая эффективность применения объекта, квалиметрическая величина технического качества и показателя добротности конструкции.

Обобщающим критерием оценки качества транспортных средств является общая эффективность эксплуатации данного объекта в условиях реальной эксплуатационной ситуации.

Оценка технико-экономического уровня автотранспортных средств должна характеризовать ее эффективность и выражаться в абсолютных единицах.

Под техническим, эксплуатационным и экономическим уровнем автотранспортных средств в данной методике понимается числовые выражения совокупности основных потребительских показателей объекта оценки, полезного эффекта транспортных услуг, материальных издержек в эксплуатации и сервисе, добротности конструкции с учетом ее современности и соответствия требованиям потребителя, т.е. «международный коммерческий эффект транспорта» для эксплуатации в международных коридорах в условиях жаркого климата.

Потребительский эффект от эксплуатации автотранспортного средства соответствует значению транспортной услуги.

Транспортная услуга может быть выражена: общей производительностью (перемещение груза на расстояние без учета скорости перемещения), часовой производительностью (без учета дальности), кинетической энергией движения груза (без учета дальности), а также объемом транспортной работы в ткм.

Материальные издержки при эксплуатации автотранспортных средств $G_{р.м.}$ определяется расчетом расхода топлива на 100 км пробега и других необходимых расходов, приведенных к 100 км пробега:

$$G_{p.m.} = G_m + \Delta G_l = G_m(1 + \Delta G_l/G_m), \text{ тн} \quad (1)$$

Обозначив выражение в скобках $K_{p.m.}$, получим:

$$G_{p.m.} = G_m K_{p.m.} \quad (2)$$

где $K_{p.m.}$ – коэффициент учета расхода других эксплуатационных материалов, не считая топлива.

При $K_{p.m.} = 1$ учитывается только расход топлива и оценивается только топливная экономичность автотранспортного средства.

Добротность конструкции объекта оценки γ определяется совокупностью коэффициентов коммерческой отдачи полной массы автотранспортного средства, скоростных свойств, а также учитывающих другие свойства объекта, определяемые особенностями конструкции и эксплуатации.

Для каждого вида транспорта эти коэффициенты по номенклатуре и величине могут быть разными. Анализ литературных источников показал, что целесообразно вывод показателя γ ограничить такими коэффициентами учета свойств.

Работа транспорта оценивается в «тонно-километрах» или «пассажиры-километрах». Эти показатели в условиях рынка и интенсификации грузопотоков не могут служить объективной оценкой работы транспорта, поскольку не отражают важнейшего фактора перевозок – скорость.

В условиях рынка необходимо разработать такой критерий, чтобы он вобрал в себя три основных параметра всякого транспортного процесса: величину массы перевозимого груза, дальность его перевозки и квадрат скорости перевозки груза ($A = q \cdot L \cdot v^2$). Такая совокупность параметров характеризует энергетическую сущность переноса массы, ее кинетическую энергию движения, эквивалентную работе по перемещению груза на расстояние L .

Физический смысл такого критерия в том, что этот критерий транспортной работы (A) (абсолютной величины транспортной услуги как полезного эффекта всякой транспортной операции) характеризует абсолютную величину средней кинетической энергии движения груза. Достигаемой за счет расходования мощности двигателя за время движения.

По нашему мнению, этот критерий даст реальную возможность построить единую концепцию объективной оценки эксплуатационного уровня образцов транспортных средств, основанной на энергетической оценке потребительских свойств любого транспортного средства вообще.

При сопоставлении автотранспортных средств зарубежного производства, в частности автомобилей различных моделей приходится ограничиваться техническим уровнем, поскольку экономические показатели по ним, как правило, неизвестны.

Согласно тому же ГОСТу 15467-79 уровень качества – относительная характеристика качества продукции, основанная на сравнении значений показателей качества оцениваемой продукции с базовыми значениями соответствующих показателей. При сравнении фактических значений показателей качества продукции с базовыми удобно пользоваться относительными значениями. При этом уровень качества будет определяться совокупностью относительных значений или функциями от этих значений.

Самым престижным показателем ценности любого автотранспортного средства является его общий технический уровень, достигнутый на данное время. В широком смысле понятие «техничко-экономический уровень» автотранспортных средств должно отражать доминирующие факторы потребительских свойств назначения:

- абсолютную величину полезного эффекта использования;
- абсолютную величину материальных расходов на эксплуатацию;
- степень насыщенности машин новейшими достижениями технического прогресса (в конструкции, технологии, эксплуатации, службе сервиса);
- степень удовлетворения требований потребителя.

В совокупности эти факторы можно назвать «квалиметрическим уровнем».

Абсолютная величина обобщенного коммерческого уровня транспортного средства должна быть некоторой функцией от частных критериев, выраженных в абсолютных величинах трех потребительских факторов: полезного эффекта применения A , материальных расходов $G_{p.m.}$, коэффициента добротности конструкции.

Математически можно записать в общей форме так:

$$T = f(A, G_{p.m.}, \gamma) \quad (3)$$

где частные критерии как переменные величины искомой функции T , имеют свою определенную размерность. Размерность величины A (полезность услуги транспорта) будет в «т км³/ч²»; величина $G_{p.m.}$ (материальных расходов) – тоннах; величина γ (коэффициент добротности конструкции) выражается безразмерным числом.

Выше были приведены 10 основных параметров автотранспортных средств, с учетом этого коммерческий уровень транспортного средства можно математически описать в общем виде – как некоторую функцию критерия T от параметров его оценки:

$$T = f(q, v_{max}, v_c, l_n, m_{an}, v, L_{k.p.}, G_{p.m.}, N_e) \quad (4)$$

Отметим, что критерий T выражает количественную оценку коммерческого уровня АТС как основы его общего качества. Другие свойства

АТС (экономичность, эстетичность, экологичность, безопасность и др.) находят свое косвенное отражение в улучшении или ухудшении параметров доминирующей группы или должны соответствовать принятым национальным требованиям или международным нормам.

Рассмотрим частные критерии:

Критерий полезного эффекта транспортной работы.

Ранее было отмечено, что полезным эффектом работы АТС является доставка груза q на расстояние L со скоростью v_p и что это составляет показатель полезной работы A с размерностью в $\text{ткм}^3/\text{м}^2$. Этот показатель транспортной работы примем за первый частный критерий технических возможностей данного АТС как критерий полезного эффекта транспортной работы транспортного средства:

$$A = q \cdot v_p^2 \cdot L, \text{ ткм}^3/\text{м}^2 \quad (5)$$

Физически критерий A характеризует среднепостоянную кинетическую энергию движения груза $q \cdot v_p^2$, поддерживаемую работой двигателя на расстоянии L движения. С другой стороны – это показатель инерции движения, которую необходимо поддерживать или погасить тормозами при необходимости остановиться на любом участке пути.

Критерий эффективности транспортной работы.

В научной литературе используются пять основных рангов критерия эффективности: народнохозяйственной, экономической, функциональной, физической и информационной.

Эти критерии должны раскрывать сущность основного процесса транспортных перевозок, выражать содержание функциональных показателей АТС в системе немногих, но физически измеримых показателей.

В связи с общепринятой логикой определения эффективности физических процессов транспортировки грузов, показателем эффективности здесь является отношение величины полезного эффекта A к величине отрицательного эффекта $G_{p.m}$, т.е.

$$\gamma = A / G_{p.m}. \quad (6)$$

Этот показатель является показателем обобщенной эффективности транспортного средства.

При введении коэффициента учета всех материальных расходов $K_{p.m}$, отнесенных к весу расходуемого топлива показатель γ может быть:

$$\gamma = A / K_{p.m} G_m = q \cdot v_p^2 L / K_{p.m} G_m, \text{ ткм}^3/\text{м}^2 / \text{т расх.матер} \quad (7)$$

Коэффициент расхода $K_{p.m}$ всегда больше единицы. Если принимать $K_{p.m} = 1$, то эффективность будет оцениваться только по расходу топлива. Выражение для оценки эффективности только по расходу топлива имеет вид:

$$\gamma = A / G_m, \text{ ткм}^3/\text{м}^2 / \text{тн топл.} \quad (8)$$

Критерий обобщенного технического уровня автотранспортных средств. Критерий экономического уровня объекта оценки должен отражать главные потребительские показатели: полезный эффект работы, расходы на эксплуатацию, добротность конструкции.

В общем виде это можно записать:

$$T = A / G_{p.m} \varphi, \quad (9)$$

где коэффициент добротности конструкции можно представить произведением частных коэффициентов поправок, учитывающих особенности работы:

$$\varphi = K_1 K_2 K_3 \dots K_i \quad (10)$$

Для упрощенных расчетов вышеприведенные формулы применяются в следующем виде:

$$T_0 = A / G_m \varphi_0 \quad (11)$$

$$\varphi_0 = K_1 K_2 K_3 \quad (12)$$

где $K_1 = q / m_a$ – коэффициент коммерческой отдачи полной массы автотранспортного средства;

K_2 – коэффициент дорожных достоинств автотранспортных средств;

K_3 – коэффициент запаса динамических свойств автотранспортных средств.

Теперь можем приступить к разработке методики экономической оценки качества и эксплуатационного уровня автотранспортных средств на конкретных международных маршрутах. Совершенство конструкции автомобилей привели к изменению характера выполняемых работ автотранспорта. Увеличение дальности перевозок привело к тому, что существующие методики оценки стали не приемлемыми для оценки совершенства конструкции автомобилей дальнего следования. В этих целях наиболее целесообразным является использование методов квалиметрии. Вся совокупность квалиметрических задач по автотранспортным средствам разделяется на два класса: задачи оценки АТС на этапе создания новых моделей (модернизации) и задачи оценки серийных моделей на этапе их эксплуатации в реальных условиях эксплуатации. Эти задачи решаются по одной и той же методике и по одним и тем же критериям, что обеспечивает преемственность в оценке АТС по всей цепочке их жизненного цикла.

На этапе создания новой модели (модернизации) – квалиметрия дает возможность паспортизации параметров АТС.

На этапе эксплуатации серийных моделей квалиметрия позволяет установить степень использования паспортных возможностей в реальной эксплуатационной ситуации региона.

На этапе эксплуатации автотранспортных средств их ресурс расходуется на выполнение полезной транспортной работы. При этом работа на маршруте определяется режимами движения, характером дороги и грузопотока, географическими факторами и метеоусловиями региона эксплуатации, а также факторами сезонности, времени суток, организацией перевозок.

Выражение в абсолютных единицах измерения критерия эксплуатационного уровня автотранспортных средств позволяет использовать его на этапе эксплуатации парка серийных машин в тех случаях, когда необходимо:

- оценить каждый рейс подвижного состава и парка подвижного состава, эффективности и эксплуатационному уровню использования паспортных возможностей, заложенных в автомобиль при ее создании.

В этом случае все частные критерии и критерий T_p для подвижного состава в целом должны отражать фактические параметры:

- провести оценку работы автотранспортного предприятия по критерию T_p в условиях данного региона.

Практические результаты расчета величин критерия T можно получить при использовании:

- табличного метода, при котором составляется сводная таблица;
- номограмм, построенных для определенного вида, типа, класса однотипных транспортных средств.

Темпы роста спроса на транспортные услуги будут зависеть от ресурсной базы той или иной страны, ее экономической и торговой политики и решения транспортных проблем, таких как развитие новой инфраструктуры, стоимость транспортных услуг.

Прогноз интенсивности дорожного движения, как правило, основывается на существующих данных по подсчету транспортных средств и применении факторов роста к этим данным для получения прогноза потоков. В данной работе такой подход непригоден из-за отсутствия данных по дорожному движению. Кроме того, резкие изменения в экономиках различных государств означают, что прогноз дорожного движения должен учесть существующие и будущие предположения относительно торговых потоков между государствами.

Важнейшее значение в росте объема перевозок по международному маршруту имеет стоимость транспортировки грузов. При этом следует учесть транспортные расходы на железнодорожном транспорте и сравнение с расходами на автомобильном транспорте.

Для более реалистичного сравнения стоимости перевозок на железнодорожном и автомобильном транспорте были определены три варианта. Первый вариант состоит в сохранении действующих грузовых тарифов, как определено выше. По второму варианту, устанавливаются новые тарифы на железную дорогу, основанные на стратегии покрытия полной стоимости строительства новой железной дороги и третий вариант – это сопоставимая политика для автомобильного транспорта, где стоимость строительства новых участков дороги будет покрыта за счет взимания транзитных сборов, которые затем будут покрываться заказчиком через более высокие тарифы на перевозку грузов. В целом, варианты выглядят следующим образом:

- вариант 1: сохранить действующие тарифы за перевозку грузов на автомобильном и железнодорожном транспорте;
- вариант 2: тарифы на железнодорожном транспорте на новых участках железнодорожного маршрута должны учитывать стоимость строительства, техобслуживания и эксплуатации;
- вариант 3: транзитные сборы на новых участках автодорожного маршрута должны учитывать стоимость строительства и содержания дороги.

Поток затрат включает в себя затраты на реконструкцию автодорог и на ежегодную их эксплуатацию. Источниками потоков ежегодных доходов являются сбережения затрат дорожных показателей в результате пользования новыми дорогами. Несмотря на то, что в международной практике были определены четыре типа затрат пользователей автодорогами: эксплуатация транспортных средств, время в пути, ДТП и неудобства. Выражение последних двух видов затрат в денежном выражении требует специальных исследований и поэтому исключается из оценки. В результате чего оцениваются только эксплуатационные транспортные расходы (ЭТР) и альтернативная стоимость времени в пути.

Для того, чтобы оценить экономическое преимущество маршрута, необходимо определить вероятную экономию от сокращения эксплуатационных транспортных расходов, за счет сокращения износа автомобилей и улучшения их работы за счет использования повышенных передач.

Основным фактором, влияющим на эксплуатационные транспортные расходы, являются состояние поверхности автодорог. Износ дорожного полотна приведет к росту эксплуатационных транспортных расходов.

Состояние дорожного полотна выражается через шероховатость поверхности. Существует несколько измерений шероховатости, но наиболее употребляемым из них является международный коэффициент шероховатости (International Roughness Index или IRI). Он отражает накопленные вертикальные перемещения задней оси транспортных средств на км пробега, выраженные в метрах на километр.

Интервал шероховатости дорожного полотна колеблется от значения IRI менее 3 м/км, что является эквивалентом отличного состояния поверхности, до значения IRI, равного 10 м/км, что подразумевает дорогу в очень плохом состоянии. Значения свыше 12 м/км означают разрушенное полотно или его отсутствие.

Несмотря на то, что основной статьей доходов от улучшения перевозочного процесса является сокращение эксплуатационных транспортных расходов, не следует пренебрегать и экономией от сокращения времени пребывания в пути. Экономия времени возникает за счет сокращения времени поездок по улучшенным дорогам на более высокой скорости. Поскольку экономия времени приносит пользу людям, а не транспортным средствам, то важным фактором расчета экономии времени является среднее число пассажиров.

Важным элементом в расчетах экономии времени является взаимосвязь между потоком транспортных средств и скоростью поездки. По мере увеличения интенсивности движения, в особенности, потока больших грузовиков, средняя скорость будет снижаться. Рост интенсивности влечет за собой снижение скорости транспортных средств до минимальной величины, установленной на уровне 30 км/ч.

Экономия времени в пути представляется в денежном выражении с использованием ценности времени. В развитых странах, с полной или почти полной занятостью, критерием для определения ценности времени является рост производительности и дохода, который мог бы быть вызван экономией времени.

Список литературы:

1. Крупченков В.С. Методы анализа и оценка влияния температуры окружающей среды на тягово-скоростные свойства и топливную экономичность автомобиля: Дисс. ... к.т.н. – М., 1987. – 198 с.
2. Островцев А.Н. Потенциальные свойства функциональных систем и их влияние на эксплуатационные качества автомобиля // Автомобильная промышленность. – 1975. – № 10. – С. 12-13.
3. Фаробин Я.Е., Шупляков В.С. Оценка эксплуатационных свойств автопоездов для международных перевозок. – М.: Транспорт, 1983. – 200 с.

Раздел пятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

ПРИМЕНЕНИЕ СУДОМ НЕКОТОРЫХ ОБЫЧНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ

© Анищенко Е.П.

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Статья посвящена изучению некоторых регуляторов, имеющих обычное происхождение и правовое значение. В статье рассматриваются как вопросы теоретического содержания и правового регулирования, так и некоторые проблемы практики их применения судом.

Одним из дискуссионных вопросов в теории права остается вопрос о месте, роли и применении регуляторов, имеющих общественное происхождение, так называемых обычных регуляторов. В литературе довольно часто встречаются сходные понятия: обычай, обыкновение, обычное право, заведенные порядки и т.д., однако не существует единства в определении составляющих данного института обычного права.

В целом можно говорить о следующих четырех позициях, существующих в теории:

1. Выделяются две параллельно существующие конструкции: обычай делового оборота как разновидность правовых обычаев, применимых в сфере предпринимательства, и торговые (деловые) обыкновения, не являющиеся правовыми обычаями [7, С. 33; 2, С. 48-49];
2. Категория «обычное», объединяющая в себя все общественные регуляторы, имеющие общественное происхождение, включает в себя две составляющие: *обычное правило* (общеобязательное правило, которое имеет общественное происхождение и обеспечивается общественным признанием) и *обычное поведение* (привычное устойчивое поведение, характерное для определенной ситуации). К группе *обычных правил* относятся обычные нормы, которые делятся на правовые и неправовые обычаи. К *обычному (привычному) поведению* можно отнести обыкновения (обычаи делового оборота, обычные условия, договоры присоединения и т.д.), формулярное право и т.д. [9, С. 40];
3. Обычаи делового оборота понимаются как источник права, так и обыкновение, не имеющее самостоятельной обязательной силы [1, С. 38]. При этом порой указывается на определенные условия, необходимые для отождествления обыкновения и правового обычая, в частности, когда допускается санкционирование государством обычаев посредством соглашения сторон [6];
4. Обыкновение есть одна из стадий формирования норм обычного права как источников права [4, С. 25].

Складывающееся разнообразие усиливается смешением двух правовых систем: внутреннего права и права международного.

Например, нередко признается, что в области внешней торговли обычай (обычай делового оборота) в понимании российского законодательства определяется как международное обыкновение, которое в отличие от юридически обязательных международно-правовых обычаев регулирует внешнеэкономический оборот лишь в том случае, если участники последнего договорились о таком регулировании, что прямо закрепляется в Приложении к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» [Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 4]. Кроме того, ссылаясь на ст. 9 Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров», указывается на возможность двоякого понимания природы обычаев [Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1]: 1) Стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях (обыкновение); 2) При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли (правовой обычай).

Определенное решение в вопросе о разграничении данных понятий имеет не только теоретическое значение как может показаться на первый взгляд, но и имеет чрезвычайную практическую важность, в первую очередь для судебного правоприменения, поскольку анализ практики применения судами обычаев делового оборота свидетельствует о том, что наибольшее количество ошибок допускается судами именно в отношении разграничения обычаев делового оборота и других обычных регуляторов (обыкновений, заведенного порядка).

Так, *Арбитражный суд г. Москвы посчитал необоснованными требования истца о взыскании убытков, понесенных в связи с продажей банком ценных бумаг при исполнении им договора об оказании брокерских услуг без распоряжения об этом истца. При этом суд придал значение «сложившейся у сторон фактически практике устных поручений, являющихся для них обычаем делового оборота».* В другом случае *Федеральный арбитражный суд Уральского округа, оценивая обоснованность выводов судов первой и апелляционной инстанций, в мотивировочной части своего постановления ссылается на отсутствие судебной оценки доводов истца, утверждавшего, что «между сторонами сложилась практика (обычай делового оборота) подписания путевых листов лицами, принимающими грузы» и др.* [8, С. 95].

Различные решения, на наш взгляд, имеют под собой вполне объективное основание, проявляющееся главным образом в несовершенстве законодательного регулирования данного вопроса.

В Гражданском Кодексе РФ (далее – ГК РФ) дается определение лишь одному из обычных регуляторов – обычаям делового оборота (торгового обычая), под которыми в ст. 5 понимаются сложившиеся и широко применяемые в какой-либо области предпринимательской деятельности правила поведения, не предусмотренные законодательством, независимо от того, зафиксированы ли они в каком-либо документе.

Как видно, одни признаки сформулированы при помощи оценочных категорий (правило должно быть сложившимся и широко применимым), другие, напротив, вполне определены (применимость в какой-либо области предпринимательства, легальная непредусмотренность, неформализованность, подчинение обязательным правилам законодательства и условиям договора).

Разумеется, при признании правила торговым обычаем наибольшую сложность представляют оценочные признаки. Так, выяснение за тем или иным правилом сложившегося характера и широкой применимости сопряжено с установлением совокупности разных обстоятельств, в их числе: примерное время его возникновения, стабильность (устойчивость) существования, однообразность и возможная динамика содержания, степень известности в деловых кругах, распространенность (степень признания), частота применения (постоянство соблюдения, многократность, систематизм), исключительность (отсутствие альтернатив и конкуренции со стороны других обычных правил) и др. [13].

Специальные отсылки к обычаям делового оборота содержатся не только в ГК РФ, в частности, в ст.ст. 309, 311, в статьях, регулирующих отдельные виды обязательств, например в ст. 891, предусматривающей обязанность хранителя принять для сохранения переданной на хранение вещи меры, соответствующие обычаям делового оборота, но и в иных нормативно-правовых актах (например, в Кодексе торгового мореплавания РФ).

Определение, данное ГК РФ, примерно соответствует традиционному пониманию торговых обычаев цивилистами Российской империи. Однако, на наш взгляд, в современных условиях это понятие нуждается в уточнениях.

Попытка, осуществленная Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 6, Пленума Высшего арбитражного суда № 8 от 01.07.1996 [Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9] вряд ли может быть названа удачной, поскольку в принципе обозначила уже и так понятное, повторив и добавив, что под обычаем делового оборота понимается «не предусмотренное законодательством или договором, но сложившееся, то есть достаточно оп-

ределенное в своем содержании, широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, например, традиции исполнения тех или иных обязательств и т.п.»

По пути правового опосредования только лишь обычаев делового оборота пошло и процессуальное законодательство.

Так, Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) закрепляет в ч. 1 ст. 11: «Суд разрешает гражданские дела, исходя из обычаев делового оборота в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами». Почти аналогичную формулировку содержит Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) в ч. 1. ст. 13: «Арбитражные суды в случаях, предусмотренных федеральным законом, применяют обычаи делового оборота».

Однако даже в указанных, весьма узких формулировках, можно увидеть существенное противоречие: при буквальном толковании ст. 13 АПК РФ и ст. 11 ГПК РФ напрашивается вывод о том, что суды вправе применять обычаи делового оборота лишь при наличии специальной ссылки.

Данное ограничение нецелесообразно по нескольким соображениям: во-первых, в законодательстве не может быть предусмотрено всех возможных случаев, во-вторых, ранее названная ст. 5 ГК РФ закрепляет обратное, позволяя применить сложившийся на практике обычай делового оборота в любых возможных случаях, если он только не противоречит обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору.

В литературе называется несколько возможных способов преодоления данного противоречия, наиболее верным из которых нам представляется подход, согласно которому при несоответствии материального и процессуального законодательства применяется та норма, которая в наибольшей степени обеспечивает защиту интересов потерпевшей стороны [8, С. 94]. Предусмотренные ГК РФ возможности для применения обычаев делового оборота в наибольшей степени обеспечивают защиту интересов субъектов гражданского оборота, поэтому если суд при рассмотрении дела выявит наличие обычая делового оборота, применимого к отношениям сторон, он вправе будет его применить, даже если на этот обычай нет ссылки в конкретной статье закона.

В соответствии с п. 2 ст. 5 ГК РФ обычай делового оборота может быть применен, если он: не противоречит обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства (в широком смысле этого слова); не противоречит договору, заключенному между сторонами.

Очевидным является тот факт, что если обычай делового оборота противоречит императивной норме, это обстоятельство следует признавать безусловным основанием для отказа в применении обычая делового оборота. Поэтому не вызывает сомнений *решение Арбитражного суда Хан-*

ты-Мансийского автономного округа об отказе в удовлетворении исковых требований по иску о взыскании долга за предоставленные услуги по обслуживанию территории, содержанию городского туалета в ситуации отсутствия договора, когда якобы «сложились обычаи делового оборота», поскольку нормы об обычаях делового оборота в данном случае не могут быть применены в силу особого порядка оформления отношений сторон, который требуется в соответствии с требованиями Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [12].

Если же выявленный обычай противоречит диспозитивной правовой норме, то одного этого обстоятельства еще недостаточно для решения вопроса о возможности его применения. Противоречие обычая диспозитивной норме не препятствует его применению в случаях, когда: 1) стороны предусмотрели в договоре условие, отличное от диспозитивной нормы; 2) стороны своим соглашением исключили действие диспозитивной нормы применительно к своим отношениям; 3) в соответствии с законом обычай делового оборота имеет приоритет перед диспозитивной нормой закона (например, в случае, предусмотренном п. 2 ст. 459 ГК РФ). Во всех других ситуациях противоречие обычая делового оборота диспозитивной норме закона является препятствием для его применения [8, С. 97].

Таким образом, думается, что под обычаями делового оборота следует понимать применяемые и восполняющие пробелы, а также в некоторых случаях устраняющие действие диспозитивных норм гражданского законодательства правовые обычаи, имеющие императивный характер для сторон сделки и при нарушении их влекущие юридическую ответственность.

Обобщая судебную практику можно привести следующие примеры обычаев делового оборота [11, С. 18]:

Постановлением ФАС Западно-Сибирского округа подтвержден факт существования такого обычая, как приемка товара с участием представителей общественности путем взвешивания вагонов с остановкой без расценки для целей установления недостачи.

Постановлением ФАС Северо-Западного округа подтверждено то, что «по обычаям делового оборота подписание одной стороной протокола разногласий, предложенного другой стороной, означает принятие спорных пунктов договора в редакции второй стороны. В таком случае следует считать, что стороны согласились рассматривать споры по правилам общей подсудности по месту нахождения ответчика».

Постановлениями ФАС Уральского округа подтверждено существование обычая определения стоимости строительно-монтажных работ посредством использования коэффициента удорожания к базисному уровню цен 1 января 1998 г., также подтверждено, что «исходя из обы-

чаев делового оборота акты приемки выполненных работ, подписанные сторонами с указанием объема и стоимости работ, итоговой суммы, подлежащей выплате, являются документами, на основании которых заказчик обязан оплатить выполненные работы не позднее 45 дней после их подписания».

Постановлением ФАС Волго-Вятского округа подтверждено, что по обычаям делового оборота, действующим в настоящее время, доверенность на получение материальных ценностей используется как документ, подтверждающий право доверенного лица на однократное получение товарно-материальных ценностей и др.

Встречаются в судебной практике и исключительные случаи, когда далеко не распространенное и, более того, сомнительное с позиций права и здравого смысла явление стороны в споре пытается представить как обычай делового оборота [11, С. 18]. Так, в *Определении ФАС Северо-Кавказского округа одна из сторон в качестве обычая делового оборота указывала на возможность составления деловых документов (в частности, дополнительного соглашения к договору) с проставлением подписи директора и печати юридического лица посредством струйного принтера*. Представляется, что такие «обычаи» не приживутся на российской правовой почве.

Наряду с обычаями делового оборота в законодательстве используют понятия «обычно предъявляемые требования» и «обычные условия». Эти категории в некоторых случаях можно рассматривать как синонимы, так как обычно предъявляемые требования в некоторых случаях являются обычными условиями. Обычно предъявляемые требования вытекают из обязанностей (обычных или предполагаемых в какой-либо ситуации). Обычные условия включают в себя не только обязанности, но и права. В ряде статей ГК РФ этот термин в одних случаях дополняет отсылку к обычаям делового оборота (ст. 309, 478, 992), а в других используется как самостоятельный термин (ст. 484, 485, 721). Поэтому различная интерпретации данных понятий дается в литературе.

Обыкновение в отличие от обычая делового оборота не имея законодательного определения, в литературе понимаются обычно как «правило, сложившееся на основе столь постоянного и единообразного повторения данных фактических отношений, что оно считается входящим в состав волеизъявления сторон по сделке в случае соответствия их намерениям» [10, С. 4]. При этом в качестве примера приводится использование накопительной системы скидок оптовым покупателям [7, С. 33].

В научной литературе также употребляется термин «деловое обыкновение». Его можно расценивать как разновидность обыкновения в целом, сфера действия которого ограничена особенностями частного и международного частного права. К примеру, можно назвать международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс», действующие в редак-

ции 1992 г., собранные Международной Торговой Палатой и носящие рекомендательный характер, хотя данное утверждение оспаривается многими теоретиками и даже некоторыми примерами международной арбитражной практики [5, С. 76-77; 14, С. 24].

Заведенный порядок чаще всего обозначается как практика взаимоотношений сторон конкретного договора, сложившаяся между ними в предшествующих взаимосвязях, и хотя прямо не закрепленная где-либо, но подразумеваемая в силу отсутствия каких-либо возражений по этому поводу [3, С. 94].

Исходя из указанного, заведенный порядок и обыкновение имеют юридическую силу условий конкретного договора. В этом качестве они имеют безусловное преимущество в применении перед диспозитивными нормами закона, а следовательно, и перед обычаем. Однако ни обыкновения, ни заведенный порядок, как и другие условия конкретных договоров, не являются источниками права.

Правильная квалификация судами обычных регуляторов имеет свое значение для решения вопроса об инициативе применения обычных регуляторов. Кажется обоснованным вывод о возможности применения обычаев делового оборота по собственной инициативе. Представляется, что суды имеют также возможность самостоятельно устанавливать существование и содержание торговых обычаев (обычаев делового оборота), поскольку обладают для этого необходимыми средствами. В частности, это доктринальное толкование, существующая практика разрешения судами конкретных споров с использованием этих правил поведения, запросы в компетентные организации и органы, создание специальных комиссий для сбора и обобщения торговых обычаев и обыкновений и т.д. В данном случае можно говорить лишь о помощи суду со стороны истца либо ответчика, а не об их обязанности доказать существование и содержание применяемого ими обычая делового оборота.

Иначе обстоит дело с деловыми обыкновениями и заведенным порядком. Они зависят либо от личной инициативы предпринимателя, либо от обоюдного согласия обеих сторон на их применение. Здесь суд с полным правом возлагает на стороны обязанность доказать существование и содержание того или иного обыкновения с учетом правил о доказательствах (например, разрешение поставки товара по мере его появления у продавца).

Вопрос о правильной квалификации тесно примыкает к вопросу о необходимости фиксации обычая в судебных актах. Выражается она в том, что суды, основывая свои решения на обычных регуляторах, в большинстве случаев не воспроизводят их содержание в судебном акте либо воспроизводят их крайне нечетко [8, С. 96]. Если же в отношении собственно обычаев делового оборота подобная практика может быть допустима, то в

отношении деловых обыкновений и заведенного порядка, не может считаться правильной и целесообразной.

Несомненно, важная роль в выявлении обычаев делового оборота принадлежит суду. Не случайно в АПК РФ в качестве одной из задач судопроизводства в арбитражных судах названо содействие формированию обычаев и этики делового оборота (ст. 2). Как говорится в литературе, эти новеллы по своему духу действительно приближаются к деловым оборотам и правоотношениям в сфере бизнеса, существующим в передовых странах Европы, а также США, Японии, Канаде и др. [11, С. 17].

Как показывает практика, содействие формированию обычаев делового оборота осуществляется судами различными способами. Однако представляется, что само применение обычных регуляторов является основным способом содействия их формированию.

В отношении обычных регуляторов практически всегда существует проблема, связанная с самим их выявлением и определением. Данный вопрос имеет двойственный характер, выражающийся в тесном переплетении теоретической и практической составляющей, поэтому как представляется, в качестве направления дальнейшего развития можно назвать необходимость теоретической определенности в разграничения обычных регуляторов при одновременной унификации терминологии в действующем законодательстве.

Список литературы:

1. Белкин А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 34-39.
2. Гражданское право: учеб.: В 3 т. Т. 2. – 4-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Валявина, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 848 с.
3. Гражданское право: В 4 т. Т. 4: Обязательственное право / В.В. Витрянский и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
4. Ершова Е.А. Обычаи, содержащие нормы российского трудового права // Трудовое право. – 2008. – № 3. – С. 23-29.
5. Лисица В.Н. Обычаи и обыкновения в международном инвестиционном праве // Журнал российского права. – 2007. – № 10. – С. 71-77.
6. Малова О.В. Правовой обычай, обыкновение и общепризнанные принципы и нормы международного права // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115398.
7. Мекка О., Штыкова Н. Применение судами обычаев делового оборота и торговых обыкновений // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 33-34.

8. Миклашевская Н. Применение судами обычаев делового оборота // Хозяйство и право. – 2004. – № 7. – С. 92-98.
9. Наумкина В.В. Обычные регуляторы // Современное право. – 2006. – № 5. – С. 40-42.
10. Плоцкая О.А. О современной системе источников права в российской федерации // Вестник удмуртского университета. Правоведение – 2006. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vestnik.udsu.ru/2006/2006-06/vuu_06_06_01.pdf.
11. Ражков Р. Формирование обычаев делового оборота арбитражным судопроизводством // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 10. – С. 17-19.
12. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 24 января 2008 года по делу № А75 – 7045/2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: assys.arbc.ru/bras/filepage.asp?id_doc=0d621fc7-06f2-48cd-9039-7c59fda8eab6&id_src=A35BBF27FB8E6B633D205B8E89633008&filename=0d621fc7-06f2-48cd-9039-7c59fda8eab6.pdf.
13. Ровный В.В. Обычай в современном обороте // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5: сборник науч. стат. / В.В. Ровный; под общ. ред. В.Ф. Попондопуло, О.Ю. Скворцова. – СПб: Волтерс Клувер, 2005 // СПС «КонсультантПлюс»;
14. Фонотова О.В. Особенности правовой природы ИНКОТЕРМС // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 2. – С. 23-27.

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНЫХ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© Зятьков А.Е.¹

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Направленность на обеспечение публичного интереса является важной характеристикой правового регулирования государственно-частных партнерских отношений. В настоящей статье делается попытка проанализировать содержание категории публичного интереса применительно к отношениям государственно-частного партнерства, а также риски внедрения государственно-частного партнерства в России, лежащие в социально-политической плоскости.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) является относительно новым для отечественной практики и комплексным по своей природе явлением. На основе обобщения существующих в настоящее время в науке воззрений, а также практики партнерского взаимодействия государства с частным сектором, государственно-частное партнерство в широком смысле можно определить как систему взаимоотношений между государством, частным бизнесом и гражданским обществом, основанную на принципах диалога, согласования интересов и взаимовыгодного объединения финансовых, кадровых, организационных и иных ресурсов для более эффективного выполнения государственных функций и достижения целей государственного управления в экономической, социальной и иных сферах в условиях современной рыночной экономики.

Для ГЧП характерно большое разнообразие правовых форм и сфер применения. Не вызывает сомнения, что механизмы ГЧП могут работать эффективно лишь в обеспеченном государством правовом поле. В силу этого в настоящее время правовое обеспечение внедрения в экономическую, социальную и управленческую практику принципов и механизмов ГЧП является важным направлением правовой политики России.

В современных исследованиях отчетливо звучит мнение о том, что обеспечение публичного интереса должно выступать одним из принципов (то есть основных, руководящих начал) правового регулирования государственно-частных партнерских отношений. Это означает, что государство, проводящее политику ГЧП, помимо создания благоприятных усло-

¹ Аспирант кафедры Теории права и гражданско-правового образования

вий для деятельности хозяйствующих субъектов, должно преследовать публичный интерес.

В науке отмечается, что «понятия публичного интереса, общественно необходимых или полезных целей, общего блага, социальной функции собственности и т.п., глубоко затрагивающие как отдельные стороны общественной жизни, так и общество в целом, давно стали конституционными постулатами современного социального государства за рубежом. Они закреплены и в текущем законодательстве, используются в договорных отношениях государства (и других публично-правовых образований) с частными участниками оборота, интерпретируются судебной практикой» [9, С. 167].

В российской правовой теории публичный интерес определяется как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого является условием и гарантией ее существования и развития». В основе публичного интереса лежит общественный интерес. Но этот последний сам по себе остается понятием, скорее, этическим, философским, гуманитарным. И только когда он признан и закреплен волей публичной власти, государством и правом, он становится публичным. Гарантом соблюдения и удовлетворения публичного интереса должно выступать государство или иное публично-правовое образование [9, С. 168].

Главенствующую роль в определении публичного интереса играет Конституция Российской Федерации. В этом смысле публичный интерес представляют такие ключевые политико-правовые основы существования и развития Российского государства, как права и свободы человека и гражданина, демократия, суверенитет, федерализм, социальный характер государства, единство экономического пространства и др. Публичный интерес предполагает защиту общегосударственных интересов и целей, наличие в регулировании соответствующих отношений общеобязательных требований и ограничений, обоснованных в смысле части 3 статьи 55 Конституции РФ и определенных в федеральном законе.

Говоря о такой правовой форме ГЧП, как недропользовательские концессии, К.И. Налетов предлагает разделять публичный интерес на две категории: 1) публичный интерес в смысле интересов государства или иного публично-правового образования (создание или улучшение концессионером переданного ему имущества, уплата им налогов, сборов и иных платежей, наименьшее причинение вреда окружающей среде); 2) публичный интерес в смысле интересов неопределенного круга лиц (в первую очередь – наименьшее причинение вреда окружающей среде, развитие социальной инфраструктуры) [8, С. 112]. В результате, по словам К.И. Налетова, целью заключения концессионного договора должно являться: во-первых, достижение обеими сторонами прибыли, во-вторых, достижение

общественно-значимого результата, состоящего из общественного интереса населения соответствующей территории и интереса государства как носителя публичной власти [7, С. 36]. Что касается инфраструктурных концессий, к данному требованию, по нашему мнению, должно относиться также обеспечение для потребителей надлежащего качества и безопасности работ и услуг, производимых (поставляемых) концессионером.

Следовательно, содержание категории «публичный интерес» шире содержания «государственного интереса», в ином случае речь шла бы о приоритете государственного интереса над частным, что не совместимо с такими ключевыми принципами ГЧП, как равноправие сторон, диалог, согласование целей и интересов. Очевидно, данный подход к определению публичного интереса соответствует точке зрения, согласно которой публичный интерес «призван, с одной стороны, обеспечивать устои общества и государства как условие их существования, с другой – гарантировать удовлетворение частных интересов в их единичном и концентрированном («усредненном») выражении» [11, С. 140].

В исторической и современной практике договорных отношений государства и частных лиц возникали конфликтные ситуации, когда именно публичный интерес становился основанием для изменения или прекращения партнерских отношений.

Так, если взять в качестве примера концессионные правоотношения, вопросы, связанные с односторонним прекращением таких отношений в связи с категорией публичного интереса заставляют обратить внимание на смешанный характер юридической природы концессии. Еще исследователи концессионных отношений XIX в. полагали, что государство, в силу неограниченности своего верховенства, может издавать новые общие законы, производящие существенные изменения в бывших до того правоотношениях. Государство может также путем общего закона отменять такие правоотношения, исключение которых из круга признаваемых законом правоотношений считает необходимым ради общих государственных целей. Среди оснований для таких действий государства упоминались такие категории, как «высшие государственные цели», «общественная польза», «безопасность» и другие формулировки, то есть, по сути, синонимы или же отдельные составляющие «публичного интереса». Но государство обязано вознаградить тех лиц, которые понесли убытки от последовавших изменений в праве. Государство не вправе отказать в справедливом вознаграждении потерпевшим добросовестным лицам от совершившихся изменений в правопорядке [1, С. 118]. Отметим, что согласно действующему российскому законодательству досрочное расторжение концессионного соглашения возможно только на основании решения суда [12].

Во внешнем плане (то есть при участии в партнерстве иностранных инвесторов, транснациональных корпораций, финансово-подрядных консорциумов и др.) обеспечение публичного интереса связано с обеспечени-

ем национальных интересов, экономической безопасности и суверенитета принимающего государства. Содержание категории «национальные интересы» достаточно широко. В свете участия России в государственно частных партнерских отношениях, на первый план, по нашему мнению, выходят следующие аспекты соблюдения национальных интересов: во-первых, обеспечение прав, свобод и законных интересов населения принимающего государства, населения соответствующего региона (территории), потребителей работ и услуг; обеспечение экологической безопасности; во-вторых, реализация стратегических экономических и политических интересов Российской Федерации в различных регионах мира посредством государственной поддержки отечественного бизнеса на международной арене; наконец, обеспечение суверенитета и экономической безопасности государства.

Стремление обеспечить соблюдение публичных интересов не только в конкретном единичном правоотношении, но и в правовом регулировании определенной группы правоотношений (в данном случае – отношений ГЧП) предполагает необходимость грамотной оценки рисков (экономических, политических, социальных и т.п.), связанных с внедрением тех или иных институтов и механизмов. Это связано с тем, что публичный интерес в силу своего содержания может вступать в противоречие с рыночной, коммерческой природой осуществляемых в рамках ГЧП проектов и, соответственно, частноправовой природой опосредующих их договорных отношений. Такого рода противоречия могут лежать не только в чисто экономической, но и в социально-политической плоскости.

Прежде всего можно отметить, что в России отношение к ГЧП остается неоднозначным. Продолжают существовать предубеждения о том, что частные предприятия преследуют первоочередные экономические цели и не несут социальной ответственности. «В социально-политическом аспекте выражается беспокойство тем, что государственно-частное партнерство может стать очередным этапом приватизации государственных предприятий и учреждений социальной сферы. А это в конечном итоге приведет к резкому повышению оплаты за социальные услуги, в том числе, в сферах образования, здравоохранения. Предприниматели, в свою очередь, опасаются усиления роли государства и его вторжения в бизнес-сферу» [6].

Действительно, сегодня со стороны ученых звучит мнение о том, что на первом этапе перехода России к рыночной экономике форсированная приватизация противоречила национальным геостратегическим и геополитическим интересам страны, а «определяющую роль в приватизации 1990-х годов играли не столько экономические, сколько политические факторы» [2]. Отчасти в связи с этим в России оказалось надолго отложено внедрение более умеренных, полуприватизационных, партнерских

схем. Между тем, по мнению М.А. Субботина, система контрактов между государством и частными инвесторами явилась бы серьезной альтернативой программе приватизации, а подчас своего рода подготовкой к ней» [3, С. 14]. Например, механизм концессий представляет собой известный компромисс между решениями, способствующими росту эффективности, и решениями, не обременяющими государственный бюджет и сохраняющими социальную и политическую стабильность. «В концессионной системе частный оператор получает в пользование часть государственных, общественных активов, ... однако при гораздо меньших политических издержках по сравнению с чистой (полной) приватизацией, поскольку большая (если не основная) часть населения рассматривает такие активы как принадлежащие всему обществу в целом и желает видеть их в собственности государства» [5, С. 5-6]. ГЧП в связи с этим получает изначально компромиссный, консенсусный характер в системе взаимодействия государства и негосударственного сектора.

Следует также отметить существование критических оценок использования ГЧП в контексте реформ государственного управления. Одним из наиболее часто задаваемых в этой связи западными исследователями ГЧП вопросов является вопрос – каким образом правительство гарантирует демократическое участие и политический контроль, равно как и решает конституционные, социальные и экологические вопросы, когда частным организациям вверено предоставление публичных услуг? [14, С. 550] Оценивая реформы, связанные с внедрением ГЧП и проводимые в русле концепции «нового государственного менеджмента» в странах Запада, специалисты отмечают, что «государственный менеджмент не решил проблемы контроля за соответствием деятельности государства общественным нуждам и ценностям» [10, С. 74-75].

По словам А. Линхарда (Швейцария), «если частные организации привлечены к выполнению задач без необходимой демократической легитимации, фундаментальных правовых обязательств и политической ответственности, и если децентрализация, партнерские структуры и их второстепенный характер ведут к утрате компетенции и дефициту политического контроля, то налицо ситуация, когда оказываются затронуты ключевые основания демократического государства, и представительный характер государства подвергается опасности» [14, С. 548-549]. В этой связи, применительно к Швейцарии, автор называет также следующие риски: асимметричное распространение информации, оппортунистское поведение частных организаций, недостаток транспарентности, финансовые и иные риски, несовершенство контроля, недостаток демократического участия и ответственности [14, С. 549].

Бовард Т. (Великобритания) главной проблемой партнерского подхода к публичным вопросам называет то, что такой подход несет с собой фрагментацию структур и процессов, что, в свою очередь, ведет к умень-

шению (размыванию) ответственности и подотчетности. Существуют также другие причины, по которым партнерство представляется многим нежелательным. Персонал (служащие) боятся потерять свои места или получить худшие условия службы, когда партнерство станет ответственно за область их работы. Политики боятся утратить контроль над выработкой решений и ведомственным управлением. Наконец, пользователи услуг и граждане боятся стать объектами предпринимательского расчета, вместо этических установок публичной службы [13, С. 203-204].

Российские реалии также требуют грамотной оценки рисков внедрения механизмов ГЧП. По мнению специалистов Всемирного банка, некоторые мероприятия, включенные в программу реформ, могут встретить сопротивление со стороны чиновников и носят «очень деликатный характер». Заключение контрактов с внешними исполнителями (аутсорсинг), передача государственных функций неправительственным организациям, пересмотр сферы деятельности бюджетных организаций, внедрение практики заключения результативных контрактов – все это приведет, скорее всего, к появлению большого числа потенциальных «жертв» реформы, что может оказаться политически неприемлемым [4, С. 120].

Социально-политические риски широкого внедрения в России механизмов ГЧП обусловлены, в числе прочего, такими факторами, как значительные различия в понимании ГЧП, его принципов и форм органами власти, предпринимателями и экспертами; минимальная информированность населения о смысле и сферах применения ГЧП; недостаток опыта и культуры сотрудничества государства, бизнеса и некоммерческого сектора; негативное отношение части населения, политических сил и бюрократии к идее передачи в дальнейшем значительной части функций, исполняемых государственными органами на реализацию в негосударственный сектор, внедрения конкурентных начал в ранее монополизированные сферы и т.п., а также общее недоверие к негосударственным структурам.

Представляется, что решение названных проблем, наряду с интенсификацией законодательной деятельности по остающимся неурегулированным вопросам реализации ГЧП в России, будет способствовать повышению прозрачности нормативной базы и организационных механизмов ГЧП, снижению уровня экономических, социально-политических и правовых рисков как для государства и общества, так и для частных партнеров.

Список литературы:

1. Борзенко А.А. Гражданские ограничения железнодорожных предприятий. Часть вторая. Концессии железнодорожного права. Опыт сравнительно-законодательного исследования Александра Борзенко. – М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1883. – 300 с.

2. Варнавский В.Г. Процессы институциональной адаптации частно-государственного партнерства к реальной экономике очень сложны // Экономическая политика. – 2004. – 4 августа.

3. Джонстон Д. Международный нефтяной бизнес: Налоговые системы и соглашения о разделе продукции / Пер. с англ. – М.: ЗАО Олимп-Бизнес, 2000. – 352 с.

4. Институциональная реформа в России: переход от проектирования к реализации в условиях многоуровневой системы государственного управления. – М.: Издательство «Алекс», 2006. – 200 с.

5. Кондратьев В.Б. Концессия в экономике: страна, регион, город / В.Б. Кондратьев, В.Г. Варнавский; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2001. – 95 с.

6. Михеев В.А. Государственно-частное партнерство в реализации приоритетных национальных проектов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.c-society.ru/wind.php?ID=291211&soch=1>.

7. Налетов К.И. Еще раз о правовой природе концессионного соглашения // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 28-36.

8. Налетов К.И. О некоторых тенденциях исторического развития концессионных правоотношений в сфере недропользования // Аграрное и земельное право. – 2005. – № 11. – С. 100-113.

9. Сосна С.А. Концессионные соглашения: теория и практика. – М., Издательство Нестор Академик Паблишерс, 2002. – 256 с.

10. Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ административных реформ в западных странах // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2000. – № 1. – С. 54-77.

11. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.

12. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (в ред. Федерального закона от 30.06.2008 № 108-ФЗ) // СЗ РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3126.

13. Bovaird T. Public-private partnerships: from contested concepts to prevalent practice // International Review of Administrative Sciences. – 2004. – Vol. 70. – № 2. – P 199-215.

14. Lienhard A. Public Private Partnerships (PPPs) in Switzerland: experiences – risks – potentials // International Review of Administrative Sciences. – 2006. – Vol. 72. – № 4. – P. 547-563.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

© Иванова Н.Ю.¹

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Вопрос об определении и содержании термина «административная юстиция» возник в юридической науке еще в XIX веке [29, С. 4]. В 1914 году, когда дискуссия по данному вопросу продолжалась на страницах российских и зарубежных журналов уже несколько десятилетий, профессор А.И. Елистратов с сожалением констатировал, что многие еще не отдают себе ясного отчета в том, что такое административная юстиция [13, С. 712]. Но и до сих пор определение понятия административной юстиции остается одним из наиболее спорных вопросов современного административного права [28, С. 20]. Что такое административная юстиция? Немецкий государствовед Р. Гнейст, отмечая разнообразие определений, заметил, что «не легко найти хотя бы два, согласные в главных пунктах, воззрения на административную юстицию» [9, С. 269].

Именно поэтому многие исследователи данного вопроса за отправную точку своих рассуждений брали понятие законности управления и способы ее обеспечения: несомненно, отношения между государством (речь идет о правовом государстве) и подданными должны быть урегулированы законами, и в них администрация и должна искать правила для своей деятельности. Это начало неоднократно провозглашалось со стороны русского престола, признавалось законодательством, к осуществлению этого же принципа были направлены самые сокровенные помыслы, стремления и желания русского общества [10, С. 9].

Административным учреждениям и агентам власти во все времена принадлежали весьма существенные права в отношении частных лиц; администрация в различных целях (например, охраны порядка, спокойствия) может прибегать к разного рода принудительным мероприятиям, иногда весьма тяжело отражающимся на свободе и правах граждан. Такая деятельность администрации, проявляемая даже *bona fide*, может быть все же незаконной и нецелесообразной, может превышать законом установленную меру, или касаться не тех лиц, к которым должна быть применена [18, С. 164].

Одним из важнейших условий правильной государственной жизни признавалась возможность пользования частным лицом, принадлежащим

¹ Доцент кафедры Международного права, кандидат юридических наук

ему правом [21, С. 1]. Всякое право, частное или публичное должно необходимо иметь за собой достаточно сильную охрану в случае его нарушения с какой-нибудь стороны. В тех случаях, когда нарушения исходили от частных лиц, для разрешения споров о праве, восстановления нарушенного права существовали гражданские и уголовные суды. Но законно приобретенные права могут быть нарушены и органами государства, так как установление норм административного права регулирующих те или иные области публичных отношений, еще не исключает возможности для органов управления совершать неправомерные действия, нарушать права граждан [6, С. 5].

Выдающийся юрист XIX – начала XX столетия Н.М. Коркунов отмечал, что для того чтобы юридические нормы, определяющие деятельность государственных учреждений, не были лишены санкции, не были *leges imperfectae*, чтобы самое начало законности управления не получило бы на деле значения лишь доброго намерения, необходимо организовывать особые средства надзора за законностью управления [19, С. 451].

Во-первых, некоторое обеспечение законности управления давалось уже самим его устройством, то есть правильною организацией администрации вообще. Так, если от должностного лица административного ведомства требуется образование и в особенности специальная юридическая подготовка, то это предохраняет управление от таких нарушений закона, которые обязаны темноте и неосведомленности чиновника [14, С. 51]. Необходимо было создать и подходящий административный механизм, так, например, коллегиальное начало в управлении, предупреждает нарушения закона, происходящих от поведения или злой воли отдельного лица.

Во-вторых, мерами, обеспечивающими согласие административных распоряжений с законами. Под этими мерами понимается организация многостороннего контроля за соблюдением законности: чтобы обеспечить правомерность управления, необходимо создать и систему действительного контроля над ним [26, С. 2]. Контроль в сфере государственного управления – один из важнейших инструментов регуляции административной деятельности, призванных обеспечить ее законность, эффективность и соответствие общественно значимым целям.

Понятие «контроль» происходит из старофранцузского языка – проверка определенного положения вещей двойным оформлением документов. В английском языке слово *control* наряду с первоначальным значением «проверка и верификация» получило более широкое – «руководить, приказывать» [17, С. 8]. Немецкий и русский языки эти смысловые изменения не восприняли. Контроль рассматривается как проверка или наблюдение в целях проверки или надзора.

Административный контроль заключается в наблюдении за способами выполнения административными учреждениями и должностными ли-

цами своих функций, а также в устранении и исправлении в их действиях и актах того, что является противозаконным и свидетельствует о низком качестве управления.

Гаген В.А., профессор Варшавского университета, выражая мнение большинства административистов того времени, определял административный контроль, как право высшей власти пересмотра решений низшего органа по соображениям незаконности и неудобства [7, С. 53]. Применялся этот контроль в различных формах: постоянный, отчетности, ревизии. В российском законодательстве отчетность низших чиновников перед высшими и высших перед государем была поставлена весьма широко [15, С. 299]. Ревизии и постоянный административный контроль существовали двух видов – внутренние и внешние. Внешней являлась ревизия, производимая лицами не причастными к данному ведомству; в конце XIX – начале XX века это были сенаторы, назначаемыми для этой цели по особым Высочайшим повелениям. Но, ревизии эти производились обыкновенно через столь продолжительные периоды времени, что беспорядок, неправда и хищения, пресеченные одною ревизией, успевали окрепнуть и созреть к новой ревизии [32, С. 171-239]. Внешний контроль после упразднения в 60-х годах XIX века губернской прокуратуры осуществлялся в финансовом управлении и в отношении органов самоуправления. Финансовый контроль осуществлялся особыми учреждениями государственного контроля, местными органами этого контроля являлись контрольные палаты [14, С. 53]. Признавая большое значение иерархического надзора высших органов над низшими для порядка в управлении, русские правоведы, тем не менее, единодушно отмечали, что административные органы не обладают ни надлежащей организацией, ни юридическим авторитетом, чтобы решать споры о правомерности действий администрации. Органы надзора бессильны пронизать снизу доверху все этажи административной организации [16, С. 15].

Наконец, есть еще парламентский контроль, когда лицо, считающее свои права нарушенными, может прибегать к законодательным собраниям, которые могут воздействовать на администрацию различными средствами, имеющимися в их распоряжении [3, С. 16]. Но это контроль по преимуществу политический, его сфера министерское управление и главное орудие – министерская ответственность; глубоко проникать во все сферы подчиненного управления и восстанавливать нарушенные администрацией права в каждом отдельном случае он не может и не призван по существу. Тем более что использование такого контроля по любому, даже мелкому поводу, неудобно и нецелесообразно.

В эпоху перехода западно-европейских государств к конституционной форме правления гарантии публичных прав усматривались главным образом в определенной организации верховной власти, в народном предста-

вительстве, в их возможности воздействовать на короля и министров: отказ в утверждении бюджета, предание министров суду и т.п. Однако, постепенно приходило убеждение, что это средства слишком сильные, для повседневного употребления непригодные, а между тем нарушения прав граждан действиями администрации встречались на каждом шагу.

Говоря об отсутствии действенности этого контроля в условиях российских реалий, С.П. Покровский указывал на необходимость реорганизация устаревшей формальной ответственности министерской власти, что потребовало бы неосуществимых на тот момент изменений в среде высших государственных учреждений [27, С. 418].

Такие известные русские административисты конца XIX – начала XX века, как И.Т. Тарасов, А.И. Елистратов выделяли в теории еще один вид контроля за деятельностью публичной администрации: принцип закономерного повиновения. В некоторой мере способом обеспечения законности является то обстоятельство, что по общему правилу, следует всем и каждому подчиняться только законным требованиям власти. Между государством и гражданином может возникнуть спор о применении закона – гражданин отказывается повиноваться распоряжениям считая себя *вправе*, не соглашаясь следовать, в положительном или отрицательном направлении, известному образу действия [24, С. 58-59].

Принцип закономерного повиновения обеспечивался тем, что уголовная ответственность устанавливалась только за неисполнение законных требований правительственной власти. Ст.29 Устава о наказаниях угрожала денежным взысканием до 50 рублей за неисполнение *законных* распоряжений, требований или постановлений правительства и полицейской власти, а равно земских и общественных управлений. Гражданин даже не должен был доказывать незаконность предъявляемого ему требования; обвинитель должен был предоставить доказательство его законности [14, С. 54].

К сожалению, это, на первый взгляд, сильное средство для обеспечения законности, на деле оказывалось весьма ограниченным. В то время большая часть российского общества еще не была проникнута идеей законности, население сильно зависело от администрации [22, С. 80], не всегда могло разобраться в том, что законно, а что нет; и, отказываясь исполнять распоряжение в виду сомнения в его закономерности, рисковало поплатиться штрафом. Таким образом, граждане не часто прибегали к этому способу, тем более, что помимо выше указанных причин, предъявляемые требования во многих случаях должны были приводиться в исполнение без предварительного разбора дела, и лицо, препятствующее исполнению рисковало еще ответить за сопротивление власти.

Во взаимных отношениях органов власти начало закономерного повиновения проявлялось в праве предоставлений. Эта мера, обеспечивающая согласие административных распоряжений с законами заключалась в

праве и обязанности органов администрации, в случае получения ими незаконных распоряжений, делать по поводу таких распоряжений представления тем лицам или учреждениям, от которых получены эти распоряжения [33, С. 32].

В Европе эта теория ремонстрации была распространена в начале XIX века. В российском праве начала XX века еще сохранялось ее влияние: если в предписании министра начальство ему подчиненное усматривало отмену закона, то оно обязано было, не исполняя предписания, представить об этом министру. Профессор Н.И. Лазаревский подверг эту теорию жесткой критике. С одной стороны проверка законности каждого распоряжения вышестоящего начальства не помогает, а вредит делу управления, замедляя его и подрывая авторитет власти. С другой стороны, даже если поступившее указание очевидно нарушает закон, но получает вторичное подтверждение, выполнение его все равно необходимо – и указанная мера не достигает поставленной цели [23, С. 2041].

В Европе на смену теории ремонстрации пришла теория формальной правильности приказа. Приказ подлежит обязательному выполнению, при наличии трех условий:

1. Приказ состоялся в установленной форме;
2. Давший приказ является компетентным на то властью;
3. Получивший приказ имеет право совершить указанное действие.

Эта теория находит большую поддержку у Н.И. Лазаревского, но, тем не менее, он не спорит с мнением немецкого юриста О. Майера, который выступает против нее, утверждая, что это мало измененная теория ремонстрации: та же проверка, но по пределам компетенции [23, С. 2048].

В тесной связи с вышеуказанными видами защиты права в области управления стоит право граждан, испытывающих неправильное вторжение в сферу своих прав и интересов, обращаться к высшим органам администрации с жалобами на действия и распоряжения низших. Этот путь не только открывал возможность обжалования действий подчиненного административного органа с точки зрения их противоречия праву, но и являлся вместе с тем средством защиты чисто фактических интересов частных лиц против администрации [2, С. 75]. Право жалобы в России было поставлено весьма широко, ведь во многих случаях граждане для защиты своих прав и своей неприкосновенности не имели других средств, кроме подачи жалоб по начальству. Например, на низших полицейских служителей можно было жаловаться исправнику или начальнику местной полиции. На распоряжения исправника или уездного полицейского управления губернатору или губернскому правлению, если полицейское управление действовало по повелению высшего начальства, можно обратиться с жалобой непосредственно в то место, от которого последовало это повеление и пр. Как, однако, ни широко предоставлена была гражданам возмож-

ность обжаловать незаконные распоряжения власти по начальству, этим способом еще не обеспечивалась в должной мере законность управления: жалобщик не имел возможности поддержать свои доводы при рассмотрении жалоб. С другой стороны, во многих случаях представление жалоб по начальству могло оказываться недостаточным, неудобным или нежелательным: обжалуемые действия могли нередко иметь своим основанием распоряжения самого начальства [11, С. 87]. И, наконец, население, по своей зависимости от администрации, в большинстве случаев было лишено фактической возможности обжаловать ее незаконные действия, и, таким образом, исправление допущенных неправильностей зачастую было возможно лишь, если начальство само случайно их откроет и пожелает исправить [22, С. 80].

Остается контроль судебный. Для устранения существующих недостатков необходимо было предоставить заинтересованным лицам, наряду с обжалованием действий высшему начальству, возможность обратиться за разрешением спора о законности действий того или другого представителя ее к власти судебной. Эту форму контроля, юристы того времени единодушно признавали, как наиболее целесообразную и самую действенную [См.: 30, 3, 8 и др.].

«Принадлежащее субъекту административное право личной свободы, – говорит А. Дэйси, – не что иное, как право его на то, чтобы Икс не напал на него, не арестовал его или (это право его в случае нападения со стороны Икса) возможность обращения к суду для защиты своего права» [1, С. 267]. Кулишер Е.М. определяет судебную защиту, как возможность добиваться в судебном порядке исполнения лежащей на государстве и органах его в отношении гражданина обязанности или устранения противозаконного вмешательства, возможность отыскивать по суду убытки за противозаконное бездействие и, при противозаконном действии власти, возможность возбуждать уголовное преследование против должностного лица, виновного в преступном бездействии или деянии, и обвинять его перед судом [20, С. 10]. Всякое лицо, потерпевшее от незаконных актов администрации, обратившись к суду может защитить свое право, доказав его перед компетентным, доступным и надлежаще организованным органом правосудия [26, С. 7].

Однако, признавая целесообразность данного способа, ученые-правоведы также признавали, основываясь на практике всех государств в области деятельности администрации, независимо от явных, прямых и сознательных правонарушений и уклонений от служебного порядка, всегда возможны такие действия, которые не подлежат компетенции суда или дисциплинарной власти начальства и, тем не менее, ими могут быть существенно нарушены законные права и интересы граждане может быть систематически искажаем закон до такой степени, что от него не останется даже и подобия [33, С. 33].

Следовательно, если права частных лиц нарушены при добросовестной деятельности администрации, то есть, когда эта деятельность со стороны самих органов администрации считалась, хотя может быть и ошибочно, законной, применение данного способа невозможно. Очевидно, что для защиты прав и интересов граждан в отношении к администрации и для обеспечения закономерности в управлении одной судебной и дисциплинарной ответственности органов администрации недостаточно [31, С. 360]. Но и в этом случае граждане не должны быть лишены законной защиты.

Не всякое нарушение права со стороны администрации является преступлением. Так, неправильное включение кого-либо в избирательные списки, или неправильный отказ включить в них кого-либо не всегда является злостным; он может проистекать из неправильного толкования закона, в чем нет состава преступления, что не может дать повода для возбуждения уголовного процесса. Тут нет и нарушения, чьих бы то ни было имущественных интересов, а, следовательно, и повода для предъявления гражданского иска, между тем, нарушенное право нуждается в восстановлении. Возможна, конечно, жалоба по начальству, но на него трудно положиться. Возможен запрос в парламент, но прибегать к таким средствам в повседневной жизни – трудно, между тем коллизии между администрацией и гражданином случаются постоянно [4, С. 432].

Возникает вопрос о том, какой путь должен быть предоставлен потерпевшим в этом случае; кто должен решить вопрос о законности или незаконности деятельности администрации [18, С. 165]; вопрос о создании таких условий и учреждений, которые имели бы целью предупреждение и пресечение таких административных действий.

Отвечая на этот вопрос, русские ученые были единодушны и признавали самой действенной формой контроля за законностью управления институт административной юстиции [См.: 25, 12, 5 и др.].

Список литературы:

1. Dicey A.V. Introduction to the study of the law of the constitution. London, 1897.
2. Аншютц Г. Юстиция и администрация // ЖМЮ. – 1907. – № 6.
3. Берендтс Э.Н. Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского. – СПб., 1910.
4. Водовозов В. Административная юстиция // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е издание.
5. Вступительная лекция, читанная и.д.экстра-ординарного профессора государственного и административного права Э.Н. Берендтсом. – Ярославль, 1891.
6. Гаген В.А. Административная юстиция. – Ростов-н/Д., 1916.

7. Гаген В.А. Очерки по истории Сената в XIX столетии. – СПб., 1911.
8. Гессен В.М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901-1902 годах в Александровской Военно-юридической Академии. – СПб., 1902.
9. Гнейст Р. Правовое государство и административные суды Германии. – СПб., 1896.
10. Горбунов А. Законность управления и ее необходимые условия // Право. – 1905. – № 1.
11. Дерюжинский В.Ф. Административные суды в государствах Западной Европы // Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 6.
12. Диспут барона С.А. Корфа в Юрьевском университете // Право. – 1911. – № 3.
13. Диспут С.П. Покровского в московском университете // Право. – 1914. – № 9.
14. Елистратов А.И. Административное право. – М., 1911.
15. Елистратов А.И. Основные начала административного права. – М., 1914.
16. Загряцков М.Д. Административная юстиция и право жалобы. – М., 1925.
17. Зеленцов А.Б. Контроль за деятельностью исполнительной власти в зарубежных странах. – М., 2002.
18. Ивановский В.В. Учебник административного права. – Казань, 1907.
19. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. – СПб., 1897.
20. Кулишер Е.М. Судебное преследование должностных лиц. – М., 1907.
21. Куплеваский Н.О. Мнения французских и немецких писателей по вопросу об административных судах. Б.м., 1877.
22. Лазаревский Н.И. Законность и пределы ее осуществимости // Право. – 1905. – № 2.
23. Лазаревский Н.И. Пределы обязательности приказа начальства // Право. – 1904. – № 13.
24. Моль Р. Наука полиции по началам юридического государства. – СПб., 1871.
25. Палибин М.Н. Повторительный курс полицейского права. – СПб., 1898.
26. Палиенко Н.И. Сущность административной юстиции и основные черты ее организации в европейских государствах. – Киев, 1898.
27. Покровский С.П. Министерская власть в России. – Ярославль, 1906.
28. Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России. – СПб., 2000.

29. Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в РФ. – М., 2001.
30. Тарасов И.Т. Административная юстиция // Земство. – 1882. – № 8, № 15, № 18.
31. Тарасов И.Т. Краткий очерк науки административного права. – Ярославль, 1888.
32. Тарасов И.Т. Лекции по полицейскому праву. Т. 2. – М., 1910.
33. Тарасов И.Т. Организация административной юстиции // Юридический вестник. – 1887. – № 9.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

© Лавыгина И.В.¹

Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск

Статья посвящена рассмотрению вопроса истории становления уголовного законодательства России об экологических преступлениях. На основе проведенного исследования предлагается авторский вариант выделения этапов формирования отечественного уголовного закона в сфере охраны природы.

Решение проблемы уголовно-правовой охраны природной среды требует, прежде всего, анализа развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере, условий его формирования. Действительно, применение метода исторического анализа дает возможность всесторонне исследовать обозначенную проблему, выявить истинную сущность указанного института, определить пути дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в данной сфере.

Необходимо отметить достаточно интересную особенность подхода к рассмотрению истории отечественного уголовного законодательства в сфере охраны природы, которая сложилась в современной научной литературе. Можно выделить два варианта рассмотрения обозначенного вопроса: первый – когда исследованию подвергается только послереволюционный период, и второй вариант, предполагающий целостное исследование.

Ученые, которые используют первый вариант, достаточно подробно рассматривают законодательство обозначенного периода, отмечая его плюсы и минусы. Однако в этом случае обращает на себя внимание ограниченность данного исследования рамками фактически одного столетия. Представляется, что ориентация на столь мизерный (в рамках истории государства) временной период не позволяет в полной мере решить поставленные задачи по выявлению тенденций формирования законодательства, перспектив его развития.

Второй вариант изучения поставленного вопроса, несомненно, представляет больший интерес, хотя бы в силу полноты изыскания. Но и в этом случае не все благополучно. Бросается в глаза однотипность изучения законодательства в указанной сфере и однобокость полученных выводов. Дело в том, что авторы этих работ рассматривают уголовное зако-

¹ Доцент, кандидат юридических наук, доцент

нодательство в указанной сфере до 1917 года очень кратко и поверхностно, основной упор делая все же на 20-21 век (в лучшем случае одна страница работы посвящается законодательству дореволюционного периода). Назвать такое исследование полным и всесторонним, наверное, некорректно. Обращает на себя внимание одна фраза, кочующая из одной работы в другую. «В качестве объекта уголовно-правовой охраны окружающая природная среда выступает в России с 19 века» [1, С. 76; 5, С. 26; 7, С. 15; 11, С. 624].

Представляется, что данный вывод, несмотря на свою распространенность, носит условный характер. Ведь не секрет, что и до 19 века отдельные виды преступлений в сфере охраны природы были представлены в действовавшем тогда законодательстве. Может быть, несколько смущает количественная составляющая данных норм? Думается, что в данном случае качеству должна быть отдана пальма первенства. Именно эти нормы легли в основу, стали базой для развития и совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере. Кроме того, о несостоятельности представленного вывода свидетельствует и отсутствие единой концептуальной основы в суждениях некоторых авторов, т.е. возникает ситуация, когда ученый, отстаивая обозначенную позицию, опровергает сам себя.

Так Е.Г. Клетнева, рассматривая вопрос об «историчности экологической преступности», в первом предложении указанного параграфа убежденно заявляет: «Правовое регулирование охраны окружающей среды имеет древнюю историю» [5, С. 26]. Далее следуют факты, которые, по мнению автора данной работы, подтверждают этот вывод. Однако второй абзац этого труда начинается с популярного изречения относительно того, что только к 19 веку экологические интересы в России сложились в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Таким образом, возникает противоречие. Если нормы, которые можно отнести к разряду экологических, появились до 19 века, то второе предложение не имеет право на существование. Если же указанные нормы появились только в 19 веке, то о древней истории регулирования этих отношений говорить не приходится.

Представляется, что анализ уголовного законодательства об экологических преступлениях целесообразно произвести через выделение определенных этапов его развития. Именно такой способ рассмотрения истории формирования закона позволяет в полной мере выявить условия и тенденции его становления.

Первым этапом формирования «уголовного» законодательства в сфере охраны природы является период с начала становления государственности на Руси и до середины 19 века. На этом этапе уголовное законодательство в современном представлении еще не сформировалось, поэтому слово уголовное взято в кавычки. В этот достаточно длительный период времени происходит зарождение права как такового, тем не менее, ис-

пользуя современные способы толкования права, можно выделить нормы уголовно-правового характера, направленные, в той или иной мере, на охрану природы. Действительно, уже на страницах «Русской правды» обращалось внимание на такие действия, как потрава луговых трав и посевов, незаконная охота и др. [10, С. 9]. Несомненно, на данном этапе объекты природы охранялись в рамках защиты частной собственности. В частности, в Соборном Уложении 1649г. предусматривалась ответственность за уничтожение или повреждение леса пожаром, за порубку леса в помещичьих и вотчинных угодьях (гл. 10 Уложения).

Охрана природы здесь как самостоятельная задача еще не сформировалась. Защита природной среды второстепенна, она опосредованно вытекает из реализации главной задачи – защиты собственности. Таким образом, можно смело заявлять о приоритете экономических интересов над экологическими. Необходимо отметить, что указанная тенденция сохраняется в том или ином виде вплоть до последнего периода развития уголовного законодательства в сфере охраны природы. Даже в настоящее время при всех плюсах действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) по обеспечению благоприятной природной среды, некоторые отголоски указанного подхода не утратили своей актуальности.

В этой связи хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость этого этапа для выявления тенденций развития уголовного законодательства об экологических преступлениях и недопустимости его игнорирования. Значительная часть современных проблем охраны природы, тип взаимоотношения человека и природы заложены были именно в этот период.

Второй этап становления Российского уголовного законодательства в сфере охраны природы включает в себя период с середины 19 века до 1917 года.

Первый законодательный акт в рамках обозначенного периода, который значительно видоизменяет подход к решению вопроса о природопользовании – это Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. Прежде всего, обращает на себя внимание значительное количество норм, затрагивающих охрану природы. Кроме того, можно говорить о формировании тенденции учета особенностей природного объекта, взятого под охрану, в связи с чем наблюдается раздельное правовое регулирование охраны вод, земли, леса, воздуха и т.д. Систематизации норм экологической направленности еще не наблюдается, в связи с чем они располагаются в разных разделах и главах Уложения. Так, вопросы природопользования в той или иной мере регулируются нормами, расположенными в главах «О нарушении уставов о казенных лесах», «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие», «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия», «О нарушении правил осторожности от пожаров», «О нарушении правил

для охранения чистоты воздуха и безвредности воды, а также безвредности съестных припасов» и др.

Не взирая на то, что указанные нормы, прежде всего, были направлены на защиту интересов собственника и относились к уголовным проступкам и так называемым «маловажным преступлениям», они вносили значимый вклад в формирование и укрепление принципов природопользования. Конечно, сохраняется приоритет экономических интересов над экологическими. Однако можно говорить о зарождении нового направления взаимоотношения человека и природы, где сохранение благоприятной окружающей среды – это важная задача. Необходимо подчеркнуть, что обозначенное направление здесь только начинает свое формирование (образно говоря – это стадия, когда зернышко опускают в почву). Так, появляются положения, ограничивающие право собственника в связи с признанием объектов природы общечеловеческими ценностями. Например, согласно ст. 863 Уложения противозаконными признаются действия того, кто «построит признанные по закону вредными для чистоты воздуха или воды фабрику, мануфактуру или завод в городе, или хотя бы и вне города, но выше оного по течению реки или протока». Сюда также можно отнести положения, запрещающие самовольное создание рыбных заводов, принятие должностными лицами мер по прекращению охоты и звериной и птичьей ловли в запрещенное время и в запрещенных местах, выброс в воду ядовитых или сильнодействующих вредных веществ с намерением лишить кого-либо жизни и т.д. [12].

В рамках обозначенного периода интерес представляет «Проект общих правил рыболовства и рыбоводства» 1884 г. Данный акт устанавливал заповедные зоны во всех водоемах, устьях рек, приустьевых пространствах морей. Примечательно, что эти воды вообще изымались из частного пользования и любые хозяйственные работы там запрещались. Запрещалось также травить и глушить там рыбу, сбрасывать грязные воды, сваливать навоз и нечистоты в овраги, направленные в реки. Устанавливался размер дозволенных к промыслу рыб [8, С. 169].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. особого интереса не представляет, так как фактически воспроизводит, с той или иной степенью точности, положения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Таким образом, говорить о том, что данный акт оказал какое-нибудь существенное влияние на формирование законодательства в рассматриваемой сфере, не приходится.

Известно, что Уголовное Уложение 1903 г. до конца не вступило в действие. Однако, изучение этого закона целесообразно в связи с тем, что в нем отображаются основные направления развития законодательной мысли рассматриваемого периода, своеобразное подведение итогов. Преступления и проступки, которые условно можно отнести к экологическим,

предусматривались, в основном, гл. 9-11. Совершенно справедливо отмечена особенность данного акта в части отождествления проблем уголовно-правовой охраны иных объектов, таких, как собственности, общественной и личной безопасности, интересов государственной и общественной службы. В связи с этим объясняется наличие сходных статей, содержащихся в различных главах. Например, самовольная рыбная ловля, охота, порубка леса рассматривались как отдельные преступления, размещенные в главе «О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние», и как подвид такого преступления как пользование чужим имуществом [7, С. 17].

Указанный нормативно-правовой акт характеризуется тем, что содержит значительное количество норм, криминализирующих определенные деяния, причиняющие вред природной среде, что свидетельствует об усилении внимания законодателя к вопросам рационального природопользования. Так, предусмотрена ответственность владельца местности за нарушение на ней правил охоты, рыбной ловли, лесопользования.

Таким образом, второй этап формирования отечественного уголовного законодательства в сфере охраны природной среды характеризуется большим количеством норм, затрагивающих охрану природы; формированием тенденции раздельного правового регулирования отдельных природных объектов; отсутствием систематизации указанных положений; зарождением нового подхода к природопользованию в части признания объектов природы общечеловеческими ценностями. Заканчивается этот этап, в связи с изменением политического курса страны, после Октябрьской революции 1917 г. изменением подхода к охране природы.

Третий этап развития уголовного законодательства в сфере охраны природной среды – это период с 1917 г. до 1960 г.

Достаточно распространенной точкой зрения является то, что первым государственным актом по охране природной среды в СССР стал Декрет «О земле» от 08.11.1917 г., принятый на Втором Съезде Советов, заложивший основы природопользования в стране [4, С. 28]. Думается, что с этим выводом можно согласиться. Несмотря на то, что земля рассматривалась здесь как конфискуемое имущество, запрещалась ее порча. Действительно, в сферу правовой охраны советского государства в первую очередь попали те природные ресурсы, которые в период гражданской войны и разрухи стали объектом интенсивного разграбления. Таким образом, новое государство прежде всего стремилось защитить свои государственно-экономические интересы. Однако, вариант, когда природа охраняется опосредованно за счет реализации первостепенных задач, не является новым. Наоборот – это классический вариант, апробированный еще на первом этапе формирования законодательства в рассматриваемой сфере и ставший популярным.

Для защиты лесов в 1917 г. был принят Декрет, объявивший преступными рубки леса без надлежащего разрешения. Уголовная ответственность за неправомерное использование животного мира была отражена в Декрете СНК «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» и Декрете «Об охоте». А в 1920 г. Советом Труда и обороны было принято постановление «О борьбе с лесными пожарами», устанавливающее Суд военного трибунала для лиц, вызвавших лесной пожар.

Необходимо отметить, что общественная опасность деяний в первые годы становления советского государства определялась значимостью для государства отношений правомочия на пользование природными ресурсами. Поэтому, в целом следует согласиться, что уголовная природоохранительная политика того времени была слабее, она, по сути, явилась шагом назад по сравнению с дореволюционной [4, С. 30].

УК РСФСР 1922 г. является ярким примером, отражающим примитивность подхода к охране природы. Дело в том, что общественные отношения по охране природной среды не признаются самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. Эти отношения в лучшем случае можно рассматривать только в рамках факультативного объекта. В связи с указанным обстоятельством оправдана дискуссия ученых по поводу отнесения к числу экологических того или иного состава преступления.

Так, Н.А. Лопашенко считает, что составы экологических преступлений расположены в двух статьях – ст. 99 и 216 УК РСФСР 1922 г. [7, С. 18]. Новоселов Г.П. утверждает, что можно выделить два состава преступлений рассматриваемого вида [11, С. 626]. Жевлаков Э.Н. к обозначенному виду преступлений относит ст. 99, 99-а, 136 и 197 УК РСФСР 1922 г. [4, С. 32-33].

Представляется, что к числу норм УК РСФСР 1922 г., связанных с охраной природы, можно отнести следующие статьи: статья 99 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за несоблюдение соответствующих законов и постановлений, принятых в целях сбережения лесов; за охоту в недозволенном месте, в недозволенное время, недозволенными орудиями, способами и приемами; и за разработку недр с нарушением установленных правил. Это также введенная в УК РСФСР в 1925 г. статья 99-а, устанавливающая ответственность за незаконное занятие рыбным, звериным и иным водным добывающим промыслом в морях, реках и озерах, имеющих общегосударственное значение. С 1926 г. указанная статья дополнилась частью второй, предусматривающей ответственность за производство незаконного промысла котиков и морских бобров. Статья 216 УК РСФСР, обязывающая извещать надлежащие власти о случаях заразных болезней или падежа скота. Кроме того, ст. 136 УК РСФСР в части ответственности за самовольный лов рыбы в районах государственной монополии; и статья 197 УК РСФСР в части ответственности за лесные пожары и истребление рыбы путем отравления воды.

Думается, что УК РСФСР 1926 г не внес существенных изменений в развитие уголовного законодательства в сфере охраны природы. Фактически этот нормативно-правовой акт воспроизводил составы преступлений в рассматриваемой сфере, закрепленные в УК РСФСР 1922 г. В науке не вызывает особых дискуссий, что к преступлениям в сфере охраны природной среды относятся следующие составы. Это ст. 85 УК РСФСР, предусматривающая охрану лесов от хищения и истребления; ст. 86 УК РСФСР, устанавливающая ответственность за производство водного, звериного и других водных добывающих промыслов; а также производство промысла котиков и морских бобров; ст. 87 УК РСФСР направленная на охрану недр. Примечательно, что за период действия данного УК (практически 35 лет) эти статьи неоднократно подвергались изменению. Но изменения в основном касались усиления ответственности, а не признаков преступления.

В целом, третий этап формирования уголовного законодательства в сфере охраны природы – это регресс. Наблюдается утрата достижений второго периода. Фактически можно говорить о возврате на позиции первого этапа становления законодательства в рассматриваемой сфере. Действительно, малая количественная составляющая рассматриваемых норм, безусловный приоритет государственно-экономических интересов над отношениями, непосредственно направленными на охрану природы, свидетельствует о низком уровне развития законодательной мысли в данной сфере.

Четвертый этап развития отечественного уголовного законодательства в сфере охраны природной среды связан с принятием УК РСФСР 1960 г. и охватывает собой период с 1960 г. по 1996 г.

Необходимо отметить, что в УК РСФСР 1960 г. был значительно расширен круг норм об охране природы. Но, в связи с тем, что эти нормы не были систематизированы, а располагались в разных главах УК РСФСР, в науке не было однозначного решения вопроса о том, какие нормы отнести к нормам в сфере охраны природы. Одни ученые к нормам в сфере охраны природы относили 11 составов [9, С. 18], другие 12 норм [3, С. 11], третьи 13 [6, С. 22], некоторые пошли еще дальше и указывали на 22 статьи, предусматривающие ответственность за экологические преступления, [2, С. 33-41] и т.д.

Большинство норм, предусматривающих ответственность за посягательство на природную среду, в основном были сосредоточены в гл. 6 УК РСФСР 1960 г. «Хозяйственные преступления». Отдельные нормы, которые можно отнести к рассматриваемому виду, располагались в разделах УК РСФСР о преступлениях против собственности и преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Представляется, что к преступлениям в сфере охраны природы в соответствии с УК РСФСР 1960 г. относятся следующие – ст. 149 «умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан», ст. 150 «неосторожное уничтожение или повреждение личного имущества граждан», ст. 168 «умышленная порубка посевов и повреждение полезащитных и иных насаждений», ст. 169 «незаконная порубка леса», ст. 163 «незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами», ст. 164 «незаконный промысел котиков и бобров», ст. 165 «производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов», ст. 166 «незаконная охота», ст. 223 «загрязнение водоемов и воздуха», ст. 223 «загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами», ст. 230 «умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры».

В целом, в указанный период законодатель, образно говоря, фактически возвращается на позиции второго этапа. Основное назначение рассматриваемого этапа заключается в том, что преодолен кризис в уголовном законодательстве в сфере охраны природы. Действительно, в УК РСФСР 1960 г. в рассматриваемой сфере можно отметить: большое количество норм, затрагивающих охрану природы (в сравнении с предыдущим периодом); закрепление тенденции раздельного правового регулирования отдельных природных объектов; отсутствие систематизации норм, направленных на охрану природы; бесспорный приоритет экономических интересов над экологическими (опосредованная защита природы); отсутствие самостоятельности объекта уголовно-правовой охраны природы – общественные отношения, направленные на охрану природной среды, рассматриваются только как факультативный объект.

Пятый этап формирования отечественного уголовного законодательства об экологических преступлениях – это период с 1996 г. по настоящее время.

Указанный период ознаменован принятием Уголовного кодекса РФ, который впервые выделил гл. 26 «Экологические преступления», где объединены 17 статей, предусматривающие ответственность за преступления в сфере природной среды. УК РФ 1996 года – это первый шаг к формированию единого уголовного законодательства в сфере охраны природной среды. Путем толкования действующего уголовного закона можно прийти к выводу, что законодатель охрану природы рассматривает как единое направление уголовной политики. Это заключение базируется на положениях ст. 2 УК РФ, где охрана окружающей среды закреплена как одна из задач уголовного права, и выделении отдельной главы в Уголовном кодексе, посвященной регулированию данной проблемы.

Необходимо отметить, что, данный закон закрепил абсолютно новые статьи, предусматривающие ответственность за деяния, причиняющие существенный вред природной среде в целом (ст. 246, 247 УК РФ), отдельным ее компонентам (ст. 252, 254, 259, 262 УК РФ). Таким образом, можно говорить о более детальном регулировании природоохранной деятельности в настоящее время. Тем не менее, в настоящее время можно отметить достаточно низкий процент раскрываемости данных преступлений и низкий уровень использования уголовно-правовых форм защиты природной среды, содержащихся в действующем Уголовном кодексе (когда из 17 норм, предусматривающих ответственность за совершение экологических преступлений, практически действующими являются только четыре). Среди множества факторов, провоцирующих указанную ситуацию, можно отметить несовершенство действующего уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Вообще, отголоски недостатков предыдущего Уголовного кодекса достаточно активно проявляются в действующем законе, в частности, в отношении систематизации экологических преступлений. По сей день в науке идут оживленные дискуссии по вопросу, можно ли считать экологическим то или иное преступление, связанное с посягательством на отдельные элементы природы. Кроме того, достаточно актуальным, к сожалению, остается приоритет экономических интересов. В настоящий момент этот подход несколько завуалирован, но именно он лежит в основе оценки степени общественной опасности экологических преступлений.

Таким образом, именно на последнем этапе развития уголовного законодательства в рассматриваемой сфере можно говорить о значительном прогрессе в указанной области. Тем не менее, уголовное законодательство в сфере охраны природы в настоящее время находится лишь в стадии формирования, оно еще окончательно не избавилось от исторически обусловленных недостатков.

Схематично этапы формирования отечественного уголовного законодательства в сфере охраны природы отображены на рис. 1.

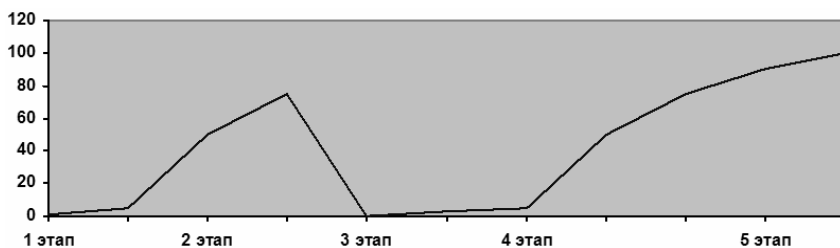

Рис. 1. Этапы формирования отечественного уголовного законодательства в сфере охраны природы

Подводя итог, можно отметить, что отечественное уголовное законодательство об экологических преступлениях прошло пять этапов своего формирования. Только два последних этапа свидетельствуют об усилении внимания со стороны законодателя к вопросам охраны природы уголовно-правовыми методами. Недостатки действующего закона в рассматриваемой сфере имеют исторические корни. Однако с уверенностью можно констатировать, что с 1960 г. уголовный закон в сфере природоохранной деятельности стоит на пути прогрессивного развития.

Список литературы:

1. Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности: дис... д.ю.н. – Ставрополь, 2001.
2. Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Изд-во «Спарк», 1998.
3. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления и экологическая преступность: Учебное пособие. – М.: Белые альвы, 1996.
4. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: дис. ... д.ю.н. – М., 1991.
5. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: дис. ... к.ю.н. – Казань, 2007.
6. Копылов М.Н. Юридическая ответственность за экологические преступления: Учебное пособие. – М.: Изд. РУДН. 2004.
7. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.
8. Рахилин В.К. Общество и живая природа. – М.: Наука, 1989.
9. Романова Н.Л. Понятие и система экологических преступлений: дис. ... к.ю.н. – Иркутск, 2001.
10. Тангиев Б.Б. Криминология экологической преступности (криминологический, уголовно-правовой анализ). Монография. – СПб.: ГоеГраф, 2004.
11. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М., 2001.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в ред. 1885 г. // Свод законов Российской империи. – 1914. – Т. XIII-XV.

ВЛИЯНИЕ «ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА» НА ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО

© Лагунов Е.В.¹

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В настоящей статье рассматриваются социальные, социально-психологические, пенитенциарные особенности изоляционного воздействия и его результаты.

Отдельные меры уголовно-правового характера, затрагивающие наиболее важные конституционные права: свободу передвижения, свободу выбора места жительства, право на самореализацию, право на труд и другие – не утратили своей актуальности как средство борьбы с преступностью и иными правонарушениями. Между тем, наиболее строгие из них, связанные с изоляцией от общества, остаются основным средством реагирования на общественно опасные деяния.

Изоляция в переводе с французского означает «обособление», «отделение кого-либо или чего-либо», «лишение связи с окружающей средой» [14, С. 189]. Ее синонимами являются такие термины как «закрытый», «замкнутый», «социальная депривация». Под последней принято понимать нарушение связей индивида или группы индивидов с обществом [8, С. 60].

В самом общем виде «изоляция от общества» можно определить как «обособление, уединение индивидов или социальных групп (преступников, больных, «нежелательных групп»), характеризующееся минимумом социальных контактов и максимумом социальной дистанции по отношению к другим членам общества, способное привести к нарушениям нормальной психической жизни» [15, С. 96]; либо как «социальное явление, при котором происходит отстранение индивида или социальной группы от других индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимодействий» [17, С. 328].

Изоляция представляет собой структурный процесс, охватывающий несколько состояний: а) ограничения возможностей самореализации, вызванных материально-ресурсным обеспечением жизни; б) территориально-пространственной локализацией мест проживания; в) ущемлением прав индивидов; г) низкой адаптивностью групп (индивидов) к радикальным переменам [4, С. 9].

¹ Ассистент кафедры Уголовного права и криминологии

«Изоляция от общества» затрагивает широкий спектр различных сфер жизни и деятельности человека и оказывает специфическое воздействие как на отдельных индивидов, так и на социальные группы.

Так, разрыв социальных связей в результате негативного воздействия изоляции порождает массу отрицательных последствий и ставит человека в тяжелые жизненные ситуации, которыми могут быть: различные психологические травмы; ситуации ломки планов и целей жизнедеятельности, в результате чего могут появиться неустраимые, с точки зрения личности, преграды. Если изоляция возникла вследствие помещения лица в специализированное учреждение (СИЗО, исправительное учреждение и т.п.), то сюда можно добавить еще и жесткое давление криминальной среды, эксплуатация более слабых и многое другое.

Государство, используя изоляцию как средство правового воздействия, затрагивает тем самым различные сферы человеческой деятельности путем ограничения прав и свобод человека и гражданина, а если быть более точным – сужает рамки возможностей удовлетворения определенных потребностей и интересов, либо делает их осуществление невозможным, а в некоторых случаях противоправным [7, С. 168, 194].

Можно констатировать тот факт, что ограничениям подвергаются прямо или косвенно практически все основные права и свободы, конкретизированные в потребностях и интересах: биологических, социальных, политических, религиозных, познавательных, нравственных и др.

На личность находящуюся в условиях изоляции будет оказывать влияние значительная совокупность разнообразных по значению и своей природе факторов, которые можно подразделить на две группы: 1) непосредственно правовые, т.е. предусмотренные законом (срок пребывания в исправительном или специальном воспитательном учреждении, переписка, специальный режим определенной территории или учреждения); 2) факторы, опосредствованные правом, т.е. не предполагающие принудительного воздействия на личность (замкнутая система общения, социально-психологический климат в учреждении и др.) [13, С. 365].

Главным, сущностным элементом изоляции выступает фактор ограничения свободы передвижения, выбора места жительства и места пребывания, из которого вытекают, и который обуславливает существование и воздействие других факторов. Данное ограничение имеет различные характеристики, зависящие от того или иного вида исправительного учреждения, может варьироваться от проживания в общежитии до содержания в одиночной камере.

В связи с этим, справедливо отмечают, что лицо в условиях изоляции попадает в замкнутую систему общения, обладающую особенностями, отличающими ее от привычной (открытой) [9, С. 44-45; 16, С. 9]. В условиях, когда люди с разными характерами, привычками, установками, ув-

лечениями, с разным воспитанием помещаются в замкнутую среду принудительно, создается почва для возникновения взаимного недовольства, неприязни, несовместимости. К психологической несовместимости добавляется несовместимость физиологическая, когда все физические достоинства и недостатки личности на виду у остальных, когда необходимо проживать в тесном помещении и т.п. Психологическая и физиологическая несовместимость порой дополняется несовместимостью криминальной [13, С. 398]. Несмотря на это, человек, как правило, не может перейти в другой коллектив.

Поскольку круг общения резко сужен, большую роль в жизни начинают играть такие формы общения, как переписка, посылки, передачи, бандероли и т.п. Кроме коммуникативной, они выполняют сублимирующую, психотерапевтическую и воспитательную функции [9, С. 44]. В местах изоляции использование посылок, передач и бандеролей носит весьма разнообразный характер: они служат денежным эквивалентом, с помощью них удовлетворяются личные потребности и т.п.

В сообществах, функционирующих в условиях относительной изоляции существует тенденция к складыванию внутригрупповой моноструктуры, характеризующей межличностные отношения. Другими словами, существует прямая зависимость между степенью закрытости группы и жесткостью статусной иерархии, определяющей жизнедеятельность ее членов [8, С. 101].

Моноструктурированной может быть названа группа, структурирование которой во всех сферах ее жизнедеятельности оказывается единообразным. Если моноструктура рисует картину неизменности статусного иерархизирования во всех сферах групповой активности и отражает закрепление низкого статуса всегда за одними и теми же членами группы, а высокого всегда за другими, то полиструктура наоборот, предполагает, что каждый практически без исключения член группы занимает достаточно высокое положение хотя бы в одной из ранговых структур, т.е. играет видную роль в какой-то из областей многоплановой групповой деятельности. Полиструктура оказывается более гибкой – позволяет большому числу членов группы занять благоприятное положение и, в конечном счете, состояться как личность.

Моноструктурирование, порождая жесткое разделение на низко- и высокостатусных ведет к поляризации и фактическому «разрыву» группы. Понятно, что абсолютно моноструктурированных, так же как и полиструктурированных, групп в реальности попросту не существует [8, С. 99]. К тому же во многих специализированных учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, наблюдается жесткая стратификация («моноструктурирование»), особенно в исправительных и воспитательных колониях, что не может способствовать формированию благоприятного микроклимата в них. Ограниченность контактов с «внешним миром», с семьей уве-

личивает значение связей с ним, которые в большинстве своем, обеспечиваются посредством переписки, телефонных переговоров, получения других почтово-телеграфных отправок и свиданий.

Свидания в данных условиях начинают играть очень важную роль. Это проявляется в том, что для имевших свидания другие режимные ограничения начинают восприниматься и оцениваться как второстепенные, для тех же, кто их не имел, значимость режимных ограничений возрастает. Они по-разному воспринимают и оценивают другие факторы социальной изоляции. Для первых возрастает острота социальной изоляции и падает значимость величины срока, на них меньше влияют различные условия содержания и другие режимные ограничения. Для тех, кто свиданий не имел, острота социальной изоляции несколько притупляется, зато возрастает значение срока изоляции и режимных ограничений, которые призваны компенсировать ограничения общения с лицами, находящимися на свободе. Длительные свидания с совместным проживанием позволяют удовлетворить целый ряд потребностей, подвергающихся ограничениям в местах изоляции: физиологических (улучшенное питание); духовных, прежде всего в общении (обмен информацией по семейным вопросам и принятие по ним совместного решения – когнитивный аспект общения; испытать ласку внимание, заботу о себе близких людей – эмоциональный аспект общения). Стремление к получению длительных свиданий, естественно, сильнее выражено у подростков и юношей, имеющих обоих родителей и из сравнительно благополучных семей, а также у лиц женского пола [13, С. 382-383].

Существует мнение, что «есть смысл исключить из элементов содержания режима некоторые ограничения на связи осужденных с внешним миром. В современных экономических условиях нет смысла устанавливать минимальные количественные пределы в свиданиях, получении посылок (передач, бандеролей) либо выстраивать на правоограничениях подобного рода систему дисциплинарного стимулирования» [11, С. 159]. Нам представляется, что подобное высказывание – преждевременно и не совсем обосновано. Выше указывалось, что для лиц имеющих длительные свидания другие режимные требования отходят на второй план, а значение срока изоляции притупляется, в случае же предоставления неограниченного количества свиданий «изоляция от общества» исчезнет, мы рискуем в данной ситуации получить никак не управляемые и бесконтрольные группы отрицательной направленности.

Регламентированное законодательством количество свиданий и их видов, их недостаточное количество, а в некоторых случаях невозможность осуществления порождают ряд попутных проблем, одной из которых является «сексуальная изоляция» [6, С. 186-187; 7, С. 185].

В современных условиях, особенно среди несовершеннолетних и молодежи, значимость удовлетворения половых потребностей еще больше возрастает в связи с социальными процессами, имеющими место в обществе: акселерацией и более ранним половым созреванием человека при существенном отставании его нравственного формирования как личности; продолжающимся процессом духовной и социально-психологической эмансипации женщин и повышением их активности и самостоятельности в выборе партнеров; широким распространением проституции и вовлечением в нее несовершеннолетних; трансформацией общественного мнения по вопросам половых отношений и большей его терпимостью к различным аспектам половой проблемы (возраст начала половой жизни, внебрачные связи, групповое сожительство и т.п.) [13, С. 396].

У многих осужденных молодежного возраста выработались устойчивые извращенные потребности, направленные на самоудовлетворение или на соединение с лицами одного пола. К сожалению, как показывает практика, это связано и с тем, что содержание однополых преступников исключает для многих из них возможность удовлетворять присущие человеку половые потребности с лицами противоположного пола. Правда, женатые осужденные могут удовлетворять сексуальные потребности в период предоставления им длительных свиданий при совместном проживании с женой, а в исключительных случаях с разрешения начальника учреждения – с иными лицами. Однако даже такие возможности для половых контактов не в состоянии в полной мере удовлетворить сексуальные потребности осужденных, поскольку сексопатологи рекомендуют вступать в половые контакты 2-3 раза в неделю, разумеется, в зависимости от возраста, темперамента, физических возможностей [7, С. 186]. В связи с этим, А.И. Канунник предлагает увеличить количество свиданий для женатых осужденных до 2-3 раз в месяц [7, С. 187].

Нам представляется, что такое количество свиданий уменьшит возможности исправительного воздействия наказания, сделает его менее эффективным, а для некоторых осужденных такое послабление считаем просто недопустимым, противоречащим моральным нормам и принципам (например, серийным убийцам, насильникам и др.).

Еще одна проблема связана с тем, что лица, находящиеся в учреждениях со специальным режимом, испытывают определенный дискомфорт, связанный с невозможностью уединения [6, С. 255; 2, С. 43], усугубляемый проведением досмотров и обысков.

Однако в определенное время возможность побыть одному становится насущной необходимостью, без реализации которой дальнейшее развитие не представляется возможным. В биологическом отношении это может выражаться в наступлении стадии истощения в ходе адаптации к окружающим условиям, в требовании отдыха, расслабления с целью накопления сил для последующей деятельности. В психологической сфере ин-

дивидуализация представлена необходимостью рефлексии, пересмотра своих взглядов на сценарии своей жизнедеятельности, изменения отношения к тем или иным явлениям и частям, предметам окружающего [2, С. 43]. В связи с изложенным представляется вполне обоснованным предложение о постепенном переходе от системы барачков к тюрьмам с камерами, отвечающим международным гуманистическим требованиям отбывания наказания в виде лишения свободы. Отсюда и решение многих психологических проблем. Такие условия позволяют осуществить элементарное для человека: задуматься, сосредоточиться, побыть наедине с самим собой [1, С. 11].

Данная проблема, в свою очередь, тесно взаимосвязана с обеспечением безопасности, причем последняя при изоляции имеет двойное значение: с одной стороны, государство, применяя изоляционные меры, в одних случаях стремится оградить общество от деятельности лиц, представляющих общественную опасность; с другой – при изоляции указанных субъектов в специализированных учреждениях возникает необходимость их защиты от противоправных действий, нарушающих их права и свободы.

Известно, что вхождение человека в систему межличностных отношений, приспособление к ним дело нелегкое вообще, а в условиях изоляции – в особенности, поскольку эти условия имеют свою специфику. В частности, в местах лишения свободы она связана, во-первых, с принудительным помещением лица в среду преступников одного и того же с ним пола и, во-вторых, также с принудительным, но уже со стороны преступников, приобщением к образцам поведения и ценностям их среды [7, С. 192], а также жесткой стратификацией.

При таком положении дел человек может оказаться в ситуации глубочайшей изоляции: если лицо, попадая в условия изоляции, не принимает неформальные преступные нормы и традиции, то оно, будучи уже изолированным от общества, отвергается, дистанцируется от этого сообщества, а в случае отрицания предложения о «сотрудничестве» со стороны администрации, теряет практически все социальные контакты с ближайшим окружением.

Кроме вышеперечисленного, «изоляция от общества» оказывает воздействие и на удовлетворение других интересов индивида. Известно, что в ходе своего исторического развития человечество выработало самые различные духовные и социальные ценности. Любой человек в процессе своей социализации стремится усвоить их в том или ином объеме [7, С. 190]. Одни виды изоляции предназначены для создания наиболее благоприятных условий их удовлетворения, развития науки, техники, другие же путем косвенных ограничений препятствуют их удовлетворению, что

обусловлено зачастую иными целями депривации и отсутствии возможности их осуществления.

В последнем случае условия изоляции препятствуют реализации многих познавательных потребностей, посредством которых и расширяется кругозор личности, раскрываются его способности и талант. Известно, что природа не допускает пустоты. Поэтому в условиях изоляции лицо невольно вынуждено усваивать ценности субкультуры данного сообщества, следствие этого – дефицит усвоения социально полезных и значимых ценностей неизбежно приводит к усвоению ими ситуационно значимых ценностей, в своем большинстве искаженных, даже извращенных [6, С. 307-310]. Что проявляется, в большинстве случаев, в отрицательном отношении к труду, получению образования и участию в самостоятельных организациях.

В условиях изоляции реализация творческих интересов, увлечений, профессиональной деятельности существенно ограничена или невозможна вообще. Так, в условиях наказаний, связанных с изоляцией, осужденные не могут в нужном объеме заниматься научной или иной творческой деятельностью. У них нет равного доступа к информации по сравнению с другими категориями граждан, занимающимися, например, творческой деятельностью. Более того, в местах лишения свободы многие осужденные уже не могут удовлетворять свои профессиональные интересы. Нет в исправительных учреждениях разнообразия специальностей [7, С. 196].

«Изоляция от общества» «отнимает» у осужденного возможность свободного времяпрепровождения. Принудительное проведение досуга у лиц мужского пола вызывает более сильные переживания, чем у лиц женского пола. Женский пол сильнее переживает неблагоприятную морально-психологическую атмосферу в учреждении, чем лица мужского пола, и т.п. Это, на наш взгляд, вполне объяснимо большей ранимостью женщин, а также, как это ни странно, приспособляемостью к внешним неблагоприятным условиям. В итоге социальная изоляция быстрее разрушает и нивелирует личность лиц женского пола, чем мужского [13, С. 373].

Между тем, «изоляция от общества» оказывает влияние и на витальные потребности: наличествуют ограничения в пище и сне. Люди, будучи в условиях изоляции, находятся в состоянии подавленности, страха и глубокого психического переживания, сопровождаемого весьма высоким уровнем психической напряженности. Снять такое напряжение им не удастся даже во время сна. Это обусловлено целым рядом факторов: во-первых, число осужденных в одном спальном помещении нередко достигает 50 человек, а в отдельных учреждениях и больше; во-вторых, значительная концентрация людей создает и определенные трудности в поддержании в спальном помещении необходимых санитарно-гигиенических условий, многие из которых плохо проветриваются, особенно в зимнее время, некоторые осужденные страдают недержанием, храпят и т.п. Все

это отражается не только на качестве сна, но и, как следствие, на общем психическом состоянии. Поэтому необходимо сокращать количество осужденных, находящихся в одном помещении до 8-15 человек [7, С. 177].

Социальная изоляция сказывается на изменении структуры питания человека, которая становится иной, вызывает специфическое отношение к пище и условиям ее приема. Возникает на первый взгляд противоречие: с одной стороны, потребность в пище переживается в местах социальной изоляции весьма остро, с другой стороны, она по своей личностной значимости поставлена в конец рангового ряда ценностей. В процессе жизни у каждого сложился свой индивидуальный стереотип питания, который при помещении в условия социальной изоляции значительно перестраивается. Это заключается в том, что изменяются режим и условия приема пищи, а также привычный ассортимент продуктов.

Особое отношение к пище в условиях социальной изоляции проявляется в том, что она становится важным эквивалентом при сделках, объектом посягательства со стороны «авторитетов», средством закабаления «имущими» неимущих.

В силу действия этих механизмов перераспределения и экспроприации «имущие» накапливают огромные запасы, которые гниют по тумбочкам, портятся, а затем выбрасываются или используются для «покупки» труда других. В то же время подобное «перераспределение» обрекает неудачников на пониженную норму питания, побуждая их унижаться перед «авторитетами» из-за пищи, по праву принадлежащей им [13, С. 403-405].

Условия изоляции также оказывают влияние на времяисчисление осужденных. Так для изолированных лиц характерен свой подход к отсчету времени: началом и окончанием течения которого служат, соответственно, начало и окончание срока изоляции, причем чем оно ближе, тем меньше становятся единицы измерения.

Между тем, необходимо заметить, что процесс изоляции, оказывая значительное влияние на жизнедеятельность людей, протекает довольно сложно и имеет определенные фазы (периоды). Анализ этих этапов позволяет наглядно продемонстрировать воздействие «изоляции от общества» на личность осужденного.

Освоение новой среды и разрешение адаптивной ситуации требует формирования таких новых привычек, свойств, убеждений, установок, даже черт характера личности, которыми она ранее не обладала. Для формирования этих новообразований нужно определенное время, в течение которого личность, по мере упрочения новых образований и разрушения старых, постепенно преодолевает тягостное состояние внутреннего дискомфорта. При социально-психологической адаптации не только личность приспосабливается к коллективу (группе), но, в известной мере, и коллектив к новому своему члену, перестраивая свои отношения [6, С. 308].

Первоначальная фаза вхождения в новую среду начинается со стадии общей ориентированности, когда прибывший на месте знакомится с условиями изоляции.

Особенно ответственна для новичка первоначальная стадия, когда он сталкивается с многочисленными трудностями, новыми требованиями к его поведению и поступкам и должен выработать свое отношение к ним. При углубленном развитии негативных изменений в личности (особенно у притесняемых в своей среде) неадекватные данному периоду состояния могут сохраниться. Нередко такому состоянию способствуют рассказы «бывалых», хорошо знакомых с местами социальной изоляции, стремящихся запугать новичков и подчинить их своему влиянию, настроить их против воспитателей и администрации [13, С. 421].

В первом периоде, обостряются такие болезни, как ИБС (ишемическая болезнь сердца), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, гипертоническая болезнь и некоторые кожные заболевания (псориаз и др.)

Психический статус изолированных лиц, как в первый период, так и перед освобождением характеризуется нарушением сна, невозможностью сосредоточиться на конкретных мыслях и действиях, суетливостью, возбуждением, тревогой и страхом [18, С. 37].

Этот период можно назвать фрустрационным, характеризующимся ломкой и крушением в связи с изоляцией прежних жизненных планов и перспектив. Продолжительность этой фазы составляет по разным данным ученых 4-6 месяцев.

Далее наступает следующий этап – фаза нивелировки, качественно новый этап пребывания человека в местах социальной изоляции. Если в первоначальный (адаптационный) период психологической переработке подвергается сам факт водворения в места социальной изоляции и человек стремится примирить свое прошлое и настоящее, то после адаптации к условиям изоляции он начинает жить настоящим с надеждой на будущее. Нарастание тревожного ожидания – главная особенность состояния в этот период [13, С. 422].

Период основного пребывания составляет в среднем 16-18 месяцев. Его длительность зависит от срока пребывания, определенного судом (чем длительнее срок, тем продолжительность указанных периодов увеличивается). Клиническое наблюдение показывает, что люди в этот промежуток времени становятся наиболее малозаметными в поведенческом плане, как бы «благоразумными», наряду со снижением уровня ситуативной тревожности, резко уменьшается количество агрессий, психических нарушений. У большинства при правильно построенных режимно-педагогических мероприятиях второй период пребывания в изоляции протекает, как правило, без грубых отклонений в поведении. Наблюдающиеся единичные агрессивные реакции связаны с конфликтами, возникающими чаще при непедагогичном поведении сотрудников различных служб и час-

тей, при неудовлетворенности работой, размерами зарплаты и социально-бытовыми условиями [18, С. 36].

Изолированные приобретают устойчивый «синдром лишенного свободы», делающий их как бы похожими друг на друга («все на одно лицо»), что проявляется в походке, мимике, жестах. В последующем, в личностной динамике осужденного выделяются две тенденции: первая характеризуется завершением успешной перестройки системы отношений к новым условиям и сопутствующим им элементам. При второй – идет углубление и нарастание негативных изменений в личности, постепенное их закрепление, что препятствует ее дальнейшей адаптации и исправлению. Вслед за фазой нивелировки наступает фаза завершения адаптации, когда человек ставит перед собой цели, которые он пытается реализовать в новых условиях [6, С. 312-313].

Заключительный период начинается, обычно за 3-5 (по другим данным 4-6 месяцев при общей продолжительности срока лишения свободы до 3 лет [18, С. 36-37]) месяцев до окончания «срока» изоляции. Он характеризуется стремлением «обогнать» время, подстегнуть его и приблизить заветный день [13, С. 422].

Данная фаза характеризуется состоянием истощения, возобновления тревоги и агрессии, ожидания освобождения из мест изоляции. Клинические проявления дезадаптации в этот период характеризуются возникновением типов реакций больше психосоматического характера, в структуру которого входят не только реакции со стороны мозга (в виде изменения поведения), но и со стороны внутренних органов (в виде обострения различных хронических психосоматических заболеваний). Как и в первом периоде, обостряются такие болезни, как ИБС (ишемическая болезнь сердца), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, гипертоническая болезнь и некоторые кожные заболевания (псориаз и др.). Психический статус этих лиц как в первый период, так и перед освобождением характеризовался нарушением сна, невозможностью сосредоточиться на конкретных мыслях и действиях, суетливостью, возбуждением, тревогой и страхом [18, С. 37].

Необходимо отметить, что социологические данные показывают, что у тех, кто вырван из привычных социальных условий, кто не имеет возможности нормально реализовать свои закрепленные в генетической памяти или социально приобретенные потребности, деформируется внутренняя психологическая структура личности. Согласно научным исследованиям, имеется определенный «порог» возможности существования человека в условиях лишения свободы (изоляции), как правило, он определяется 5-8 годам заключения [12, С. 155]. В связи с этим необходимо быть очень внимательным при установлении срока изоляции. В противном

случае мы рискуем потерять человека, оказавшегося неприспособленным к новым социальным условиям.

Указанное влияние «изоляции от общества» так или иначе связано с ограничениями правового статуса осужденного. При изоляции осужденный ограничивается в реализации таких конституционных прав как право на свободное физическое передвижение; выбор места жительства (места пребывания), права на выбор вида и рода жизнедеятельности, закрепленного ст. 37 Конституции РФ, выбора личного (индивидуального) и общественно-политического образа жизни [10, С. 16, 19].

Обобщая изложенное выше, можно сделать выводы о том, что воздействие «изоляции от общества» заключается в следующем:

- личность приобретает особое правовое положение, заключающееся в ограничении ее прав (на свободное перемещение, на собственный распорядок дня и образ жизни, на удовлетворение различных потребностей и т.д.);
- формировании своеобразных норм поведения и групповых ценностей (легкость возникновения конфликтов и особенности их разрешения; особая иерархия членов сообщества и системы взаимоотношений между ними, монструированность групп осужденных);
- появлении различных видов социальной депривации (сенсорной, культурной, органической, сексуальной и др.) и на этой почве возникновении деприваций в поведении [3, С. 13];
- изоляция может привести к относительно устойчивой деформации личности, ухудшению самочувствия, апатии и депрессии, нарушению в сфере контактов с другими людьми, неадекватной оценке и восприятию времени, появление психопатических элементов (фобий; ипохондрии), неадекватная оценка действительности и т.д.;
- на человека в условиях изоляции накладываются специфические обязанности, в которых обычные для любого гражданина нравственные нормы приобретают правовой характер и их нарушение ведет за собой юридические последствия;
- изоляция от общества связана с принудительным изменением образа жизни и включением индивида в новые для него социальные процессы: особым образом регулируемые общеобразовательное и профессиональное обучение, работу в производственных мастерских учреждения, участие в общественной жизни группы, в спорте, в работе библиотеки и т. п.;
- субъект в условиях изоляции включается в специфическую среду, где собраны, как правило, лица с разной степенью педагогической запущенности и криминальной зараженности [5, С. 21-23].

В целом, несмотря на некоторые отрицательные моменты воздействия «изоляции от общества» на осужденного, она больше обладает положительным эффектом. Данный факт подтверждается целями, стоящими перед ней (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений). Бесспорно то, что многие требования, предъявляемые к изолированным, носят дисциплинирующий характер (например, жесткий распорядок дня, приема пищи и т.д.). Изоляция дает больше возможностей по проведению воспитательной работы с преступником. К тому же, претерпевание ограничений, обусловленных изоляцией от общества, заставляет человека задуматься о совершенном преступлении и в будущем, возможно, под страхом наказания воздержаться от совершения новых. Все указанные аспекты влияния «изоляции от общества» как положительные, так и отрицательные детерминированы применением к лицу уголовного наказания. Без них оно утратит свое назначение, карательный потенциал и превентивное воздействие.

Список литературы:

1. Антонян Е.А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 6.
2. Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы в рамках модели межкультурной коммуникации – Проблемы преступления и наказания в праве, философии и культуре: материалы Международной научно-практической конференции. – Самара, 2007. – Кн. 1.
3. Бербаева И.Д. Психологические детерминанты дезадаптации личности в условиях изоляции: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. – Хабаровск, 2004.
4. Бочарова Е.В. Процессы социальной изоляции в сельском социуме: дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2004.
5. Власова Е.Н. Влияние социальной изоляции на личность несовершеннолетнего правонарушителя в условиях центра временной изоляции: дис. канд. психол. наук. – М., 2000.
6. Глоточкин А.Д. Исправительно-трудовая психология: Учеб. пособие для вузов МВД СССР. – Рязань, 1985.
7. Канунник А.И. Наказание в виде лишения свободы. Теория и практика исполнения. – Пенза, 2001.
8. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения – М., 1997.
9. Лапшин В.Е. К вопросу о влиянии уголовного наказания на личностное ядро осужденного // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 4.

10. Маковик Р.С. Государственно-правовой статус осужденного к лишению свободы. – Рязань, 1979.
11. Маликов Б.З. Изоляция личности – правовая категория и форма государственного принуждения. – Самара, 2007.
12. Общественное мнение и преступление. – Тбилиси, 1984.
13. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М., 2001.
14. Словарь иностранных слов. – 7-е изд. – М., 1980.
15. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.
16. Сундугов Ф.Р., Бакулина Л.В. Лишение свободы и права осужденных в России. – Тольятти, 2000.
17. Фролов С.С. Основы социологии: Учебное пособие. – М., 1997.
18. Човдырова Г.С. Личность в условиях социальной изоляции: Проблемы адаптации и повышение стрессовой устойчивости. – М., 2000.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРРОРИЗМА

© Матчанова З.Ш.¹

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются различные точки зрения по вопросу о классификации современного терроризма; обсуждается вопрос о разграничении внутригосударственного и международного терроризма. В статье приводятся наиболее признанные в научных кругах классификации терроризма; основное внимание уделяется исследованию криминологической литературы.

Российский законодатель определил понятие «терроризм» в ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим образом: это «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [1]. В научной литературе упоминается более ста отличных друг от друга определений понятия «терроризм». Из чего следует, что универсального, единого, общепринятого определения терроризма не существует, как не существует единого подхода к его классификации.

Учитывая сложность и многоплановость терроризма, классификация его видов и форм по определению не может быть единственной и окончательной, носить абсолютный характер, это предопределяется многогранностью терроризма, его постоянной изменчивостью, а также существенным разнообразием его национальных форм. Все это предполагает наличие большого числа критериев для классификации терроризма (по целям и мотивам террористической деятельности, составу участников террористических группировок, способу совершения террористических актов, источникам финансирования террористической деятельности и пр.).

В научной литературе, посвященной исследованию терроризма, приводятся самые различные подходы к вопросу о его классификации.

Наиболее общая классификация предусматривает подразделение терроризма на два основных вида: внутригосударственный и международный.

¹ Старший преподаватель кафедры Международного права

Внутригосударственный терроризм – это совокупность общественно опасных деяний, которые совершаются в целях нарушения общественной безопасности в рамках конкретного государства и устрашения населения конкретной страны, то есть имеется в виду терроризм, не имеющий международной, транснациональной «окраски».

Международный терроризм – это не какой-то особый вид терроризма, а продолжение внутригосударственного терроризма, выход его за пределы границ того или иного государства. Основная особенность международного терроризма состоит «в наличии иностранного элемента» [2, С. 40]. Международный терроризм – это «совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, влекущих бессмысленную гибель людей, нарушающих нормальную дипломатическую деятельность государств и их представителей и затрудняющих осуществление международных контактов и встреч, а также транспортных связей между государствами» [3, С. 693], которые совершаются нелегитимными группами или отдельными людьми.

О специфике разграничении внутригосударственного и международного терроризма *О.В. Лукичев* и *О.С. Шарая* отмечают следующее: «Международный – это всего лишь дополнительная характеристика терроризма, которую постепенно приобрело это явление в связи с его переходом с уровня внутригосударственного на международный, в то же время сущность этого явления от такого перехода не изменилась, а осталась той же» [4, С. 93]. Хотя, надо отметить, что такое явление как терроризм, все же подвержено определенным изменениям, причем эти изменения могут носить не только качественный, но и количественный характер, что также осложняет процесс формулирования универсальной классификации терроризма.

Большинство классификаций характеризуются достаточно сложной структурой. Рассмотрим подробнее некоторые классификации терроризма, которые предлагают российские исследователи.

В юридической литературе наиболее обширную классификацию терроризма предлагают *Г.М. Миньковский* и *В.П. Ревин*. Ссылаясь на международно-правовые документы и зарубежные нормативные акты, они предлагают выделить следующие виды терроризма:

1. Государственный (организуемый или поддерживаемый одним государством против другого);
2. Международный;
3. Системный внутригосударственный и иной внутригосударственный;
4. Религиозный;
5. Точечный;
6. Терроризм в форме мятежа (захвата территории), массовых беспорядков, диверсий, захвата заложников [5, С. 85].

Кроме того, *Г.М. Миньковский и В.П. Ревин* классифицируют терроризм, предлагая иные критерии классификации [5, С. 86]:

1. По наступившим последствиям:

1. Применительно к человеческим жертвам: а) массовые, б) групповые, в) одиночные жертвы;
2. По отношению к материальному ущербу: а) состоявшийся или катастрофогенный, б) особо крупный, в) крупный;
3. Применительно к морально-психологическому вреду: а) вызвал страх, б) панику, в) недоверие к власти.

II. В зависимости от численности и организованности участников: а) сообщества (в том числе секты и подпольные организации), б) организованные группы, в) спонтанные группы, г) одиночки.

III. В зависимости от использованного оружия – с применением: а) оружия массового уничтожения, б) оружия (взрывчатых веществ) группового поражения, в) автоматического стрелкового оружия, г) оружия ближнего боя, д) нелегального оружия, е) специальных средств.

Гринько С.Д. классифицирует терроризм по объектам покушения и выделяет следующие его виды:

1. Элитарный (посягательство на должностных лиц органов государственной власти, владельцев (руководителей) банков, компаний и т.п.);
2. Функциональный (покушение на сотрудников правоохранительных органов, ведущих специалистов фирм и др.);
3. Промышленный (нападение на социально-значимые предприятия, а также предприятия, вырабатывающие (хранящие) отравляющие и иные химические вещества);
4. Транспортный (уничтожение нефтегазопроводов, взрывы на железных дорогах и др.) [6, С. 94].

Замковой В.И. и Ильчиков М.З. выделяют «парные варианты» терроризма:

1. Революционный и контрреволюционный;
2. Субверсивный и репрессивный;
3. Физический и духовный;
4. «Селективный» и «слепой»;
5. «Провокационный» и «превентивный»;
6. Военный и криминальный [7, С. 8-51].

Чухвичев Д.В. классифицирует терроризм по объекту:

1. Акты индивидуального террора (акты насилия в отношении конкретного лица, совершаемые в связи с его политической или иной общественной деятельностью);
2. Насильственные действия против посторонних людей ... случайно оказавшихся на месте теракта, имеющие целью оказание давления на государственную власть [8, С. 113].

Сходную классификацию приводит *В.С. Комиссаров*, различая два основных вида терроризма:

1. Преступления, где в качестве потерпевшего выступает специальный субъект (например, при посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля);
2. Преступления, по которым потерпевшие относятся к неопределенно широкому кругу лиц [9, С. 64].

Ляхов Е.Г. и Попов А.В. кроме терроризма государственного и индивидуального выделяют также (по «парному» принципу):

1. Военный и мирный (совершаемый в мирное время);
2. Революционный и контрреволюционный;
3. Освободительный и репрессивный;
4. Политический и общеуголовный [10, С. 71].

Устинов В.В. за основу классификации современного терроризма предлагает взять ценностно-целевой критерий и выделить на его основе:

1. Терроризм идейный;
2. Терроризм одиночек (включая лиц с психическими аномалиями);
3. Криминальный терроризм [11, С. 29].

Бояр-Созонович Т.С. считает целесообразным максимально упростить основную схему классификации, выделяя три основных вида терроризма:

1. Государственный – террористические акции, осуществляемые государством или при поддержке государства;
2. Групповой (или организованный) – террористические акции, осуществляемые группами или организациями частных лиц, не пользующимися поддержкой государства;
3. Стихийный (индивидуальный) – террористические акции, осуществляемые частными лицами [12, С. 11].

Многообразие классификаций приводит к тому, что зачастую в одном ряду оказываются несовместимые понятия. Во многом это многообразие отражает не специфические черты терроризма как социально-политического явления или присущие ему криминологические характеристики, а свойства, общие для многих других явлений общественной жизни. Кроме того, зачастую исследователи прибегают к подмене понятий «террор» и «терроризм».

В принципе возможны самые различные классификации терроризма, так, например, терроризм может подразделяться:

1. По мотивации: а) политический, б) религиозный, в) националистический, г) корыстный;
2. По субъекту преступления: а) совершенный гражданином своей страны либо иностранным гражданином или лицом без гражданства, б) совершенный лицом, не обладающим какими-то полномочиями либо представителем каких-либо государственных структур и т.д.

Также отдельно должен быть упомянут такой вид современного терроризма, как экологический. Некоторыми учеными [13] проводится классификация экологического терроризма на следующие основные подвиды:

1. Ядерный;
2. Химический;
3. Биологический (бактериологический).

В целом под ними понимаются факты использования в целях террористической деятельности ядерных материалов или радиоактивных веществ, особо ядовитых или отравляющих веществ, различных биологических агентов или токсинов, с помощью которых террористы могут уничтожать людей, причинять вред их здоровью, разрушать материальные ценности и негативно воздействовать на окружающую среду [14, С. 201]. В числе экологически опасных способов совершения терактов можно выделить: инициирование эпидемий и эпизоотий, отравление и засорение гидросферы, атмосферы, литосферы путем способствования возникновению лесных пожаров, наводнений, оползней.

Дикаев С.У. высказывает предположение, что сложности в научной классификации терроризма и само отсутствие общепризнанного его определения вызваны тем, что «авторы за основу своих классификаций одновременно берут самые разные признаки, которые хоть каким-то образом характеризуют рассматриваемое явление (мотивы, цели, способы совершения акта терроризма, объекты посягательства, этническая, религиозная принадлежность субъектов и пр.)... Если идти по этому пути, то каждый отдельно взятый акт терроризма ввиду своих особенностей ... потребует обособления. Именно поэтому в литературе наличествует множество «разновидностей» терроризма» [15, С. 270-271].

Итак, проведя обзор основных подходов к классификации терроризма, можно констатировать, что проблема терроризма на современном этапе является предметом исследования весьма широкого круга ученых. Это позволяет говорить о формировании и развитии «нового исследовательского направления, разрабатывающего различные аспекты проблемы терроризма, которое может быть обозначено понятиями «террорография» и «террорология» [16, С. 139]. Таким образом, в современной юридической науке как в России, так и за рубежом формируется особый комплекс знаний о сущности, видах и формах террористической деятельности, а также вырабатываются стратегии противодействия терроризму.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954. (С последними изменениями от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ).
2. Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. – 1991. – № 1.

3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М., 1997.
4. Лукичев О.В., Шарая О.С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2006.
5. Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. – 1997. – № 8.
6. Гринько С.Д. Борьба с террористами и захватом заложников (уголовно-правовые и криминологические проблемы). – Ростов-н/Д., 1998.
7. Замковой В.И., Ильчиков М.З. Терроризм – глобальная проблема современности. – М., 1996.
8. Чухвичев Д.В. Терроризм: история и современность // Труды Московской государственной юридической академии. – 1997. – № 1.
9. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложников. – М., 1997.
10. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. – Ростов-н/Д., 1999.
11. Устинов В.В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. – 2002. – № 5.
12. Бояр-Созонович Т.С. Проблемы классификации современного терроризма. – М., 1989.
13. См. Губайдуллин Р.М. Современные методы борьбы с терроризмом // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. – Красноярск, 2006. – С. 56; Сергеев С.И. Особенности химического и биологического терроризма и его предупреждение // Там же. – С. 79; Морозов В., Пушкарев В. Экологический терроризм: понятие, сущность, квалификация // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 123.
14. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002.
15. Дикаев С.У. Терроризм: явление, причины, противодействие. В кн. Частная криминология / Отв. ред. д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ Д.А. Шестаков. – СПб., 2007.
16. Бачинин В.А. О дискурсе террорографии и террорологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра // Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2006. – № 2 (11).

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ-ЕВРОПЕЙЦЕВ

© Рожнов А.А.¹

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

В статье дается характеристика правового регулирования и практики применения смертной казни в Московском Государстве на основе сведений, содержащихся в иностранных сочинениях о России XVI-XVII вв. Рассматриваются такие аспекты данного наказания, как виды преступлений, за которые она назначалась, способы и порядок ее исполнения, субъекты вынесения смертных приговоров, масштабы казней, специфика поведения собравшейся на казнь публики.

Одним из важнейших источников, без изучения которого немислимо полноценное исследование уголовного права Московского Государства, являются записки о России современников-европейцев. Неоспоримая ценность данного исторического источника обусловлена двумя обстоятельствами. С одной стороны, обращение к нему позволяет существенно расширить и углубить представления об уголовном праве «московского» периода, сформированные на основе анализа соответствующих отечественных актов (законов, судебных приговоров и т.д.). С другой стороны, в сочинениях иностранцев, непосредственно побывавших в России или писавших о ней со слов других путешественников, нередко содержатся сведения, которые по тем или иным причинам отсутствуют в русских юридических и исторических документах. Поэтому ознакомление с ними дает возможность получить новые знания о развитии норм и институтов уголовного права в указанную эпоху.

Среди всех уголовно-правовых вопросов, нашедших отражение в иностранных изданиях о России, центральное место, безусловно, занимает проблема смертной казни. И это вполне закономерно, поскольку смертная казнь как совершенно особый, исключительный вид наказания по определению не могла и не может не привлекать к себе повышенное внимание. Однако не меньшее, если даже не решающее значение имело то, что русский подход к смертной казни отличался, причем порой весьма серьезно, от европейского. Причем различия касались всех аспектов смертной казни: перечня преступлений, за которые она назначалась или, наоборот, не назначалась, способов и порядка ее исполнения, субъектов вынесения смертных приговоров, масштабов казней, специфики поведения собравшейся на казнь публики. Все это неизбежно вызывало у иностранцев естественный интерес и стремление сообщить «городу и миру» о своеобраз-

¹ Доцент кафедры Уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

ных правовых традициях загадочной «Московии» (несмотря на то, что все иностранцы – а вслед за ними, к сожалению, и многие отечественные авторы, пишущие на исторические темы, – называют нашу страну «Московией», а ее жителей «московитами» (хотя «Парижия» и «Мадридия» звучит нелепо, не правда ли?), мы будем в дальнейшем называть их так, как они на самом деле назывались, в частности, в Уложении 1649 г., – «Московское Государство», «Россия» и «русские»).

Говоря о правовом регулировании и практике применения смертной казни в Московском Государстве, некоторые иностранцы отмечают то обстоятельство, что русское уголовное право базировалось на принципе равенства всех перед законом и судом. Он выражался в первую очередь в том, что смертной казни, телесным и иным наказаниям подлежали все преступники независимо от их социального статуса. Ни аристократическое происхождение, ни должностное положение лиц, совершивших преступления, сами по себе не освобождали их от наказаний (итальянцы Кампани, Поссевино) [25, С. 82; 57, С. 26]. При этом привлечение знатных и влиятельных лиц к уголовной ответственности наравне с простолудинами вовсе не было чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Напротив, как указывает немец Эльшлегель (Олеарий), «среди русских такие примеры бесчисленны» [49, С. 355].

Принцип равенства всех перед законом и судом распространялся не только на россиян, но и на иностранцев. В Московском Государстве не признавался принцип экстерриториальности, поэтому иностранцы, совершившие преступления на территории России, наказывались так же, как и русские подданные, в том числе смертной казнью. Даже иностранные послы не были изъяты из-под действия русских законов (англичанин Баус, Олеарий) [4, С. 102; 49, С. 355], хотя в вопросе о наказании дипломатов и участников иноземных посольств ключевую роль играли, разумеется, политические факторы [51].

Что касается преступлений, которые в Московском Государстве карались смертной казнью, то, по свидетельству иностранцев, они были следующие.

Преступления против православной веры и Церкви включали споры о вере, ересь, церковную татьбу и осквернение предметов культа.

То, что споры о вере были категорически запрещены (хотя об этом в русских законах ничего не говорилось), неоднократно подчеркивает Рейтенфельс. По его словам, русские до того «свято и ненарушимо» соблюдают все предписания своей веры, что ни богословам, ни кому бы то ни было еще не дозволяется, под страхом смертной казни, «терзать веру упорными, как какая болезнь, и неразумными спорами». Наложение запрета на ведение религиозных споров вызывает у курляндца однозначное одобрение, поскольку именно это, по его мнению, является главной причиной того, что среди русских «почти совсем не было, или не осталось

еретиков». Хотя такая оценка религиозной ситуации в России не вполне соответствовала действительности, она, на наш взгляд, легко объяснима. На фоне погрязшей в религиозных распрях, «охоте на ведьм» и ожесточенных религиозных войнах Европы положение дел в Московском Государстве и вправду могло казаться Рейтенфельсу верхом благополучия, а потому с нескрываемой завистью характеризоваться им как «незыблемое единство в вопросах веры» [59, С. 313, 323, 327, 365, 370, 373].

Борьба с религиозными противниками и даже казни еретиков в России, конечно, имели место (англичанин Коллинс, чех Давид) [30, С. 196; 16, С. 96], но их масштабы были несопоставимы с европейскими, да и происходили они крайне редко [61, С. 38-41]. Об этом, в частности, свидетельствует Флетчер, прямо заявляющий: «Что касается до преследований по делам веры, то я ничего не слыхал об этом». Англичанин упоминает лишь один случай сожжения еретиков (мужа и жены), который к тому же примечателен тем, что казни предшествовало 28-летнее (!) пребывание религиозных преступников в тюрьме. По всей видимости, к высшей мере наказания было решено прибегнуть только после того, как стало окончательно ясно, что даже столь длительное тюремное заключение не в состоянии вразумить «злых и проклятых еретиков», и они продолжают упорствовать в своих заблуждениях [71, С. 142].

Несмотря на то, что церковная татьба относилась к числу наиболее опасных преступлений и по закону, например, по Уложению (ст. 14 гл. 21), безоговорочно влекла за собой смертную казнь, судебная практика по данным делам была двойственной. В одних случаях тех, кто обкрадывал церковь или монастырь, приговаривали, как того и требовал закон, к смертной казни. Причем, учитывая исключительную тяжесть содеянного, их ожидала не обычная, а квалифицированная смертная казнь, то есть сопряженная с особыми мучениями для осужденного (швед Петрей, нидерландец Витсен) [53, С. 430-431; 7, С. 131-132]. В других же случаях преступник подвергался членовредительским наказаниям (Коллинс) [30, С. 196] или был обязан просто возместить причиненный злодеянием ущерб (в приведенном австрийцем Мейербергом примере крайняя мягкость приговора, скорее всего, была вызвана лишь юным возрастом похитителя [45, С. 71]).

За осквернение предметов культа, в частности, за неуважительное прикосновение к иконе, русского могли казнить или отправить в ссылку, а иностранца лишить жизни или заставить перекреститься в православную веру (Витсен) [7, С. 133]. При особо вопиющем надругательстве смертная казнь могла быть квалифицированной. Так, за выстрел в икону Богородицы преступнику вначале отрубили обе руки, после чего предали огню (литовец Маскевич) [43, С. 47-48] (из описания Маскевича неясно, по нормам какого права – русского или польского – был осужден кошунник-поляк).

Помимо оскорбительных действий, уголовно наказуемыми являлись и оскорбительные высказывания о предметах культа. Подобное злословие могло окончиться смертью или тюремным заключением (датчанин Ульфелдт) [70, С. 308].

В записках иностранцев о России нашли отражение такие государственные (политические) преступления, как умысел на жизнь и здоровье Государя, государственная измена и оскорбление Величества.

Умысел на особу Государя еще в начале XVII в. считался настолько опасным преступлением, что, по словам Маскевича и Олеария, одного лишь намека на него без каких-либо дополнительных доказательств было достаточно для того, чтобы казнить заподозренного, назначить ему иное наказание или довести его до нищеты. В утверждении иностранцев, несомненно, присутствует изрядная доля преувеличения, налицо явное сгущение красок. Однако поскольку отмеченный ими подход на самом деле служил питательной средой для многочисленных заведомо ложных доносов, порожденных ненавистью и враждой, то от него в конечном счете отказались. Вместо этого было установлено, что отныне доносчик должен был подтвердить свои показания под пыткой, после чего пытке подвергался обвиняемый. Если донос («извет») подтверждался, то виновный подлежал смертной казни, если же выяснялось, что лицо было оклеветано, то такому же наказанию подлежал сам ложный доносчик (нидерландец Койэтт) [43, С. 54; 49, С. 354-355; 29, С. 529] (хотя Олеарий в данном конкретном случае говорит об оскорблении Величества, а Койэтт вообще не называет конкретные преступления, их высказывания, с нашей точки зрения, вполне могут быть отнесены к умыслу на Государя).

Формами государственной измены являлись сдача города или крепости врагу (австриец Герберштейн, Петрей) [9, С. 183; 53, С. 431], отъезд за границу, самозванство и бунт.

Последние два преступления, к сожалению, оставили очень яркий след в русской истории XVII столетия, поэтому логично, что в рассказах иностранцев, посещавших Московское Государство в XVII в., самозванцы и бунтовщики играют весьма заметную, а порой и ключевую роль. Многие из этих свидетельств содержат и более или менее подробное описание казней государственных (политических) преступников.

Отнесение отъезда за границу к категории государственных (политических) преступлений несколько условно. Дело в том, что по законодательству, по крайней мере по Уложению, данное деяние могло быть не только разновидностью государственной измены, но и преступлением против порядка управления, выражавшемся в пересечении государственной границы без «проезжей грамоты», то есть официального разрешения на выезд за пределы России. Критерием разграничения этих правонарушений служила цель поездки за рубеж. Если лицо ездило «в иное государство без проезжия грамоты для измены, или для инаго какова лихого де-

ла», то оно предавалось смертной казни как изменник. Если же виновный покидал страну «для торгового промысла, или инаго для какого своего дела», то он подвергался телесному наказанию (ст. 1, 3-4 гл. 6 Уложения).

Впрочем, все эти юридические тонкости, судя по всему, иностранцам были неведомы. Некоторые из них, ни словом не обмолвившись ни о каких проезжих грамотах, просто заявляют, что русским строжайше запрещено выезжать за пределы Отечества, и для недопущения этого осуществляется усиленная охрана границы (итальянец да Колло, немец Эльзевир из Лейдена) [31, С. 58; 80, С. 309]. Однако Россия не была абсолютно закрытой страной, наглухо отгороженной от остального мира, и русские подданные были вправе ездить за рубеж. Но для этого было необходимо получить специальное разрешение, что и было подмечено другими иностранцами, например, итальянцем Кампензе и немцем Главиничем [26; 11, С. 13]. Если же кто-либо пытался перейти границу незаконно, то он привлекался к уголовной ответственности. О конкретных наказаниях, правда, чаще всего умалчивается (англичанин Карлейль, немец Шлейссингер) [27; 77, С. 105-106], хотя отдельные иностранцы сообщают о том, что попытка бегства за границу могла стоить виновному жизни (Хуан Персидский, Койэтт) [74, С. 179; 29, С. 486]. Можно предположить, что так поступали с теми, кого подозревали в измене.

Кстати, само установление запрета на свободный выезд из Московского Государства объясняется иностранцами по-разному. Немец Корб, вероятно, в силу присущей европейцам гордыни и страсти к самовосхвалению, мотивирует его введение якобы опасением того, чтобы русские, «присмотревшись к счастливому быту других земель, не дерзнули замыслить перемену порядка вещей в Московии» [33, С. 207]. По мнению же англичанина Перри, которое представляется вполне справедливым, данный запрет был продиктован прежде всего религиозными соображениями, а именно боязнью, что в результате тесного общения с «иноземцами» русские «развратятся в правилах Религии своей» [52].

Что касается оскорбления Величества, то его формы, как правило, «иноземцами» не называются, лишь констатируется, что оно каралось смертной казнью или иными наказаниями (чех Бухау, Олеарий) [17, С. 61; 49, С. 354-355]. Только в заметках Витсена отмечается, что как оскорбление Государя, заслуживавшее высшей меры наказания, могли расцениваться ошибка при произнесении титула Царя, допущенная в присутствии посла, и отказ присоединиться к здравице за Государя [7, С. 128, 161]. Впрочем, в подобных случаях смертные приговоры если и выносились, то в исполнение не приводились [68, С. 105-115; 39, С. 9-169].

Судя по тому, что Петрей упоминает «зажигательство» в одном ряду с такими преступлениями, как измена и сдача врагу «без всякой крайности» города или крепости [53, С. 431], он, видимо, также относит его к разряду

государственных (политических) преступлений, понимая под ним не просто поджог, а поджог с изменнической целью. Аналогичным образом склонны трактовать термин «зажигательство» и отдельные ученые [79, С. 41; 60, С. 92-93]. Однако мы считаем, что «зажигательство» имело более широкий смысл и означало любой умышленный поджог. Наше предположение основывается, в частности, на анализе текста Уложения, в котором «зажигальщиком» называется как тот, «кто умышлением и изменною город зажжет, или дворы» (ст. 4 гл. 2), так и тот, «кто некия ради вражды, или разграбления зажжет у кого двор» (ст. 228 гл. 10). Кроме того, законодатель не проводит никаких различий между обоими преступлениями не только с точки зрения выбора термина для их обозначения, но и в плане наказания за их совершение. По Уложению и поджигатель-изменник, и «рядовой» поджигатель подлежат смертной казни одним и тем же способом.

Из прочих преступлений против государства в записках иностранцев о Московском Государстве упоминаются взяточничество и «подмет».

Чиновников, виновных в вымогательстве взяток либо незаконном получении денег или вещей, в основном наказывали телесно – били кнутом или плетью (француз Маржерет, Олеарий) [40, С. 27; 49, С. 429]. Однако иногда в целях достижения большего общепредупредительного эффекта (по терминологии Уложения, «чтобы на то смотря, иным неповадно было так делати») власть прибегала и к крайней мере наказания (нидерландец Масса) [44, С. 84], в том числе квалифицированной. В частности, дьяка, принявшего в качестве взятки жареного гуся, начиненного деньгами, Царь Иван Грозный приказал четвертовать, притом весьма символично: ему сначала отрубили ноги по половине икр, затем руки выше локтя и наконец голову, дабы он и впрямь походил на жареного гуся (Флетчер) [71, С. 68].

Приводя в своей работе выдержки из Судебника 1497 г., Герберштейн определяет используемый в нем термин «подметчик» («подымщик») (ст. 9) как лицо, которое тайно относит имущество в чужой дом и затем заявляет, что оно было у него украдено [9, С. 183]. Следовательно, подмет в трактовке австрийского посла представлял собой преступление против правосудия, заключавшееся в подкидывании невиновному лжеулик для последующего обвинения его в преступлении. Хотя даваемое Герберштейном толкование подмета в научной литературе является не единственным [63, С. 70-71], именно оно, по нашему мнению, может быть признано наиболее правильным. Во-первых, перевод Герберштейну текста Судебника, а при необходимости и разъяснение применявшихся в нем понятий были сделаны теми (или тем), кто жил в эпоху действия данного закона и, надо полагать, понимал смысл соответствующих терминов. А во-вторых, точно такое же значение подмет имеет и в Уложении, ст. 56 гл. 21 которого как раз и посвящена ответственности тех, «кто кого <...>

подкинет чем напрасно» (правда, в отличие от Судебников 1497 г. и 1550 г. Уложение назначало за подмет не смертную казнь, а «нещадное» битье кнутом и штраф). Вообще же, указанное преступление, видимо, не было редкостью, и Олеарий в своем сочинении описывает то, как и почему оно совершается [49, С. 354].

Преступлениями, также посягавшими на интересы государства, являлись «нетство», дезертирство, фальшивомонетчество и «корчемство».

Описывая специфику военной организации Московского Государства, иностранцы отмечают, что к служилым людям в России предъявлялись очень жесткие требования, касавшиеся явки на службу и отбытия с нее. Неявка на смотр или в поход (нетство) под предлогом старости, болезни и т.д. либо самовольное оставление войска сурово преследовались. Уклонявшиеся от несения военной службы, как правило, подвергались телесным наказаниям или лишались поместий. Но в особо важных случаях издавались указы, угрожавшие потенциальным нетчикам и дезертирам смертной казнью (немец Буссов, швед Кохен) [6, С. 39; 35, С. 124-125], и иногда эти угрозы приводились в действие (Петрей) [53, С. 410-411].

Свидетельство Коллинса о наказании за фальшивомонетчество представляет двоякий интерес. С одной стороны, англичанин в целом достаточно определяет традиционный для Московского Государства способ смертной казни фальшивомонетчиков – заливка в горло расплавленного металла. Впрочем, и из его слов, и из иных источников явствует, что смертная казнь была не единственным наказанием, которому подвергались изготовители поддельных денег [30, С. 205, 210; 45, С. 160-161; 34, VII, 9]. С другой стороны, Коллинс ничего не говорит о том, что в период его нахождения в России (с 1657 по 1666 гг.) смертная казнь за фальшивомонетчество была официально отменена Указом от 18 сентября 1661 г. [2, № 158, I]. Молчание Коллинса на этот счет неудивительно, поскольку несмотря на формальную замену смертной казни на телесные наказания, она по-прежнему применялась. Противоречие же между законом и практикой было обусловлено тем, что Указ, смягчавший карательную политику в отношении фальшивомонетчиков, был издан явно не вовремя. В условиях всплеска фальшивомонетчества, вызванного неудачно проведенной денежной реформой, либеральный закон, разумеется, не способствовал улучшению ситуации, а наоборот, лишь усугублял ее, порождая у преступников ощущение безнаказанности. Очевидно, осознав допущенную ошибку, правительство решило в подобной ситуации вновь прибегнуть к испытанным средствам борьбы с фальшивомонетчеством.

Кстати, неудачная попытка отказа от смертной казни за фальшивомонетчество имела место и ранее. В Указе не позднее 10 февраля 1637 г. [20, № 236] отмечалось, что «в прежних летах при прежних Великих Государех» фальшивомонетчиков не щадили, «заливали теми их воровскими

денгами горло». Царь Михаил Федорович же заменил им высшую меру наказания битьем кнутом, «чая того, что они от такого воровства уймутся от наказания без смертные казни». Но поскольку, как гласил Указ, «те воры нашей Государьской милости к себе не узнали, от такого воровства не унялися», в результате чего «таких воров ныне умножилось, и от такого их многого воровства» пострадали «многие простые невинные люди», правительство было вынуждено пойти на восстановление смертной казни.

В один голос утверждая о строгом запрете «корчемства», то есть изготовления и продажи спиртных напитков в нарушение государственной питейной монополии, иностранцы называют различные наказания за совершение данного преступления, в том числе смертную казнь. Однако реально к высшей мере наказания, по всей вероятности, никогда не прибегали (даже упоминающие ее поляк Меховский, Петрей и нидерландец Стрейс говорят о том, что корчемство было лишь запрещено под страхом смертной казни [46; 53, С. 421; 65, С. 333]), а наказывали корчемников телесно. Чаще всего в записках иностранцев встречаются битье кнутом и батогами (немец Штаден, швед Кильбургер) [78, С. 383; 28, С. 358], что вполне согласуется с многочисленными законодательными постановлениями, посвященными этому вопросу.

Из преступлений против личности, которые могли караться смертной казнью, в иностранных сочинениях о России нашли отражение убийство и «головная татьба».

Судя по всему, судебная практика по делам об убийстве не отличалась единообразием. В то время как одни иностранцы категорически заявляют о высшей мере наказания за душегубство (итальянец Иовий, Олеарий) [22; 49, С. 432], другие говорят о том, что убийц заключали в тюрьму (Флетчер, немец Тектандер) [71, С. 82; 24, С. 19], секли (Флетчер) [71, С. 82] либо вообще никак не наказывали при условии, что убийца поставит в церкви свечку за душу убиенного и во искупление своей вины (чех Таннер) [67, С. 81, 109]. Утверждение об абсолютной ненаказуемости убийства, впрочем, можно смело расценить как откровенную ложь, поскольку оно в корне противоречит не только законодательству [62] и известным судебным приговорам рассматриваемой эпохи, но и элементарному здравому смыслу. Промежуточную позицию по вопросу о наказании за убийство занимает Герберштейн, отмечающий, что хотя за него и казнили, но делали это редко [9, С. 182].

Лишь три вида убийств, по свидетельству иностранцев, однозначно влекли за собой смертную казнь:

1. Убийство своего господина («государское убийство», по терминологии Судебников) (Герберштейн, Петрей) [9, С. 183; 53, С. 431];
2. Убийство, совершенное с целью разбоя (Герберштейн) [9, С. 182];
3. Мужеубийство.

Из более или менее одинаковых показаний «иноземцев» следует, что жен, убивших своих мужей или даже лишь замышлявших это (Койэтт) [29, С. 509], казнили путем «окопания в землю» (Витсен, Давид) [7, С. 133; 16, С. 96]. По мнению Коллинса, такое жестокое наказание для неверных жен было справедливым, так как «здесь преступление и наказание – соразмерны, потому что жена по справедливости должна умереть без пощады, если она не могла любить даже своего мужа» [30, С. 199]. Помимо окопания в землю как наиболее употребительной формы смертной казни мужеубийц, к ним могли применяться и другие способы лишения жизни (Рейтенфельс) [59, С. 326-327]. В отличие от мужеубийства на женоубийство русские смотрели принципиально иначе. Муж, убивший свою жену, не привлекался к ответственности, если доказывал, что он сделал это по уважительной причине, например, за измену или за злоумышление против него (Койэтт) [29, С. 510]. Из русских же источников явствует, что женоубийц чаще всего подвергали телесным наказаниям, но могли и казнить [19, С. 270; 48, С. 46-47].

По словам Коллинса, наряду с женоубийством извинительным считалось и убийство господином своего раба, совершенное в наказание за проступок или за вину [30, С. 190, 209]. Впрочем, уголовная ответственность в этом случае вовсе не исключалась, хотя и имела более мягкий характер. Самым строгим наказанием, которое мог понести господин за убийство холопа, являлся штраф, уплачивавшийся в пользу Государя (Флетчер) [71, С. 82].

Одним из самых спорных понятий Судебника 1497 г. является «головная татьба» (ст. 9, 10). Мнения ученых относительно того, что означает этот термин, разделились. Одни убеждены, что этим понятием охватывалось похищение людей, в основном холопов [32, С. 224-226], другие считают, что головной татьбой была кража, соединенная с убийством [66, С. 58]. На наш взгляд, точнее всего сущность головной татьбы определяет Герберштейн, который характеризует ее как похищение человека с целью продажи его в рабство [9, С. 183]. Даваемая Герберштейном трактовка представляется верной по двум причинам: во-первых, в связи с вышеуказанными «особенностями перевода» ему текста Судебника, а во-вторых, поскольку она находит подтверждение в Указе 1557/58 г. [20, № 28]. Данный акт вводил уголовную ответственность за обращение вольных людей в холопство путем оформления на них поддельных холопских грамот. Наиболее важное с точки зрения интересующего нас вопроса положение Указа заключается в предписании казнить виновных и их сообщников «как и головного татя». Таким образом, законодатель, по сути, ставил знак равенства между составлением подложных холопских грамот и головной татьбой, что было вполне оправданно, если под головной татьбой понималось похищение людей для продажи их в рабство. Несмотря на

различные способы посягательства на правоохраняемый объект, и в том, и в другом случае налицо было одно и то же преступление – незаконное лишение человека свободы.

Не остались без внимания иностранцев и такие преступления против собственности, как разбой и кража.

Иностранные свидетельства о наказании разбойников единичны и противоречивы. Иовий без каких-либо пояснений просто заявляет о том, что разбой карался смертью [22]. Хуан Персидский, напротив, говорит, что разбойников помещали в тюрьму пожизненно, поэтому «человек, раз совершивший преступление, не может совершить его в другой раз, ибо он как бы заживо погребается в могиле». Именно этим, по мнению Хуана Персидского, объясняется то, что в Московском Государстве якобы вовсе нет разбойников [74, С. 179]. Утверждения и о смертной казни, и о пожизненном лишении свободы за разбой имеют под собой основание, поскольку оба наказания в разное время были известны законодательству. Согласно ст. 8 Судебника 1497 г. любое преступление, в том числе разбой, наказывалось смертной казнью, если оно было совершено «ведомым лихим человеком», то есть лицом, пользовавшимся среди местных жителей репутацией явного злоумышленника, закоренелого, профессионального преступника, уже неоднократно проявлявшего свои криминальные наклонности. О том, что «отъявленный разбойник» подлежал смертной казни, пишет и Петрей [53, С. 430]. Что касается пожизненного лишения свободы за разбой, то оно, в частности, предусматривалось Второй Уставной книгой Разбойного приказа 1616/17 г. (ст. 7-9, 11, 12) [20, № 80].

Гораздо чаще разбоя в работах иностранцев упоминается кража, причем бросается в глаза то, что русский подход к ее наказуемости вызывает у «иноземцев», например, у англичан Ченслера и Адамса, у Петрея, Олеария [76, С. 451-452; 1, С. 60; 53, С. 431; 49, С. 432-433] и других искреннее удивление. Дело в том, что ни Судебники, ни Уложение, ни другие русские законы не карали смертной казнью татьбу, учиненную в первый раз. Исключение из этого правила составляли лишь церковная татьба, фактически являвшаяся не столько преступлением против собственности, сколько преступлением против Церкви, а также татьба, соединенная с убийством. В последнем случае, впрочем, главным преступлением в паре, за которое, собственно, и назначалась смертная казнь, было убийство, а не татьба. В остальных случаях при совершении кражи впервые высшая мера наказания не допускалась независимо от предмета кражи, его стоимости и других обстоятельств. Иностранцам, привыкшим к тому, что при определенных условиях их воры могли быть казнены и за первую кражу, мягкость русской карательной политики казалась довольно необычной и, наверно, даже странной, а потому особо отмечалась ими в записках о России.

Но как настоящая «русская экзотика» иностранцами воспринималось то, что в Московском Государстве в отличие от Европы не карались смертной казнью такие сексуальные извращения, как скотоложство и мужеложство. Например, Герберштейн, констатируя, что в России вообще редко прибегают к высшей мере наказания, делает примечательную ремарку: «Даже скотоложцы и те не подвергаются смертной казни» [9, С. 182]. По утверждению Витсена, того, кто имел дело с коровой, привязывали к ее рогам за половой член и в таком виде прогоняли по улицам, избивая кнутом [7, С. 133]. Относительно же наказания за мужеложство имеется любопытное известие Мейерберга о монахе, сознавшемся в длительной блудной связи с подростком. По словам австрийца, «когда позвали того в суд и поставили перед распутником, он не отперся от преступления, извиняя его преувеличенной человеческой слабостью. Пожалуй, кто-нибудь, вспомнив Божию кару нечестивым пяти городам, вообразил себе костер, сложенный в возмездие за открытое, да еще и сознание преступление. Но хотя это было бы здесь кстати, только вышла бы неправда. Напротив, этот добродетельный смертный освобожден был от уголовного наказания, а лишь посажен на несколько дней в смиренный дом и потом сослан на 42 дня в другой монастырь просеивать муку для очищения ее от отрубей». Подросток же был просто возвращен отцу [45, С. 71]. Из прочих сексуальных отклонений, возможно, лишь кровосмешение могло повлечь за собой смертную казнь. По крайней мере, подобное предположение можно сделать на основании сообщения Корба об осуждении на смерть капитана за «недозволенную связь» со своей 8-летней дочерью [33, С. 222].

Что касается других половых преступлений, то они также не подлежали смертной казни. Из всех иностранцев лишь Давид говорит о высшей мере наказания за прелюбодеяние, но и он при этом уточняет, что смертной казни заслуживало не любое прелюбодеяние, а «разве только уж очень позорное» [16, С. 96].

По способам приведения смертных приговоров в исполнение смертная казнь подразделялась на простую и квалифицированную. Простая смертная казнь осуществлялась через повешение, отсечение головы, утопление и посредством удара в голову. К квалифицированным видам смертной казни относились сожжение, четвертование, заливка горла расплавленным металлом, сажание на кол, окопание в землю и колесование.

Самым распространенным способом казни являлось повешение. Оно могло применяться за различные преступления, но в первую очередь за кражу и разбой. Именно повешение являлось специальным видом смертной казни для воров и разбойников (Герберштейн, немец Лизек) [9, С. 181; 38, С. 384]. О повешении на дереве иностранцы, за исключением Массы [44, С. 62], умалчивают, хотя косвенное указание на это можно

усмотреть в словах Герберштейна о том, что он видел повешенных, «у которых ступни отвалились или были отъедены волками, видел также, как волки терзали трупы – так низко их вешают» [9, С. 181]. Кроме того, есть любопытное утверждение Коллинса о том, что «виселица недавно введена в употребление» [30, С. 210]. Никаких уточнений относительно того, когда же именно в России стало практиковаться повешение на виселице – 20, 50, 80 или, быть может, 150 лет назад – Коллинс не делает, поэтому его высказывание, конечно, вызывает определенные сомнения. Из других же иностранных источников можно заключить, что виселицы использовались и в начале XVII в. (нидерландец Геркман) [10, С. 240-241, 259-260], и в XVI в., например, в царствование Ивана Грозного (Петрей) [53, С. 252].

Судя по описаниям Геркмана, Витсена, Коллинса, Давида и хорвата Гундулича, процедура повешения выглядела следующим образом. Осужденный самостоятельно поднимался к палачу, который после взаимного целования надевал ему на голову митру или белую повязку с красным крестом, закрывавшую все лицо. Затем палач набрасывал приговоренному на шею толстую плетеную петлю (лубяную, мочальную), перекидывал другой конец веревки через перекладину и без помощи лестниц вздергивал его, так что он висел на небольшом расстоянии от перекладины. Иногда преступник сам вкладывал голову в петлю и спрыгивал с подмостков по приказу палача. Поскольку у осужденного руки оставались свободными, он крестился так долго, как мог. Если веревка обрывалась, то казненного поднимали и снова вешали. Если же повешенный долго не умирал из-за того, что петля не была крепко затянута, наступление смерти могли ускорить, ударив его по голове [10, С. 240-241, 259-260; 7, С. 132; 30, С. 210; 16, С. 96; 14, С. 146].

Нередко упоминая такой вид смертной казни, как обезглавливание, и, в частности, отмечая, что отсечением головы могли казнить, скажем, за умысел против Государя (Масса) [44, С. 97] и за убийство (Олеарий) [49, С. 432], иностранцы тем не менее крайне мало говорят о том, что оно из себя представляло. Многие из них лишь подчеркивают, что в Московском Государстве преступникам отрубали головы не мечом, как поступали европейцы, а топором (Рейтенфельс, Шлейссингер) [59, С. 327; 77, С. 120]. Единственное относительно подробное описание данной формы смертной казни можно встретить у Давида. По его словам, «когда осужденный прибывает к месту казни, ему бросают какое-нибудь бревно из ближайшего забора или изгороди, осужденный выслушивает приговор, который ему зачитывают, трижды осеняет себя крестным знамением, если он русский, и, повернувшись к зрителям, говорит: «простите меня» – и тут же ложится на землю, скрестив несвязанные руки на спине, голову кладет на бревно, и один из палачей ее отрубает, одним ли ударом или несколькими» [16, С. 96]. К сказанному Давидом можно лишь добавить, что обезглавливание

могло производиться не только на бревне, но и на плахе (Бухау, Масса) [17, С. 61; 44, С. 97].

Особенности российского климата вносили в смертную казнь вообще и посредством утопления в частности местный колорит. Он выражался в том, что преступников казнили, в том числе топили, в основном зимой, ибо летом «этому мешают дела военные» (Герберштейн, Флетчер) [9, С. 182; 71, С. 82]. Осужденных топили, пуская под лед (Маскевич, Коллинс) [43, С. 54; 30, С. 210], предварительно ударив по голове (Флетчер) [71, С. 82]. В другое время года осужденных, видимо, казнили иначе, а именно помещали в бочку с камнями и топили в реке (Петрей) [53, С. 431]. В силу простоты и удобства к казни путем утопления, вероятно, прибегали довольно часто (Поссевино, Флетчер) [57, С. 26; 71, С. 82]. Что касается преступлений, за которые она могла последовать, то к ним иностранцы относят, например, умысел на особу Государя (Маскевич) [43, С. 54], заговор против него (Коллинс) [30, С. 210], ненадлежащую охрану Царевича (немец Бер) [5, С. 13] и повторную кражу, если вор был не в состоянии вернуть потерпевшему похищенные у него деньги и уплатить штраф в пользу судьи (Петрей) [53, С. 431].

Умерщвление преступника посредством удара в голову имело двойное применение: с одной стороны, оно могло выступать в качестве самостоятельного вида смертной казни (Флетчер) [71, С. 82], а с другой, как видно из вышеизложенного, могло быть частью иных казней.

Смертной казни через сожжение подвергались религиозные преступники и поджигатели. В отличие от Европы в России не было принято сжигать преступников на костре. Место этого практиковалось сожжение в срубе, который иностранцы единодушно называют «домиком» (Рейтенфельс, Давид) [59, С. 327; 16, С. 96]. Наиболее детальное описание того, как происходило сожжение в срубе, содержится в работе Витсена: «Здесь был сложен костер в виде домика из квадратно уложенных друг на друга бревен; вокруг и внутри «домика» полно соломы, примерно на два фута высоты. Страдалец влез туда наверх сам, свободно, ничем не связанный, перекрестился на все четыре стороны и сказал присутствующим – «прости» (простите). Затем палач поднял одну или две балки, и монах прыгнул внутрь, а над его головой сдвинули балки. Как только палач слез, зажгли солому с четырех сторон одновременно, так что «домик» сразу вспыхнул. Монах крикнул только раза два, заметался в огне и задохнулся от дыма. Это было ужасно, через щели видны были муки страдальца. Размер этого «домика» был примерно 12 футов в квадрате, немного выше человеческого роста» [7, С. 131-132]. Говоря о сожжении еретиков в срубе, Коллинс считает необходимым заметить, что «довольно и слишком строго это наказание» [30, С. 196]. Фраза англичанина, однако, весьма туманна, из нее трудно понять, что же конкретно вызывает его неодобре-

ние: то ли он полагает, что сожжение в срубе является менее гуманным, нежели сожжение на костре; то ли его критика касается самого наказания за ересь, которое он находит чрезмерно суровым для данного преступления.

Наказание поджигателей базировалось на принципе талиона, то есть на идее материального соответствия наказания преступлению («око за око, зуб за зуб»). Казнили поджигателей не только традиционным путем, но и иными способами, например, привязав преступника к бревну и разведя под ним медленный огонь (Койэтт) [29, С. 503].

Четвертование применялось в основном к государственным преступникам (Бухау, Лизек) [17, С. 61; 38, С. 384], хотя возможно, что таким образом могли казнить и за другие преступления. Приговоренный ложился на землю или на помост, клал руки, ноги и голову на бревна или плаху, после чего палач их отсекал топором (Витсен) [7, С. 132]. Судя по тому, что и в иностранных, и в русских источниках упоминается лишь четвертование «снизу вверх», при котором казнимому сперва отрубили конечности и лишь затем голову, к четвертованию «сверху вниз», производившемуся в противоположной последовательности, в Московском Государстве не прибегали.

Еще одной специфической чертой четвертования и других квалифицированных казней в допетровской России было то, что они совершались в «чистом» виде, без каких-либо дополнительных истязаний осужденного (жжения его огнем, рвания клещами и т.п.). Причем подобного подхода придерживались в отношении всех преступников, даже самых «выдающихся», что резко контрастировало с европейскими уголовно-правовыми нравами [61, С. 43-45]. В частности, обычному четвертованию подвергся не кто иной, как Стенька Разин, на тот момент являвшийся, наверное, самым страшным бунтовщиком во всей русской истории. По свидетельству англичанина Хебдона, после объявления смертного приговора Разина «тут же <...> подвели к плахе на площади перед крепостью и там отрубили руки, ноги, потом и голову и насадили их на пять кольев, а туловище оставили на земле, псам на съедение – смерть, достойная такого злодея» [73, С. 130]. Аналогично описывают смертную казнь Разина Рейтенфельс и немец Мерц (Марций) [59, С. 327; 42, С. 74-75]. Кстати, исключительный характер совершенных Разиным и его сообщниками злодеяний, по всей видимости, давал отдельным иностранцам основание предполагать, что Разина ожидает лютая казнь, которая «будет состоять в медленных пытках во устрашение всех бунтовщиков и их пособников в этой стране и <...> во всем мире» (Неизвестный англичанин) [55, С. 13]. Однако тех, кто рассчитывал увидеть нечто похожее на западноевропейские казни особо опасных преступников ожидало, вероятно, жуткое разочарование.

Залитие горла являлось особым видом смертной казни за фальшивомонетничество. Как и при определении формы казни для поджигателей

при выборе наказания для фальшивомонетчиков законодатель и правоприменители явно руководствовались принципом талиона, считая, что оно в данном случае должно исполняться способом, аналогичным тому, который был использован самим преступником. С подобным решением полностью солидарен Коллинс, убежденный в том, что «нет закона справедливее того, который повелевает, чтобы умирали от того, чем убивают» [30, С. 210]. О процедуре смертной казни фальшивомонетчиков сообщения иностранцев предельно лаконичны. И Коллинс, и Стрейс ограничиваются констатацией того, что фальшивомонетчикам вливали в горло расплавленный металл, правда, Коллинс при этом уточняет, что таковым являлось олово [30, С. 210; 65, С. 344]. Согласно русским источникам, кроме олова преступникам могли заливать в горло свинец, а также тот металл, из которого были изготовлены поддельные деньги [20, № 236; 34, VII, 34].

Вопреки заявлению Геркмана о том, что сажание на кол являлось «обычной у русских казнью» [10, С. 259], оно применялось лишь за наиболее опасные посягательства, например, за церковную татьбу (Петрей) [53, С. 430] и за государственные (политические) преступления (Масса, поляк Мархоцкий) [44, С. 137; 41, С. 106]. По утверждению Геркмана, сажали на кол следующим образом: «Берут длинный деревянный кол, заостряют его с одного конца, который очень гладко намазывается мылом, втыкают этот конец в задний проход преступника и с другого конца большим молотом ударяют по колу до тех пор, пока он не пройдет до самого горла, затем его поднимают и оставляют страдальца умирать в сидячем положении» [10, С. 259]. Впрочем, на взгляд Н.Д. Сергеевского, приведенное Геркманом описание «столь невероятно и столь противоречит всем прочим известиям, что мы не считаем возможным доверять ему» [64, С. 112]. Скорее всего, Н.Д. Сергеевский прав, так как если бы тот способ сажания на кол, о котором повествует Геркман, действительно являлся общепринятым в России, на него наверняка бы обратили внимание и другие иностранцы. Но поскольку никто из них его не упоминает, это значит, что если он и употреблялся, то лишь в единичных случаях. По общему же правилу, сажание на кол совершалось традиционным способом, описанным Н.Д. Сергеевским [64, С. 112]. Если палач не попадал осужденному колом в сердце, его смерть могла наступить, в зависимости от различных обстоятельств, через полдня, через день и даже через два дня (Петрей) [53, С. 430-431]. Учитывая, что посаженный на кол мог довольно долго сохранять полное сознание, его допросы могли продолжаться даже непосредственно во время казни (Масса) [44, С. 137].

Окопание в землю назначалось исключительно за мужеубийство. Виновую закапывали в землю (по словам Койэтта, на месте преступления) в стоячем положении по грудь или шею со связанным сзади руками и ос-

тавляли без пищи и воды. Сменявшаяся каждую ночь стража следила за тем, чтобы никто не кормил и не поил осужденную. Днем рядом с ней находился священник, который зажигал вокруг нее свечи и читал молитвы и утешения. Медленная и мучительная смерть окопанной наступала от голода и жажды, зимой от холода, а также от нападений собак и птиц. Хотя закон запрещал удовлетворять просьбы детей или иных родственников убитого о прощении преступницы (ст. 14 гл. 22 Уложения), иногда казнь прекращалась, и помилованную постригали в монахини (Коллинс, Рейтенфельс, Койэтт, Таннер, Давид, Перри) [30, С. 199; 59, С. 326-327; 29, С. 509; 16, С. 96; 67, С. 81-82; 52].

Из всех квалифицированных видов смертной казни окопание в землю производило на иностранцев, пожалуй, наиболее сильное впечатление. Например, по оценке Рейтейнфельса, увиденная им казнь двух преступниц представляла «поистине потрясающую картину» [59, С. 326], а Таннер характеризует окопание в землю как «тиранский или уж вовсе зверский» способ казни. Именно чех стал свидетелем, наверно, самой жестокой казни мужеубийцы в истории Московского Государства, которая в его изложении выглядела так: «За мужеубийство ей назначили кару: обнажив и связав ей назад руки, закопать ее до половины в землю на трое суток, а по прошествии их отпустить на свободу. Что же вышло? Голодные, тощие собаки, бегающие по всему городу, почуяв, напали на несчастную, стали ее кусать и, несмотря на то, что она отбивалась, к ужасу присутствовавших (ибо они даже защитити ее не смели) терзать. Безоружная, вопя и барахтаясь, скрежеща зубами, коими схватила не одну собаку, она защищалась, как могла, наконец потеряла силы и через несколько времени умерла. Собаки ее после вырыли и почти целиком сожрали» [67, С. 81-82].

Хотя Петрей и Рейтенфельс и называют колесование среди прочих видов смертной казни, никаких пояснений относительно того, как оно совершалось, они не делают [53, С. 430; 59, С. 327]. Петрей лишь замечает, что колесованию подлежал пойманный на большой дороге или на месте преступления «отъявленный разбойник», однако его высказывание не находит подтверждения в других источниках. Судя по всему, колесование стало частью российской карательной практики только в самом конце XVII в.

Помимо вышеперечисленных, в работах иностранцев упоминаются и некоторые другие изощренные виды смертной казни, например, натравливание на осужденного собак (Петрей) [53, С. 259], отдача его на съедение медведям (итальянец Барберини) [3], кипячение в котле с маслом (нидерландец Хутеерис) [75] и др., но все они относятся к царствованию Ивана Грозного, значительный промежуток которого являлся аномальным периодом в истории уголовного права Московского Государства. К тому же, далеко не факт, что все те ужасные казни, которые приписываются

первому русскому Царю, на самом деле имели место, а не были придуманы с целью дискредитации России и ее Монарха.

Одной из самых ярких особенностей русского права, в целом верно подмеченных многими иностранцами, являлось то, что вынесение смертных приговоров в силу принципиальной важности этого вопроса входило в компетенцию центральной власти. Руководители на местах не имели самостоятельного права казнить преступников, хотя и были наделены широкими полномочиями в сфере уголовного судопроизводства. Наместники и губные старосты задерживали подозреваемых, заключали их под стражу и проводили необходимые следственные действия, после чего направляли собранные материалы в Москву для принятия решения по делу (Флетчер, Маржерет) [71, С. 54-55; 40, С. 27-28]. Воеводы также были обязаны передавать наиболее серьезные дела на рассмотрение Царя и не могли никого лишить жизни, предварительно не сообщив об этом в столицу (Рейтенфельс) [59, С. 320]. С тем, что круг лиц, наделенных правом осуждать преступников на смерть, должен быть очень ограниченным, полностью согласен литовец Миколаевич (Михалон Литвин). Критикуя заведенный в Великом Княжестве Литовском порядок, по которому «у нас по всем деревням и городам выносятся приговоры людям», он предлагает брать пример с Московского Государства, где «ни один чиновник не может казнить человека, пусть и уличенного в преступлении, кроме столичных судей» [47, С. 89].

Относительно того, какие именно «столичные судьи» приговаривали правонарушителей к высшей мере наказания, свидетельства иностранцев несколько расходятся. Авторы английской рукописи «Писанные законы России» утверждают, что такое право принадлежало Разбойному приказу [54, С. 197], Флетчер говорит о Боярской думе [71, С. 81-82], поляк Гваньини – о Государе и «главных чиновниках» [8, С. 87], а Герберштейн указывает на то, что привилегией карать преступников обладали лишь Государь и те, кому он это поручал [9, С. 172]. Из слов Неизвестного англичанина и его соотечественника Дженкинсона о том, что все судебные дела восходят к Государю, который выносит по ним решения [50, С. 22; 18, С. 34], также косвенно следует, что право жизни и смерти являлось прерогативой Монарха.

Централизованный подход к решению вопроса об избрании преступникам высшей меры наказания, видимо, давал Михалону Литвину и авторам «Писанных законов России» основание заявлять, что не только вынесение смертных приговоров, но и сами казни производились исключительно в Москве [47, С. 89; 54, С. 197]. Схожим образом, хотя и не столь категорично, высказывается и Герберштейн. Из его слов явствует, что, во-первых, не все «злодеи» отвозились в столицу, а лишь большинство из них, а во-вторых, помимо Москвы, преступников казнили и в других

главных городах [9, С. 182]. В сочинении же Флетчера можно встретить диаметрально противоположные сведения на этот счет. По его свидетельству, задержанный «содержится в тюрьме того места, где совершено преступление, и никогда не пересылается туда, где решается само дело». Если его в итоге признавали виновным и приговаривали к смертной казни, то обвинительный приговор направлялся по месту нахождения осужденного, где и приводился в исполнение [71, С. 81-82].

Из различных юридических актов Московского Государства видно, что, по общему правилу, преступников действительно казнили по месту совершения ими преступлений или по месту их жительства, причем порой об этом четко говорилось в законе. Например, ст. 123 Новоуказных статей об татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. прямо предписывала «воров», то есть преступников, «вершить в тех местах, где они воровали, или где они жили» [56, № 441]. Очевидно, что с течением времени, по мере расширения территории страны и увеличения численности населения данный порядок исполнения смертной казни становился все более естественным.

После объявления смертного приговора осужденный помещался в тюрьму, где в течение шести недель должен был «каяться при суровых условиях жизни» (Олеарий) [49, С. 432]. За три дня до казни к нему приходил священник, который принимал исповедь и причащал его (Давид) [16, С. 96]. Впрочем, указанный порядок, видимо, не всегда неукоснительно соблюдался, поскольку у Витсена вызывает удивление такая «странность» русского правосудия, как то, что «люди едва за два часа до смерти узнают, что умрут» [7, С. 132]. Давид же со своей стороны отмечает, что священника приглашают к осужденному «редко и из высшей милости» [16, С. 96]. Кроме того, упрощенный порядок казни, вероятно, применялся в отношении бунтовщиков. Их могли казнить непосредственно в ходе усмирения мятежа или вскоре после его подавления, например, на следующий день (шотландец Гордон, Мейерберг) [12, С. 166-167; 45, С. 172-173].

Приговоренный шел к месту казни пешком или ехал в санях, при этом его мог сопровождать священник (Витсен, Давид) [7, С. 132; 16, С. 96]. Конвой, как правило, был небольшим, однако если предстояла казнь какого-нибудь знаменитого «злодея», то охрану существенно усиливали (Рейтенфельс, Давид) [59, С. 327; 16, С. 96]. Во главе процессии иногда шел мальчик с иконой в руках (Давид) [16, С. 96]. Осужденный мог идти свободно, без кандалов, или, наоборот, со скованными руками и ногами, держа зажженную свечу (Флетчер, Давид) [71, С. 82; 16, С. 96].

В отличие от Европы в Московском Государстве отсутствовали специально оборудованные стационарные эшафоты и виселицы. Вместо этого чаще всего использовались скамьи, на которых без всякого караула находились писец, оглашавший приговор, и два его помощника, перед

которыми «без особого труда происходит казнь прямо на улице» (Витсен) [7, С. 133]. Виселицу же просто перевозили на то место, где должна была совершаться казнь (Давид) [16, С. 96].

По окончании казни «для острастки народа» труп казненного мог быть оставлен на определенное время на виселице, на коле или на земле (немецкое «Истинно правдивое описание», Штаден) [23, С. 140; 78, С. 403], а если преступник был обезглавлен или четвертован, то отсеченные части тела могли быть воткнуты на колья или прибиты к виселице (Витсен, Рейтенфельс) [7, С. 132; 59, С. 327]. Для оповещения окружающих о том, за что именно был казнен преступник, к его одежде иногда прикреплялась соответствующая записка (Штаден) [78, С. 403]. Через некоторое время труп убирали и сбрасывали в «Божий дом», то есть специальную общую могилу в поле за городом, где раз в год совершалась поминальная служба и панихида (Витсен, Стрейс) [7, С. 133; 65, С. 340]. Иная участь ожидала церковных татей: их трупы отвозили за городские ворота, сжигали в пепел и засыпали это место песком и золой (Петрей) [53, С. 430-431].

По свидетельству неизвестного англичанина, казненные не получали так называемый «паспорт», представлявший собой выдававшийся церковными властями особый документ, который вкладывался в руку покойного в подтверждение того, что он жил как истинный православный христианин [50, С. 28].

Чрезвычайно важной чертой русского уголовного права, существенно отличавшей его от западноевропейского, являлось то, что в Московском Государстве смертная казнь применялась довольно умеренно. Об этом пишут многие иностранцы, в частности, Бухау, Маскевич, Коллинс, Давид [17, С. 61; 43, С. 54; 30, С. 205; 16, С. 96]. Еще реже встречались в России квалифицированные виды смертной казни. К ним прибегали только в том случае, если преступники, по словам Герберштейна, «совершили что-нибудь слишком ужасное» [9, С. 181].

Относительно небольшое число приводившихся в исполнение смертных приговоров далеко не в последнюю очередь было обусловлено широкой практикой прощения преступников Верховной властью. В сочинениях иностранцев часто упоминаются случаи помилования преступников, осужденных на смерть, например, за умысел против Государя (Масса, француз де Ту) [44, С. 97; 69, С. 338-339], убийство (датское «Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве») [21, С. 26], нанесение ранений (датчанин Гюльденстиерне) [15] и другие преступления. Великодушие государства по отношению к преступникам выражалось в полном освобождении их от уголовной ответственности либо в замене смертной казни на иные, более мягкие наказания. О помиловании объявлялось по праздникам, в дни рождения членов Царской Семьи, во время

тяжелой болезни Государя (Флетчер, Коллинс) [71, С. 42; 30, С. 289-290], оно также осуществлялось и в обычном режиме, вне связи с какими-либо знаменательными событиями (поляк Груневег, Рейтенфельс) [13, С. 19-21; 59, С. 326-327].

Помимо сугубо правовых аспектов смертной казни, в записках «иноземцев» о Московском Государстве нашли отражение некоторые юридико-психологические нюансы, касавшиеся исполнения данного наказания. И судя по тому, что пишут иностранцы о поведении русского народа во время казней, нашим предкам не была свойственна та жестокость и кровожадность, которая являлась неотъемлемым атрибутом западноевропейского восприятия смертной казни [61, С. 53-61].

В сочинениях иностранцев о России, даже в тех из них, которые принадлежат перу наиболее русофобски настроенных авторов, не зафиксировано случаев, чтобы казни в Московском Государстве сопровождалась восторженным ревом толпы, смехом и пением песен, швырянием в осужденного всякой дрянью и прочими неистовствами. Почти не было и попыток вырвать преступника из рук охраны и устроить над ним самосуд либо разорвать в клочья труп казненного. Одним из редчайших случаев подобного рода была несостоявшаяся казнь главы Земского приказа Плещеева, которого в разгар московского восстания 1648 г. власть, дабы погасить кипящие страсти, фактически выдала разъяренным бунтовщикам (анонимные иностранные описания московского бунта 1648 г.) [36; 58]. Пришедшие на казнь нередко вручали осужденному свечи, которые горели в течение казни и после нее. Собравшиеся также подавали милостыню жене и детям казненного (Гундулич, Витсен) [14, С. 146; 7, С. 132-133]. По окончании казни зрители молча расходились (Койэтт) [29, С. 514]. Если в ходе казни, непосредственно перед приведением приговора в исполнение, сообщалось о помиловании преступника, то народ не возмущался тем, что его лишили «самого интересного», а наоборот, испытывал облегчение и радость (Масса) [44, С. 97].

Спокойная обстановка, окружавшая смертную казнь, судя по всему, оказывала влияние и на самочувствие приговоренных, в какой-то мере придавая им ту крепость духа, которая так поражала иностранцев, вероятно, привыкших лицедрать у себя дома совершенно иные сцены. Например, Витсен, которому довелось стать свидетелем нескольких русских казней, восклицает: «Как покорно подымаются эти люди, когда их собираются пожаловать петлей! Все не связаны, сами идут наверх к палачу, который набрасывает им на шею толстую лубяную петлю и, после взаимного целования, вздергивает их. Не успеешь оглянуться, и дух уже вон, без всякого труда палача. Они крестятся, пока руки двигаются» [7, С. 132]. Схожим образом описывает увиденные им казни и Перри: «Русские ни во что ставят смерть и не боятся ее. Вообще замечают, что когда им приходится идти на казнь, они делают это совершенно беззаботно. Я сам видел, как

многие из них шли с цепями на ногах и с зажженными восковыми свечами в руках. Проходя мимо толпы народа, они кланялись и говорили: «Простите, братцы!» и народ отвечал им тем же, прощаясь с ними; и так они клали головы свои на плахи и с твердым, спокойным лицом отдавали жизнь свою» [52].

Принципиально важной особенностью общественного восприятия высшей меры наказания в Московском Государстве являлось и то, что если власть, с точки зрения народа, злоупотребляла своим правом карать преступников, переходя через ту незримую грань, за которой законная казнь перерастала в «мучительство», она сама подвергалась резкому осуждению со стороны народа. Очень наглядный пример открытого общественного порицания неправомерных, в глазах народа, действий власти, описан Петреем. По его словам, 25 июля 1570 г. на Красной площади должна была состояться массовая казнь, для чего на ней были поставлены 18 виселиц и разложены разнообразные орудия пыток. Увидев все эти страшные приготовления, народ высказал свое недвусмысленное отношение к предстоявшей казни и ее организаторам, если можно так выразиться, «ногами», просто разбежавшись в ужасе куда попало. В итоге когда Иван Грозный с телохранителями и палачами въехали на площадь, она к их изумлению оказалась совершенно пуста, словно все вымерло. Лишь после долгих уговоров народ стал мало-помалу сходить на площадь [53, С. 252-253].

Наконец, в некоторых иностранных сочинениях о России обращается внимание еще на одно различие во взглядах русских и европейцев на исполнение уголовных наказаний вообще и смертной казни в частности. В то время как в Европе профессия палача считалась бесчестной, и ее представители, как следствие, занимали низкое социальное положение [37, С. 229-230], в Московском Государстве на палачей смотрели иначе. Если тесного общения с ними, возможно, и старались избегать, то открытого презрения не испытывали (заявление Олеария о том, что из-за «сильного подражания немцам» отношение русских к палачам постепенно изменилось и стало похоже на европейское [49, С. 435], выглядит явно надуманным и не подкрепляется другими свидетельствами). Более того, поскольку палаческое ремесло, не будучи позорным, приносило неплохой доход, должность палача охотно замещалась, продавалась и перепродавалась и даже приобреталась за взятки (Олеарий, Стрейс, Койэтт) [49, С. 435-436; 65, С. 344; 29, с. 324-325].

Кстати, говоря о русских палачах, нельзя не упомянуть еще два обстоятельства, отмеченных иностранцами. Во-первых, судя по утверждению Коллинса о том, что «должность палача наследственна, и он учит детей своих сечь кожаные мешки» [30, С. 210], в России, как и в Европе, существовали династии палачей. А во-вторых, в случае необходимости

проведения массовых экзекуций и при нехватке палачей в помощь им в обязательном порядке выделялось несколько человек из числа мясников (Олеарий) [49, С. 436]. В этом также прослеживается определенное сходство между русской и европейской карательной практикой.

В завершение работы хотелось бы отметить одну закономерность, которая бросается в глаза при ознакомлении с теми фрагментами иностранных сочинений о Московском Государстве, в которых затрагивается уголовно-правовая проблематика, в том числе вопросы, касающиеся смертной казни.

Когда иностранцы сообщают о преступлениях, каравшихся смертной казнью, о ее способах и порядке исполнения, о поведении присутствовавших на казни и т.д., то есть говорят о различных *фактах*, связанных с высшей мерой наказания, их свидетельства, как правило, носят в целом правдивый характер, поскольку находят подтверждение в соответствующих источниках (нормативных правовых актах, судебных приговорах и т.д.). Да и само повествование в этом случае отличается спокойным, ровным, а подчас даже несколько официально-«сухим» тоном.

Однако все меняется, когда иностранные авторы переходят от конкретных фактов к общим *оценкам* русского уголовного права. От былой объективности чаще всего не остается и следа, вместо этого записки «иностранцев» начинают пестреть фразами о том, что в России якобы существуют и применяются «суровейшие» (да Колло) [31, С. 58] и «варварские» (Олеарий) [49, С. 362] наказания, что «русские очень жестоки в наказании преступлений» (Койэтт) [29, С. 509], что «в Москве людей убивают легче, нежели в других странах собак» (Рейтенфельс) [59, С. 325], и т.п. В общем, на первый план выходит явное стремление представить «москвитов» в виде дикого и нецивилизованного народа, совсем не похожего на гуманных и просвещенных европейцев. Причина появления на свет столь лживых, а учитывая воистину ужасающее положение дел в этой сфере в самой Европе, и в высшей степени лицемерных оценок достаточно очевидна и заключается в традиционной европейской мании величия, высокомерии и менторских замашках. Помноженное же на свойственную европейцам русофобию, все это делает подобные «обличения» едва ли не неотъемлемой частью сочинений иностранцев о России. И хотя в них порой встречаются гораздо более взвешенные утверждения о том, что в Московском Государстве «для разбойников, убийц и злодеев определены строгие наказания» (итальянец Фоскарино) [72], которые являются «иными, чем в других странах» (Стрейс) [65, С. 344], они, к сожалению, не влияют на итоговую неприглядную картину.

Единственный выход в этой ситуации для любого желающего познать уголовное право Московского Государства таким, каким оно реально было, состоит в том, чтобы по возможности отбросить в сторону все давае-

мые иностранцами общие оценки и опереться исключительно на излагаемые ими проверенные факты.

Список литературы:

1. Адамс К. Английское путешествие к москвитам / Первое путешествие Англичан в Россию в 1553 году // Журнал Министерства народного просвещения. – 1838. – № 10.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. – СПб., 1842. – Т. 4.
3. Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus14/Barberini/text2.phtml?id=2202.
4. Баус Дж. Посольство Ер. Бауса (1583-84 гг.) / Известия англичан о России во второй половине XVI века // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – М., 1884. – Кн. 4.
5. Бер М. Летопись московская, с 1584 года по 1612 // Сказания иностранцев о Дмитрие Самозванце. – СПб., 1859. – Т. 2.
6. Буссов К. Московская хроника. 1584-1613 // Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». – М., 1998.
7. Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664-1665: Дневник. – СПб., 1996.
8. Гваньини А. Описание Московии. – М., 1997.
9. Герберштейн С. Московия. – М., 2007.
10. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Димитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Хроники Смутного времени / К. Буссов. А. Елассонский. Э. Геркман. «Новый летописец». – М., 1998.
11. Главинич С. Себастьян Главинич о происшествиях Московских // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – М., 1875. – Кн. 1.
12. Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его пребывания в России 1661-1678 гг. // Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. – М., 2000.
13. Груневег М. Мартин Груневег о Борисе Годунове / А.Л. Хорошкевич. Тиран и заступник. Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года // Родина. – 2004. – № 12.
14. Гундулич Ф. Путевой дневник рагузского дворянина Франциска Гундулича, сопровождавшего посольство германского императора Фер-

динанда III к царю Алексею Михайловичу / К. Петкович. Путешествие из Вены в Москву в 1655 году // Русский вестник. – 1869. – № 9.

15. Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus11/GuelDENsterne/text2.phtml?id=389.

16. Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. – 1968. – № 3.

17. Даниил, принц из Бухова. Начало и возвышение Московии // Московское государство XV-XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. – М., 2000.

18. Дженкинсон А. Путешествия м. Антона Дженкинсона / Известия англичан о России во второй половине XVI века // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – М., 1884. – Кн. 4.

19. Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи / Неизвестный автор. И. Корб, И. Желябужский, А. Матвеев. – М., 1997.

20. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. – Л., 1986.

21. Известие о поездке в Россию Вольдемара Христиана Гильденлеве, Графа Шлезвиг-Голштинского, сына датского Короля Христиана IV от Христины Мунк, для супружества с дочерью Царя Михаила Федоровича, Ириною // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – М., 1867. – Кн. 4.

22. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к Папе Клименту VII-му. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml?id=574.

23. Истинно правдивое описание / А. Каппелер, Р.Г. Скрынников. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. – 1999. – № 1.

24. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. – М., 1896.

25. Кампани П. Записки / Л.Н. Годовикова. Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани // Вестник Московского университета. Серия 9. История. – 1969. – № 6.

26. Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frametext.htm.

27. Карлейль Ч. Описание Московии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus14/Carlisle/text2.phtml?id=1780.

28. Кильбургер И.Ф. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась чрез всю Россию в 1674 году // Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). – М., 1991.

29. Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. – СПб., 1900.

30. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича 1667 г. // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс. Я. Рейтенфельс. – М., 1997.

31. Колло Ф., да. Итальянец в России XVI века. Франческо да Колло. Доношение о Московии. – М., 1996.

32. Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в.). – М., 1971.

33. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи / Неизвестный автор. И. Корб. И. Желябужский. А. Матвеев. – М., 1997.

34. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. – М., 2000.

35. Кохен Х., фон. Москва в 1687-1688 гг. // Русская старина. – 1878. – № 9.

36. Краткое и правдивое описание опасного мятежа, происшедшего среди простого народа в городе Москве 2 июня 1648 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Vosst1648/Kratкое_i_pravdivoe_opisanie/text.htm.

37. Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: чиновник, ремесленник, знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 3.

38. Лизек А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от Императора Римского Леопольда к Великому Царю Московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году // Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – № 11.

39. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000.

40. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003.

41. Мархоцкий Н. История Московской войны. – М., 2000.

42. Марций И.Ю. Стенко Разин Донски козак изменник, т.е. Степан Разин, донской казак изменник // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. – Л., 1975.

43. Маскевич С. Дневник Маскевича. 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. – СПб., 1859. – Ч. 1.

44. Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии / И. Масса. П. Петрей. – М., 1997.

45. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. – М., 1997.

46. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext2.htm.

47. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994.

48. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – СПб., 2006.

49. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003.

50. Описание России неизвестного англичанина служившего зиму 57-58 годов при Царском дворе / Известия англичан о России во второй половине XVI века // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – М., 1884. – Кн. 4.

51. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). – М., 2004.

52. Перри Дж. Другое и более подробное повествование о России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus15/Perry/text3.phtml?id=1643.

53. Петрей П. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии / И. Масса. Петр Петрей. – М., 1997.

54. «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. – 1995. – № 3.

55. Повествование о величайшей на памяти человечества победе, или полный разгром великого бунтовщика Степана Разина и его стотысячной армии великим царем России и его прославленным генералом Долгоруковым, написано английским фактором из московского порта // Иностран-

ные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. – Л., 1975.

56. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. – СПб., 1830. – Т. 1.

57. Поссевино А. Московия // А. Поссевино. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). – М., 1983.

58. Правдивый рассказ о бунте в Москве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Vosst1648/Pravdivyj_rasskaz/text.htm.

59. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. – М., 1997.

60. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. – М., 1995.

61. Рожнов А.А. Смертная казнь в России и Западной Европе в XIV-XVII вв.: сравнительно-правовые очерки. – Ульяновск, 2009.

62. Рожнов А.А. Уголовное право Московского Государства (XIV-XVII вв.). – Ульяновск, 2007.

63. Российское законодательство X-XX веков. – М., 1985. – Т. 2.

64. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. – СПб., 1887.

65. Стрейс Я. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. – М., 2000.

66. Судебники XV-XVI веков. – М.; Л., 1952.

67. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. – М., 1891.

68. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. – М., 1912.

69. Ту де. Сказания // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. – СПб., 1859. – Т. 2.

70. Ульфелдт Я. Путешествие в Россию. – М., 2002.

71. Флетчер Дж. О государстве Русском. – М., 2002.

72. Фоскарино М. Донесение о Московии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus10/Foskarino/frametext.htm.

73. Хебдон Т. Письмо Ричарду Даниелю // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – Л., 1968.

74. Хуан Персидский, дон. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991.

75. Хутеерис А. Журнал голландского посольства. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostlit.info/Texts/rus14/Huteeris/text.phtml?id=1719.

76. Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003.

77. Шлейссингер Г.-А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / Лаптева Л. П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. – 1970. – № 1.

78. Штаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003.

79. Штамм С.И. Судебник 1497 г. – М., 1955.

80. Эльзевир из Лейдена. Руссия, или Московия // Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). – М., 1991.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Рудик О.С.¹

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Актуальность данной темы заключается в том, что из России ежегодно вывозятся тысячи людей, как живой товар, а низкий уровень выявления и раскрытия этого вида преступлений связан с его латентностью. Недостаточная законодательная база лишь способствует росту количества совершенных данного вида преступлений. В работе даны рекомендации по совершенствованию законодательства и борьбы с торговлей людьми.

Торговля людьми атрибут далекого прошлого – в современных условиях является одним из опасных преступлений, суть которого состоит в посягательстве на честь, свободу, достоинство, неприкосновенность и безопасность человека и гражданина. Она отнимает у людей их права и свободы, повышает риск для их здоровья во всем мире и способствует росту организованной преступности [5]. Создавая отлаженные международные сети, торговцы людьми одновременно организуют коридоры, по которым получают возможность беспрепятственно пересекать границы стран террористы [16].

История вопроса деяний, которые сейчас называют преступлениями, посягающими на свободу, честь и достоинство очень древняя. Человек, как идеальная рабочая сила, всегда привлекал к себе внимание. А желание извлечь выгоду из использования человеческой жизни всевозможными способами воистину неистребимо [11].

Проблема торговли людьми привлекает все большее внимание международного сообщества, международных организаций, научных коллективов, отдельных государств, политических и общественных деятелей. В англоязычной литературе она обозначена как проблема «Human Trafficking» [11]. Существует множество определений понятию торговли людьми, но единственное юридически обязательное международное определение содержится в Протоколе «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» [1]. По мнению экспертов ОБСЕ, это определение несет в себе несколько положительных моментов, отражающих реалии современной торговли людьми [13]. На наш взгляд, самым положительным моментом является то, что в определении признаются все формы торговли людьми: принудительный труд; секс-торговля; домашнее рабство; браки по принуждению, в том числе

¹ Студентка юридического факультета, научный руководитель Анисимов Валерий Филиппович, заведующий кафедрой Конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор

через систему «невест по почте», использование института брака для эксплуатации человека; эксплуатация репродуктивных функций человека, включая рождение ребенка; принудительное донорство (продажа людей для трансплантации органов и тканей); торговля детьми с целью их противоправного усыновления (удочерения) [18]; торговля мужчинами с целью использования в вооруженных конфликтах; торговля людьми с целью вовлечения их в преступную деятельность [6].

Россия входит в десятку государств, в которых отмечен «очень высокий» уровень активности похитителей людей [20]. Являясь одним из способов извлечения криминальных доходов, торговля людьми ежегодно приносит прибыль транс преступным синдикатам около 10 млрд. долл. США. Вместе с тем следует признать, что торговля людьми связана, как правило, с неблагоприятной экономической ситуацией в стране экспортера, в первую очередь с безработицей, когда люди вынуждены прибегать к любым источникам заработка, не видя никакой перспективы выхода из нужды [16].

Число жертв международной торговли людьми составляет от 600 до 800 тыс. чел. в год, а если учитывать торговлю людьми внутри отдельных стран, то общее количество жертв колеблется от 2 до 4 млн. человек. При этом 80 % пострадавших от указанного вида преступлений составляют женщины и дети, из которых 70 % продаются в другие страны в целях сексуальной эксплуатации, принуждения к занятию проституцией, использования в порноиндустрии, сфере досуга и развлечений [7]. По данным МОМ, ежегодно только на европейских рынках проституции продается не менее 500 тыс. женщин. Точную цифру определить сложно.

К группам риска относятся: бедные и крайне бедные; безработные; нелегальные мигранты; дети и подростки из социально неблагополучных семей; лица с ограниченными возможностями; занятые в сфере сексуальных услуг; лица без определенного места жительства; лица, страдающие наркотической, алкогольной зависимостью; женщины, имеющие намерение работать или создать семью за рубежом [17].

Десятилетиями главным поставщиком живого товара были азиатские страны, такие как Таиланд и Филиппины. С начала 90-х годов прошедшего века все изменилось. Российские женщины вывозятся с целью сексуальной эксплуатации в Турцию, Грецию, ФРГ, Италию, Испанию, США, Канаду, Вьетнам, Таиланд, Австралию, Новую Зеландию, Коста-Рику, на Мальту и Ближний Восток [7]. Они влачат рабское существование в более чем 50 странах мира. В Израиле и Турции, например, россиянок и граждан других стран СНГ так много, что всех проституток называют там «Наташами» [8]. Мужчин эксплуатируют в качестве строителей, шахтеров и т.д. [9] Москва и Санкт-Петербург являются центрами назначения для детей, вывозимых туда из регионов России [7]. В некоторых процветающих странах Азии и Ближнего Востока существует большой спрос на до-

машину прислугу, которая иногда становится жертвой эксплуатации или принудительного труда [5].

В России почти половина выявленных случаев торговли людьми (47,4 %) приходится на административные центры субъектов РФ, 26,3 % – на сельскую местность. В половине случаев – 54,3 % – преступная деятельность осуществлялась в пределах города (района), и лишь в 20,7 % – в пределах территории субъекта РФ. При совершении каждого восьмого преступления (12,5 %) преступная деятельность торговцев людьми выходила за пределы России, а также стран ближнего зарубежья и стран Балтии.

Вербовщик получает от 200 до 5000 долларов за каждую завербованную женщину [15]. Цены разнятся в зависимости от региона; в Голландии, например, женщину можно продать владельцу борделя за 15 тысяч долларов. В Турции цены не так высоки, но все же славянки ценятся выше, чем женщины с Кавказа. В Азии цены ниже, поскольку женщины едут туда лишь на ограниченный срок [12]. Одна проданная женщина зарабатывает сутенеру, который ее контролирует от 50 до 100 тысяч долларов в год. Женщины являются рабынями и получают очень мало денег, если вообще получают. «Условия работы» проданных женщин в секс-индустрии чаще всего являются ужасающими. Многих принуждают к половым актам с 15-20 клиентами в день [10].

Количество посягательств, квалифицируемых непосредственно как торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), статистически выглядит весьма скромно. По данным ГИАЦ МВД России, в 2004 г. – 17 преступлений, в 2005 г. – 60. А по ст. 127.2 за 2005 г. – 20.

Довольно широкое распространение в последнее время получила торговля несовершеннолетними. Об этом свидетельствуют данные МВД России и результаты уголовных дел, рассмотренных в России и других странах [3]. Юношей 16-18 лет, после соответствующей идеологической и наркологической подготовки могут использовать в горячих точках для участия в боевых действиях и террористических актах.

Продажа несовершеннолетних осуществляется в целях использования их в занятии попрошайничеством, в детской проституции, а также в качестве доноров для получения трансплантируемых органов. По некоторым оценкам, российский ребенок за рубежом стоит 10 000 долл. США и больше. Купля-продажа детей нередко происходит и в целях усыновления. Зафиксированы случаи вовлечения в порно-индустрию девочек 5-7 лет. По самым приблизительным оценкам численность несовершеннолетних, проданных для оказания сексуальных услуг, составляет в России не менее 17 тыс. [19]

Наказание за «торговлю несовершеннолетними» сталкивается со значительными проблемами. Названный состав преступления был необосно-

ванно изъят из гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» вместе с особым набором квалифицирующих признаков, характерных именно для торговли детьми и позволяющих дифференцированно учитывать общественную опасность этого посягательства [16]. Так же вызывает сложности квалификация действий виновного, считающего, что он осуществляет торговлю заведомо несовершеннолетним, в то время как потерпевший является совершеннолетним.

В настоящее время преступления, связанные с торговлей детьми, до сих пор отнесены законодателями к категории преступлений небольшой и средней тяжести (с санкцией до пяти лет лишения свободы и меньше) [2]. Получается, что за торговлю совершеннолетними закон карает строже, чем за несовершеннолетних. Мы рекомендуем вернуть п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ и тем самым ужесточить ответственность. Так же целесообразно придерживаться мнения Волкова А.К., который считает, что преступление должно оцениваться как покушение на торговлю заведомо несовершеннолетним по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ [4].

Кроме ужесточения санкции необходимо обратить внимание на противодействие торговли людьми. Наиболее значимыми проблемными вопросами в противодействии торговле людьми в Российской Федерации, являются:

- отсутствие национального плана действий в борьбе с торговлей людьми;
- жертвы преступлений от торговли людьми, не обращаются в правоохранительные органы, а также не желают свидетельствовать в суде из-за боязни неблагоприятных последствий для себя и своих близких.

Правительству необходимо разработать национальный план действий в борьбе с торговлей людьми.

Самым слабым звеном остается оказание помощи и защита жертв торговли людьми. Кроме того, для России необходим всеобъемлющий закон об оказании помощи жертвам торговли людьми, который устранял бы основные недостатки. Закон находится на рассмотрении в Государственной Думе с 2003 г. и он не был принят. «При последовательном оказании помощи, не связанной с выступлением в суде, жертвы, уверенные в своих правах, вновь обретают уверенность, позволяющую открыто говорить от своего имени. Когда этот баланс обеспечен эффективно, выигрывают все – государство, жертва и общество, поскольку жертва обретает свой голос, а эксплуататор лишается права слова, когда вершится правосудие» [5].

Ключевым элементом эффективной борьбы с торговлей людьми является гражданское общество, в частности неправительственные и молодежные организации. В настоящий момент в Российской Федерации ведется слабая профилактическая работа [7].

А пока Россия включена в список особого внимания второй группы стран пятый год подряд, т.к. ей не удалось продемонстрировать наращивание усилий по борьбе с торговлей людьми.

Список литературы:

1. Протокол № 2 О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Правовая система Консультант Плюс: Выпуск 10.
3. Материалы ГСУ МВД России.
4. Волков К.А. Торговля несовершеннолетними: вопросы ответственности и совершенствования практики правоприменения // Российский следователь. – 2007. – № 10. – С. 7-9.
5. Выдержки из введения в доклад Государственного Департамента США «О торговле людьми». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.
6. Гуторова Н. Противодействие торговле людьми украинских властей // Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общей редакцией Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. – М.: Academia, 2002. – С. 187.
7. Доклад Государственного Департамента США «Торговля людьми в мире за 2008 год». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.
8. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Теория и практика борьбы. – С. 10.
9. Кауфман М.А. Юшенкова С.Ю. О предмете преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» // Российская юстиция. – 2008. – № 10. – С. 36.
10. Левенкрон Н., Дахан Й. Женщина становится товаром. Торговля женщинами в Израиле, 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.owl.ru/win/books/israel/p2.htm.
11. Медведев С. «Живой» товар всегда в цене. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.
12. Проблема торговли людьми. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.
13. Противодействие торговли людьми: Сборник нормативных правовых документов / Под ред. Н.И. Абукириковой. – С. 7.
14. Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточно-Сибирском регионе России // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах – Выпуск 3. – М.: Юристъ, 2003. – С. 29.

15. Репецкая А.Л. Торговля женщинами как вид деятельности транснациональной организованной преступности. – С. 64-65.

16. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование: Учеб.-практ. Пособие. – М.: Юрист, 2007.

17. Тюрюканова Е.В. Выявление и защита жертв торговли людьми: международные стандарты и российская практика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.

18. Тюрюканова Е.В. Торговля людьми и современный миграционный режим // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах – Выпуск 3. – М.: Юрист, 2003. – С. 52.

19. Секс-рабынями становятся девочки 5-7 лет – Международная организация труда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.

20. Современное рабство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sartraffic.sgap.ru.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) КОНТРАКТОВ

© Курц Н.А.¹, Семейсов В.А.²

Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск

В статье производится изучение форм и способов защиты гражданских прав субъектов государственных и муниципальных контрактов, установленных действующим законодательством и научной доктриной. Авторами проводится анализ предложенных ранее нововведений в гражданское законодательство. Особое внимание обращено на защиту прав указанных субъектов при организации и проведении публичных торгов. Предлагаются изменения и дополнения в действующее законодательство в части повышения уровня защиты субъектов прав государственных и муниципальных контрактов.

На наш взгляд, изложенное в юридической литературе суждение о необходимости повышения эффективности защиты гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов, несомненно, имеет право на существование [8].

Так, предлагается внести изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ), установив сокращенные сроки судебного рассмотрения дел об оспаривании решений уполномоченных органов, актов и (или) действий организаторов размещения заказа, а также обязательность принятия арбитражным судом обеспечительных мер по спорам, связанным с обжалованием предписаний об устранении нарушений законодательства о размещении заказов, и о признании недействительными торгов, проведенных с нарушением требований законодательства о размещении заказов, в виде приостановления исполнения государственного (муниципального) контракта до вступления решения суда в законную силу [8, С. 39].

Действительно, указанная проблема является насущной для современной юриспруденции и вызывает споры между сторонниками и противниками точки зрения о необходимости усиления защиты гражданских прав не только субъектов государственных (муниципальных) контрактов, но и субъектов всего процесса размещения государственного (муниципального) заказа в целом [1, 2, 7].

¹ Аспирант

² Заведующий кафедрой Предпринимательского и финансового права, доктор юридических наук, профессор

Примечательно, что схожая ситуация наблюдается и в зарубежной юридической литературе [12].

По нашему мнению, для более глубокого изучения данного вопроса необходимо провести тщательное юридическое исследование.

Очевидно, что основным принципом гражданских правоотношений считается равенство правового режима для всех субъектов гражданского права. Однако для ряда указанных отношений насущна необходимость установления дополнительных юридических гарантий для менее защищенной в правовом аспекте стороны. В отношениях, связанных с размещением государственного (муниципального) заказа и с заключением и исполнением государственного (муниципального) контракта, наиболее уязвимой стороной, на наш взгляд, является участник размещения государственного (муниципального) заказа, а также поставщик (подрядчик, исполнитель) по государственному (муниципальному) контракту. Это связано с тем, что в процессе размещения заказа юридически значимые решения принимаются государственным (муниципальным) заказчиком либо уполномоченным им органом, а роль участника на практике сводится к подаче заявок. Фактическое же неравенство сторон государственного (муниципального) контракта нашло закрепление в действующем законодательстве (Так, согласно ст. 9 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд» в случае просрочки исполнения заказчиком обязательства по государственному (муниципальному) контракту, другая сторона вправе потребовать уплаты неустойки в размере 1/300 действующей на день уплаты неустойки (штрафа, пеней) ставки рефинансирования ЦБ РФ. Размер же ответственности поставщика (исполнителя, подрядчика) в схожем случае составляет *не менее 1/300* (здесь и далее курсив автора – Н.К.) действующей на день уплаты неустойки (штрафа, пеней) ставки рефинансирования ЦБ РФ. Кроме того, согласно Федеральному закону от 29.12.1994 № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве» за просрочку поставки материальных ценностей в государственный резерв поставщик уплачивает неустойку в размере 50 % стоимости непоставленных материальных ценностей (ч. 2 ст. 16). Сопоставимой по размеру ответственности за государственным заказчиком указанный закон не закрепляет).

Таким образом, защита гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов является одной из основных задач совершенствования действующего законодательства, в том числе Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд» (далее – Закон о размещении заказов).

В юридической литературе различают две основные формы защиты субъективных гражданских прав – юрисдикционную и неюрисдикцион-

ную [4, С. 337]. Если первая подразумевает защиту нарушенных или оспариваемых прав уполномоченными государством органами, то вторая охватывает собой действия граждан и организаций, осуществляемые ими самостоятельно, без обращения к указанным органам. В действующем Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) неюрисдикционная форма защиты представлена понятием самозащита гражданских прав (ст. 12). Анализ действующего законодательства о размещении государственных (муниципальных) заказов свидетельствует о том, что субъекты государственных (муниципальных) контрактов наделяются крайне малым числом возможностей для самозащиты нарушенных прав, причем на стадии размещения государственного (муниципального) заказа таких возможностей не предусмотрено вовсе. Наряду с этим Закон о размещении заказов, компенсируя отсутствие неюрисдикционной формы, предусматривает юрисдикционную форму защиты гражданских прав в двух видах – судебном и административном (ст. 57), причем защита гражданских прав в административном порядке не является препятствием для обращения в суд.

По нашему мнению, особого внимания заслуживает административный порядок защиты гражданских прав, прежде всего, в силу ограничений, заложенных законодателем в его правовое регулирование. Так, участник размещения заказа вправе обжаловать действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации, комиссии по размещению заказа не позднее чем через десять дней со дня размещения на официальном сайте в сети Интернет итогового протокола о размещении заказа. По истечении казанного срока защита гражданских прав может осуществляться только в судебном порядке. Кроме того, в соответствии с ч. 3.2. ст. 60 Закона о размещении заказов рассмотрение жалобы не проводится в отношении результатов оценки заявок на участие в конкурсе по определенным критериям оценки заявок на участие в конкурсе. В отношении судебного порядка таких ограничений законодателем не установлено.

Помимо этого, различия между судебным и административным порядком защиты гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов проявляются и в выборе способов защиты. Так, в отличие от искового заявления, в содержании которого обязательно указываются требования истца (п. 4 ст. 2 АПК РФ), жалоба на действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации, комиссии по размещению заказа должна содержать лишь указание на обжалуемые действия (бездействие) и доводы жалобы (ч. 1 ст. 58 Закона о размещении заказов). Таким образом, если в судебном порядке выбор способа защиты нарушенного права осуществляется непосредственно субъектом государственного (муниципального) контракта, то в административном порядке способ защиты выбирает уполномоченный государством контролирующий орган.

В юридической науке способ защиты гражданского права определяют как закрепленную или санкционированную законом правоохранительную меру, посредством которой производится устранение нарушения права и воздействие на правонарушителя [4, С. 410].

Применительно к судебному порядку защиты нарушенных гражданских прав субъектов государственного (муниципального) контракта используются следующие способы: понуждение к заключению договора по итогам торгов (п. 5 ст. 448 ГК РФ, п. 5 ст. 528 ГК РФ), признание недействительным государственного (муниципального) контракта по основаниям, установленным ГК РФ, а также возмещение убытков, причиненных в связи с исполнением государственного (муниципального) контракта (п. 1 ст. 533 ГК РФ), взыскание неустойки за недопоставку или просрочку поставки товаров (ст. 521 ГК РФ).

К способам защиты гражданских прав, реализуемым в административном порядке относятся, в частности аннулирование торгов (п. 9 ст. 17 Закона о размещении заказов), обращение в суд с иском о признании размещенного заказа недействительным (там же).

Опираясь на действующее законодательство, можно с уверенностью заявить, что административный порядок защиты гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов является наиболее эффективным с точки зрения краткосрочности его применения. Жалоба, поданная заинтересованным лицом, рассматривается в течение пяти дней (ч. 3 ст. 60 Закона о размещении заказов), что позволяет быстро разрешить возникшие противоречия, оперативно устранить правонарушения, минимизировав тем самым возможные негативные последствия для публичных и частных интересов.

В свою очередь, судебный порядок защиты гражданских прав чреват не только тратой большего количества времени, но и зачастую недостижением желаемого результата. Наряду с этим суд является универсальной и последней инстанцией, в которую могут обратиться субъекты государственного (муниципального) контракта за защитой своих гражданских прав. Так, в случае если по итогам торгов, проведенных с нарушением прав и законных интересов участников размещения заказа, был заключен государственный (муниципальный контракт), Закон о размещении заказов разрешает использовать лишь единственный способ защиты – признание судом торгов недействительными.

Как показывает административная и судебная практика, в большинстве случаев нарушения прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов вызваны нарушением процедуры размещения заказа, в частности организации и проведения публичных торгов [9, 11]. В связи с этим, такой способ защиты гражданских прав, как признание судом торгов недействительными, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Такие авторы, как К.Н. Волкова, Д.Н. Сахабутдинова, Ю.С. Турсунова, анализи-

руя нормы законодательства, регулирующие вопросы недействительности сделок и проведения публичных торгов, а также материалы судебной практики, пришли к выводу о том, что при признании проведенных торгов недействительными применяются правила о признании недействительными оспоримых сделок [3, С. 99; 10, С. 119; 13, С. 116].

Помимо этого, согласно п. 2 ст. 449 ГК РФ признание торгов недействительными влечет за собой и недействительность государственного (муниципального) контракта, заключенного с лицом, выигравшим торги. Опираясь на эту правовую норму, Ю.С. Турсунова пришла к следующим выводам: во-первых, действительность договора, заключенного по результатам торгов, зависит от действительности торгов. Во-вторых, до признания в судебном порядке торгов недействительными не может быть признан недействительным и сам контракт. Наконец, сделка, совершенная на торгах, признанных судом недействительными, является ничтожной [13, С. 131]. Следовательно, иски о признании требований предъявляются на предмет применения последствий ничтожной сделки по правилам, предусмотренным статьями 167, 449 ГК РФ [13, С. 116].

Таким образом, государственный (муниципальный) контракт, заключенный на торгах, может выступать как оспоримой по основаниям, установленным законом, так и ничтожной сделкой. В последнем случае, как отмечает В. Груздев, «... для признания ее недействительной признание торгов недействительными не требуется» [6, С. 35].

Как известно из положений ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, и каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (п. 1, 2 ст. 167 ГК РФ). При этом, как справедливо замечают Д.Ю. Борисов и А.И. Гончаров, «... применение одной только реституции, с одной стороны, реально не восстановит нарушенное право, а принесет разве что моральное удовлетворение, с другой стороны, приведет к тому, что государственные нужды не будут удовлетворены полностью либо в части» [2, С. 129]. Указанное в полной мере верно и в случае размещения муниципальных нужд и заключения муниципального контракта.

Выход из указанной ситуации подсказывает публичная природа интереса, реализуемого при размещении государственного (муниципального) заказа и заключении государственного (муниципального) контракта. В связи с тем, что государственные (муниципальные) нужды должны быть обязательно удовлетворены, представляется целесообразным согласиться с мнением Д.Ю. Борисова и А.И. Гончарова в той части, что наряду с ничтожностью государственного (и можно смело добавить – муниципально-го) контракта недействительность торгов должна повлечь обязанность

заказчика (*а также уполномоченного органа по размещению заказов*) по их повторному проведению [2, С. 130]. Только в этом случае участник размещения заказа, а равно и субъект государственного (муниципального) контракта, права которого были нарушены, приобретет возможность участвовать в повторных торгах, а государственные нужды будут удовлетворены согласно требованиям законодательства.

Возвращаясь к предложенным Ю. Комовым и Д. Свиридовым изменениям в АПК РФ в части установления сокращенных сроков судебного рассмотрения дел об оспаривании решений уполномоченных органов, актов и (или) действий организаторов размещения заказа, а также обязательности принятия арбитражным судом обеспечительных мер по спорам, связанным с обжалованием предписаний об устранении нарушений законодательства о размещении заказов, и о признании недействительными торгов, проведенных с нарушением требований законодательства о размещении заказов, в виде приостановления исполнения государственного (муниципального) контракта до вступления решения суда в законную силу [8, С. 39], следует отметить, что несмотря на определенную ценность, они, тем не менее, не лишены недостатков.

Прежде всего, следует отметить, что авторы предлагают свои изменения в отношении судебного рассмотрения дел об оспаривании, в частности, актов и (или) действий организаторов размещения заказа. При этом уточнения, какие именно субъекты, поименованные в Законе о размещении заказов, имеются в виду, в статье не содержится. Поскольку законодательство понимает под размещением заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд действия заказчиков, уполномоченных органов по определению поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в целях заключения с ними государственных (муниципальных) контрактов (ст. 5 Закона о размещении заказов), то в качестве организаторов размещения заказа, на наш взгляд, могут выступать только государственные (муниципальные) заказчики и уполномоченные органы. В связи с этим новшества, предложенные Ю. Комовым и Д. Свиридовым, не могут быть применены к судебному рассмотрению дел об оспаривании актов и (или) действий специализированной организации и, что более важно, комиссии по размещению заказа. При этом, как свидетельствует практика, значительное количество нарушений прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов, как-то: необоснованный допуск участника размещения заказа к участию в торгах, запросе котировок, необоснованный отказ в допуске участников размещения заказа к участию в торгах, запросе котировок, что в совокупности составляет около 20 % от общего количества нарушений, совершается именно этими лицами, не учтенными авторами [9].

Таким образом, предложения авторов нуждаются в уточнении. На наш взгляд, целесообразно внести изменения в АПК РФ в части установ-

ления сокращенных сроков судебного рассмотрения дел об оспаривании решений контролирующих органов, актов и (или) действий государственных (муниципальных) заказчиков, уполномоченных органов, специализированных организаций, а также комиссий по размещению заказов.

Следует отметить, что безусловным преимуществом данных нововведений является существенное сокращение сроков судебного рассмотрения дела, что позволяет, не снижая эффективности процесса обжалования, обращаться в суд одновременно с обращением в контролирующий орган (ФАС России), а то и вовсе минуя его.

При этом на наш взгляд, в случае, когда одно и то же лицо обратилось за защитой нарушенного права и в суд, и в контролирующий орган, представляется целесообразным на основании ч. 5 ст. 158 АПК РФ отложить судебное разбирательство до принятия решения контролирующим органом. Подобную рекомендацию, например, содержит Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» (п. 20). На первый взгляд, указанная рекомендация не относится к теме нашего исследования, однако представляется, что ее можно применять и к отношениям, складывающимся в процессе оспаривания актов и (или) действий государственных (муниципальных) заказчиков, уполномоченных органов, специализированных организаций, а также комиссий по размещению заказов. К такому мнению нас приводит мысль о том, что ФАС России является органом, обладающим специальными познаниями в сфере организации и проведения торгов, оценки влияния на состояние конкуренции тех или иных действий участников процесса размещения государственного (муниципального) заказа. В связи с этим, на наш взгляд, судам следует знать профессиональную позицию компетентного органа по рассматриваемому вопросу.

Представляется также, что указанное положение можно толковать шире и распространять на ситуации, когда по вопросу оспаривания одних и тех же действий одно лицо обратилось в контролирующий орган, а другое в суд. В этом случае целесообразно обращаться в суд с ходатайством об отложении рассмотрения дела до вынесения решения контролирующим органом.

При этом опасения, что такое положение повлечет за собой затягивание процесса судебного рассмотрения дела, представляются нам напрасными. Согласно Закону о размещении заказов установлен пятидневный срок рассмотрения жалобы на действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, специализированной организации и комиссии по размещению заказ (ч. 3 ст. 60). Кроме того, в Законе содержится обеспечительная мера, выступающая гарантией прав участника размещения заказа,

в виде запрещения заказчику заключить государственный (муниципальный) контракт до рассмотрения жалобы по существу (ч. 5 ст. 60).

Таким образом, представляется целесообразным внести в законодательство ряд изменений, а именно: установить в Законе о размещении заказов обязанность государственного (муниципального) заказчика, уполномоченного органа провести повторные торги в случае признания торгов недействительными; установить в АПК РФ сокращенные сроки судебного рассмотрения дел об оспаривании решений контролирующих органов, актов и (или) действий государственных (муниципальных) заказчиков, уполномоченных органов, специализированных организаций, а также комиссий по размещению заказов; установить в Законе о размещении заказов обязанность судов отложить судебное разбирательство по обжалованию актов и (или) решений заказчиков, уполномоченных органов, специализированных организаций, комиссий по размещению заказов в случае, когда одно и то же лицо обратилось и в суд, и в контролирующий орган, а также когда одно лицо обратилось в контролирующий орган, а другое – в суд, до принятия решения контролирующим органом.

Список литературы:

1. Басин Ю.Г. Правовое регулирование сделок, заключаемых государством. Сборник «Гражданско-правовые исследования», выпуск первый. – М., 2004. – С. 18-28.
2. Борисов Д.Ю., Гончаров А.И. Защита прав и законных интересов участников размещения заказа при проведении торгов для государственных нужд // Закон. – 2008. – № 11. – С. 122-130.
3. Волкова К.Н. Торги как способ заключения договора: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 149 с.
4. Гражданское право: Учеб.: в 3 т. Т. 1. – 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.; Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 776 с.
5. Гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 816 с.
6. Груздев В. Торги: понятие, правовая природа, признание недействительными // Хозяйство и право. – 2004. – № 7. – С. 24-36.
7. Зиманов С.З. Контракты на недропользование // Юридическая газета. – 26 мая 2004. – С. 5.
8. Комов Ю., Свиридов Д. О защите гражданских прав субъектов государственных (муниципальных) контрактов // Хозяйство и право. – 2008. – № 11. – С. 37-39.
9. Отчет Федеральной антимонопольной службы РФ «Об осуществлении контроля соблюдения законодательства при размещении заказов в III квартале 2008 г.». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/stateorder/reports/a_20837.shtml.

10. Сахабутдинова Д.Н. Торги как субинститут договорного права и юридическая процедура: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – 183 с.

11. Справка основных показателей работы арбитражных судов Российской Федерации в первом полугодии 2007-2008 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/C75964712CA242DE9DB4BA2FF05DFF5A_2_общая.pdf.

12. Сулейменов М.К. Государство и контракты // Юрист. – 2004. – № 8. – С. 38-43.

13. Турсунова Ю.С. Тоги как способ заключения договора: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 181 с.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ ПО ОСНОВАНИЮ П. 1 Ч. 1 СТ. 237 УПК РФ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

© Шадрина Е.Г.¹

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Стадия подготовки дела к судебному заседанию является предшествующей рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу. Она имеет важное контрольное значение по отношению к проведенному предварительному расследованию, поскольку ее основная задача состоит в проверке фактических и юридических оснований для разбирательства уголовного дела по существу, чтобы не допустить в следующую судебную стадию уголовное дело, которое содержит недостатки, объективно препятствующие началу судебного разбирательства. Основным субъектом уголовно-процессуальной деятельности в рассматриваемой стадии является судья, который по каждому поступившему уголовному делу в отношении каждого обвиняемого должен выяснить следующие обстоятельства: 1) подсудно ли уголовное дело данному суду; 2) вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта; 3) подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения; 4) подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы; 5) приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества; 6) имеются ли основания проведения предварительного слушания, предусмотренные ч. 2 ст. 229 УПК РФ (ст. 228 УПК). По результатам выявления данных обстоятельств принимается одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела по подсудности; 2) о назначении предварительного слушания; 3) о назначении судебного заседания (ч. 1 ст. 227 УПК РФ).

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству имеет две формы: общий порядок (гл. 33 УПК РФ) и предварительное слушание (гл. 34 УПК РФ). Если по УПК РСФСР 1960 г. проведение предварительного слушания являлось обязательным только при разбирательстве уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, то УПК РФ 2001 г. расширил основания его назначения. В соответствии со ст. 229 УПК РФ суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон назначает предварительное слушание при наличии следующих оснований: 1) при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства; 2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, преду-

¹ Доцент кафедры Уголовного права, кандидат юридических наук

смотренных ст. 237 УПК РФ; 3) при наличии оснований для приостановления или прекращения уголовного дела; 4) при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ; 5) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2007 году: в верховных судах республик и равных им судах предварительное слушание проводилось по 58,2 % оконченных производством уголовных дел (в 2006 г. – 59,9 %); в районных судах – по 23,0 % (в 2006 г. – 22,8 %); в мировых судах – 12,4 % (в 2006 г. – 10,9%) [9].

Специфика предварительного слушания заключается в совокупности разрешаемых судьей вопросов, особенностях процедуры его проведения с обязательным участием сторон, а также решений, выносимых по его итогам. По итогам предварительного слушания судья принимает одно из следующих решений в форме постановления: 1) о направлении уголовного дела по подсудности в случае, если прокурор изменяет обвинение, результатом чего является изменение подсудности; 2) о возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, указанным в ст. 237 УПК РФ; 3) о приостановлении производства по делу по основаниям, указанным в ст. 238 УПК РФ; 4) о прекращении уголовного дела по основаниям, указанным в ст. 239 УПК РФ; 5) о назначении судебного заседания.

В ст. 237 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору, которые препятствуют его рассмотрению:

1. Обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта;

2. Копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном ч. 4 ст. 222 или ч. 3 ст. 226 УПК РФ;

3. Есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера;

4. Имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел;

5. При ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

В судебной практике наиболее актуальной является проблема возвращения уголовного дела прокурору в соответствии с п. 1 ст. 237 УПК РФ. В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1

«О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснено, что под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно-процессуального закона следует понимать такие нарушения, изложенные в статьях 220, 225 УПК РФ положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта. В частности, исключается возможность вынесения судебного решения в случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого; когда обвинительное заключение или обвинительный акт не подписан следователем, дознавателем либо не утвержден прокурором; когда в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указание на прошлые судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу, и др. [11].

Мы полагаем, что данная трактовка «допущенных нарушений при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта» является слишком широкой и может привести к злоупотреблениям со стороны судей. На данный факт обращают внимание некоторые ученые. Так, по мнению П. Морозова, при желании суд, ссылаясь на нарушение требований ст. 220, 225 УПК РФ и невозможность в связи с этим рассмотреть по существу дело, может вернуть практически любое уголовное дело. Приведенные в постановлении Пленума в качестве примеров случаи невозможности рассмотрения дела по существу должны рассматриваться судом индивидуально, применительно к конкретному случаю, поскольку сведения о судимости, информация о месте нахождения обвиняемого и т.п. могут быть восполнены путем представления необходимых сведений государственным обвинителем [5].

Обозначенные выводы подтверждаются примерами из судебной практики. Так, постановлением судьи Брянского областного суда от 1 июня 2005 г. дело в отношении Т., М., М., У., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ч. 2 ст. 210 УК РФ, возвращено прокурору Брянской области для устранения препятствий к его рассмотрению. Основания возвращения были указаны следующие: 1) не раскрыт способ обмана при мошенничестве; 2) не раскрыто содержание терминов «семинар», «индивидуальное собеседование», употребляемых в кавычках и без таковых; 3) допущены выражения бланкетного характера, типа «согласно изложенному выше содержанию» без указания его сути; 4) не определено время совершения преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, У-ным, поскольку не установлено, когда и как он вошел в состав преступного сообщества; 5) не раскрыт состав преступной группы, входящей в состав преступного сообщества, не показано соотношение группы и со-

общества; 6) отсутствуют процессуальные решения органов следствия о других участниках преступного сообщества, не привлекаемых к уголовной ответственности по настоящему делу; 7) М-ву вменен в вину эпизод мошенничества, имевший место за пределами указанного в обвинительном заключении времени его участия в преступном сообществе; 8) в списке к обвинительному заключению поступившие в суд вещественные доказательства – 2 аудиокассеты названы дискетами; 8) следователем права, предусмотренные ст. 229 УПК РФ, разъяснены не должным образом.

Несмотря на достаточно большое количество названных нарушений и их существенность, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, удовлетворяя кассационное представление государственного обвинителя и отменяя постановление судьи, указала следующее: 1) недостатки обвинения, предъявленному М-ву, устранимы в судебном заседании; 2) нарушения, касающиеся других лиц, не привлеченных к ответственности, разрешению дела в отношении обвиняемых не препятствуют; 3) вопрос о вещественных доказательствах может быть выяснен и разрешен в судебном заседании. Ни одно из указанных в постановлении нарушений, допущенных при составлении обвинительного заключения, ни все они в совокупности не препятствуют рассмотрению дела в суде, принятию по нему судебного решения и основанием для возвращения дела прокурору не являются [6].

Саратовским областным судом 13 июня 2007 г. уголовное дело в отношении Т., обвиняемой по п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, возвращено прокурору Саратовской области для устранения препятствий к рассмотрению дела в суде.

В кассационном представлении государственный обвинитель просил отменить постановление суда, считал возвращение уголовного дела необоснованным, поскольку следователем были выполнены все требования процессуального закона: Т. разъяснено существо обвинения, разъяснены ее процессуальные права, в том числе дать показания по существу обвинения. Однако, сославшись на плохое самочувствие, Т. не стала давать показания по существу обвинения. Право на защиту следователем обеспечено, требования ст. 172 УПК РФ были выполнены.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 августа 2007 г. постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору отменила по следующим основаниям. По результатам предварительного слушания дела суд принял решение о возвращении дела прокурору для устранения недостатков, препятствующих рассмотрению дела в суде, а именно вследствие того, что из-за плохого самочувствия Т. отказалась от дачи показаний при предъявлении обвинения. По мнению суда, отказ от дачи показаний в качестве обвиняемой является препятствием к рассмотрению уголовного дела в суде. Однако такой вывод Судебная коллегия по

уголовным делам посчитала необоснованным и указала следующее. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны или по собственному желанию возвращает дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований процессуального закона, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения. К таким нарушениям относятся и лишение права обвиняемого дать показания по существу предъявленного обвинения, что является существенным нарушением процессуального закона, ибо не обеспечивает в полной мере право защищаться от предъявленного обвинения. Между тем по данному уголовному делу обвиняемая вопреки мнению областного суда не лишалась права дать показания по существу предъявленного обвинения и защищаться от него. Все необходимые требования закона органами следствия выполнены. Как видно из дела, Т. страдает хроническим заболеванием, требующим постоянного лечения и наблюдения. Такое лечение и наблюдение Т. обеспечено, что подтверждено справкой заместителя начальника учреждения ИЗ-64/1 по лечебно-профилактической работе. Перед отправкой на все следственные действия она осматривалась дежурным врачом учреждения, противопоказаний к участию в следственных действиях не имелось. Это обстоятельство подтвердил своей справкой и фельдшер изолятора временного содержания (ИВС), где предъявлялось обвинение. Таким образом, утверждение суда о лишении Т. возможности давать показания по существу предъявленного обвинения не имеет оснований. Следовательно, оснований для возвращения дела прокурору не было [7].

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2007 г. № 9-О07-56 отменено постановление Нижегородского областного суда от 8 июня 2007 г. о возвращении уголовного дела прокурору для устранения недостатков, допущенных при составлении обвинительного заключения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении указала следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 237 УПК РФ суд возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий рассмотрения его судом, в частности, в случае, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основании данного обвинительного заключения. Возвращение дела прокурору может иметь место, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, если на досудебных стадиях допущены нарушения, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства. Возвращая уголовное дело прокурору, суд сослался на то, что из обвинительного заключения не видно, являются ли А. и Е.

должностными лицами и когда, на основании какого документа они назначены на свои должности, какими полномочиями обладают и что входит в их обязанности, в силу которых они должны и могли провести проверки деятельности З., каким документом (должностной инструкцией) это регламентировано. Указанные в постановлении Нижегородского областного суда обстоятельства не являются препятствием для рассмотрения дела судом. Органы следствия, квалифицируя действия А. и Е. как должностных лиц, ссылались на нормативные акты, которыми предусмотрены их полномочия. В отношении А. в обвинительном заключении в качестве доказательства обвинения указана должностная инструкция, в силу которой он имел полномочия, касающиеся проверки деятельности индивидуального предпринимателя З. Отсутствие в обвинительном заключении указания на должностную инструкцию в отношении обвиняемого Е., а также на приказы о назначении на должности А. и Е. не нарушает права сторон на исследование этих документов в судебном заседании и не лишает суд возможности их исследования и учета при назначении наказания, так как на них имеются ссылки как на доказательства в обвинительном заключении, они имеются в материалах дела [8].

Более широкую трактовку основания возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, дал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18 – П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»: «Из статей 215, 220, 221, 225 и 226 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми обвинительное заключение или обвинительный акт как итоговые документы следствия или дознания, выносимые по их окончании, составляются, когда следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления указанных документов, вытекает, что если на досудебных стадиях производства по уголовному делу имели место нарушения норм уголовно-процессуального закона, то ни обвинительное заключение, ни обвинительный акт не могут считаться составленными в соответствии с требованиями данного Кодекса. ... При этом основанием для возвращения дела прокурору *во всяком случае являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения*. Подобные нарушения в досудебном производстве требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, все-

гда свидетельствуют в том числе о несоответствии обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям данного Кодекса» [10].

Следуя буквальному смыслу Постановления Конституционного Суда РФ единственным основанием возвращения уголовного дела прокурору является существенное нарушение норм уголовно-процессуального закона, а в ч. 1 ст. 237 УПК РФ приведены разновидности такого нарушения. Причем такое нарушение:

- допущено в досудебном производстве;
- нарушение существенно, т.е. исключает возможность постановления судом приговора или иного решения, отвечающего требованиям справедливости;
- нарушение не может быть устранено в судебном разбирательстве, поскольку для его устранения необходимо провести такие действия, которые не допустимы в данной стадии уголовного судопроизводства.

В целях приведения в соответствие норм УПК РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ следует дополнить еще одним основанием как «иное существенное нарушение норм уголовно-процессуального закона, устранение которого не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия».

Такая широкая трактовка положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ может привести к злоупотреблениям со стороны судей при разрешении вопросов, явившихся предметом рассмотрения в ходе предварительного слушания. В целях предотвращения такого негативного явления и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, а также во исполнение указаний, содержащихся в постановлениях Конституционного Суда РФ, полагаем, что ч. 7 ст. 236 УПК РФ следует исключить из УПК РФ, предоставив право сторонам обжаловать любое решение судьи по итогам предварительного слушания.

Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при реализации положения п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, - возможность расширения объема предъявленного обвиняемому обвинения, изменения его на более тяжкое по уголовному делу, возвращенному прокурору.

Так, С.В. Лупанова считает, что для устранения нарушений прокурор (по его поручению следователь) вправе осуществить все необходимые процессуальные действия, при условии, что их производство не связано:

- с восполнением неполноты или односторонности проведенного расследования;
- с дополнительным установлением обстоятельств, имеющих отношение к обвинению;
- с дополнением квалифицирующих признаков содеянного;
- с изменением фактической стороны имеющегося обвинения;

- с ухудшением (фактического) положения обвиняемого по сравнению с тем положением, какое он имел на момент внесения дела в суд [4, С. 24].

А.И. Ткачев, напротив, предлагает возвращать уголовное дело прокурору, если имеются основания для изменения обвинения на более тяжкое, если уголовно-правовая квалификация деяния, вмененного обвиняемому, не соответствует фактической фабуле предъявленного обвинения. Право возвращения уголовного дела прокурору принадлежит судье только по инициативе сторон [14, С. 10].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П признал не противоречащей Конституции Российской Федерации ч. 1 ст. 237 УПК РФ, подчеркнув, что возвращение дела прокурору не должно быть связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия. Одновременно он признал неконституционным положение ч. 4 ст. 237 УПК РФ, указав, что «... положение части четвертой статьи 237 УПК Российской Федерации, не позволяющее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключает какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами расследования, но и при последующем разбирательстве дела судом, что не согласуется с требованиями независимого, беспристрастного и справедливого осуществления правосудия, вытекающими, в частности, из статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по смыслу которой каждому, в том числе обвиняемому и потерпевшему, при определении его прав и обязанностей должны обеспечиваться гарантии справедливого правосудия. В системе действующих уголовно-процессуальных норм это означает нарушение статей 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации и не согласуется также с требованиями ее статей 18, 49, 50 и 118 (части 1 и 2)». Федеральным законом № 226-ФЗ от 2 декабря 2008 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ч. 4 ст. 237 УПК РФ, запрещающая производство каких-либо следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному прокурору, признана утратившей силу [12].

Что понимать под «неполнотой проведенного дознания или предварительного следствия»? УПК РФ не содержит ответа на данный вопрос. В теории уголовного процесса традиционно неполнота предварительного расследования определялась как сужение пределов доказывания по уголовным делам, отсутствие достаточных доказательств, необходимых для достоверного установления существенных обстоятельств дела [См.: 3, С. 159-160; 13, С. 8-9]. В свете УПК РФ 2001 г. следует согласиться с Е.А. Маркиной, Т.Н. Басовой в том, что проведение следственных и иных

процессуальных действий, необходимых для устранения препятствий рассмотрения дела судом, не всегда означает восполнение неполноты предварительного расследования; запрет существует лишь на производство следственных действий, направленных на доказывание обстоятельств, которые должны были быть установлены в ходе досудебного производства в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Таким образом, под неполнотой предварительного расследования следует понимать неустановление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (ст.ст. 73, 421, 434).

Несмотря на разъяснения Конституционного Суда РФ, некоторыми учеными признается право суда возвращать уголовное дело для восполнения неполноты предварительного следствия или дознания. Гатаулин З.Ш. считает, что в случае заявления ходатайства одной из сторон о возвращении уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения судом, связанных с неполнотой предварительного расследования, невосполнимой в судебном заседании, суд вправе принять такое решение. Кроме того, он предлагает ч. 1 ст. 237 УПК РФ дополнить пунктом 6. следующего содержания:

«6) в деле имеются неустранимые в судебном заседании существенные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с неполнотой произведенного предварительного расследования», а также дополнить ч. 2 ст. 237 УПК РФ следующим предложением: «По основанию, указанному в п. 6 части первой настоящей статьи определить срок устранения допущенных нарушений в соответствии с ч. 6 ст. 162 настоящего Кодекса» [1, С. 9].

Мы считаем позицию названного автора не приемлемой в силу следующих обстоятельств. УПК РФ предоставляет достаточное время прокурору для изучения материалов уголовного дела при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта). Кроме того, при расследовании уголовного дела в форме дознания, прокурор вправе осуществлять надзор за всем ходом расследования, давая указания дознавателю о совершении тех или иных процессуальных действий. Ст. 221 УПК РФ предоставляет право прокурору вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями. По уголовному делу с обвинительным актом прокурор имеет еще большие полномочия. Возвращение прокурором уголовного дела для производства дополнительного расследования является одним из эффективных способов в устранение нарушений закона, допускаемых следователем или дознавателем при производстве по уголовному делу, и служит преградой для поступления в суд материалов, которые не должны быть предметом судебного разбирательства. Думается, что «су-

ществленные нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с неполнотой произведенного предварительного расследования», о которых пишет З.Ш. Гатауллин, должны быть выявлены прокурором еще при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта). Выказанные автором предложения, по нашему мнению, могут привести к халатному изучению материалов уголовного дела прокурором при утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта), который знает, что в предварительном слушании есть возможность заявить ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору. Как совершенно верно отмечает Ф.Х. Ягофаров, использование государственным обвинителем права ходатайствовать о возвращении уголовного дела прокурору (п. 2 ч. 2 ст. 229 УПК) выглядит по меньшей мере странным, поскольку меньше месяца назад прокурор, направляя дело в суд, не нашел препятствий для его рассмотрения судом» [15, С. 44].

Наша позиция нашла подтверждение в судебной практике. Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 декабря 2006 г. № 88-О06-57 изменен приговор Томского областного суда от 5 июня 2006 года, по которому Я.Е.В., родившийся 7 февраля 1986 года в г. Томске, судимости не имеющий, осужден по ст. 105 ч. 2 п. "з" УК РФ на 13 лет лишения свободы, по ст. 162 ч. 4 п. "в" УК РФ на 10 лет лишения свободы, по ст. 158 ч. 3 УК РФ на 2 года лишения свободы. Судебная коллегия установила, что действия осужденного подлежат переквалификации со ст. 158 ч. 3 УК РФ на ст. 158 ч. 2 УК РФ, ввиду нарушения уголовно-процессуального закона. «Из материалов дела видно, что первоначально Я.Е.В. было предъявлено обвинение по ст. 158 ч. 2 УК РФ и дело было направлено в суд. Суд, на основании ст. 237 ч. 1 УПК РФ возвратил дело прокурору ввиду нарушения права обвиняемого на защиту. Органы следствия, устранив указанные нарушения, вместе с тем, вопреки требованиям ст. 237 ч. 4 УПК РФ, по делу возвращенному прокурору, произвели недопустимые процессуальные действия, а именно, изменили обвинение на более тяжкое и суд безосновательно признал Я.Е.В. виновным по ст. 158 ч. 3 УК РФ» [2].

По нашему мнению, исключение института дополнительного расследования из стадии судебного разбирательства объективно создало условия для того, чтобы прокурор, выполняя функцию поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве, заранее, уже на досудебной стадии, стал готовиться к рассмотрению дела в суде, осознавая ответственность за качество предварительного расследования. Утверждением обвинительного заключения (обвинительного акта) прокурор формирует в окончательной форме обвинительный тезис и тем самым возбуждает государственное обвинение, данное обстоятельство требует от него тщательного изучения всех материалов уголовного дела и выявление существ-

венных нарушений закона в ходе предварительного расследования. Только будучи убежденным в виновности обвиняемого и в доказанности его вины, прокурор может возбудить государственное обвинение и передать обвинительный тезис для разбирательства в суд.

Подведем итог. Несмотря на пространное содержание положения, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, единственным основанием для возвращения дела прокурору являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором в досудебном производстве, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения, отвечающего требованиям справедливости, и которые не могут быть устранены в судебном заседании, поскольку для их устранения необходимо провести такие действия, которые не допустимы в данной стадии уголовного судопроизводства. Кроме того, возвращение дела прокурору не должно быть связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия, а также с ухудшением положения обвиняемого.

Список литературы:

1. Гатауллин З.Ш. Подготовка и осуществление государственного обвинения в суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.Ш. Гатаулин. – Самара, 2007.
2. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 декабря 2006 г. № 88-О06-57 // Текст постановления размещен на сайте Верховного Суда РФ в internet (<http://www.supcourt.ru>).
3. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М., 1989.
4. Лупанова С.В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С.В. Лупанова. – Нижний Новгород, 2006.
5. Морозов П. Трансформация института возвращения судом уголовного дела прокурору / П. Морозов // Законность. – 2005. – № 8. – С. 36-37.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2005 г. // Материалы «круглого стола» Верховного Суда РФ, 2006.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 августа 2007 г. № 32-О07-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 6.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2007 г. № 9-О07-56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 5.
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: <http://www.cdep.ru/statistics.asp>.

10. Российская газета. – 2003. – 23 декабря.
11. Российская газета. – 2004. – 25 марта.
12. Российская газета. – 2008. – 5 декабря.
13. Соловьев А.Б., Багаутдинов Ф.Н., Филиппов М.Н. Прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью расследования преступлений / А.Б. Соловьев, Ф.Н. Багаутдинов, М.Н. Филиппов. – М., 1996.
14. Ткачев А.И. Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию: дисс. ... канд. юрид. наук / А.И. Ткачев. – Томск, 2007.
15. Ягофаров Ф.Х. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук / Ф.Х. Ягофаров. – Оренбург, 2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
Выпуск 6
Книга 1
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Подписано в печать 23.03.2009. Формат 84×60Х1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 14,7. Печ. л. 12,3. Заказ 03-24-2009

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВ

(г. Новосибирск) с целью оказания помощи в опубликовании результатов научно-исследовательских работ профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов и магистрантов готовит к выходу сборники научных трудов «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ» (ВЫПУСК 7) по различным областям знаний:

1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по радиобиологии, биофизике, молекулярной биологии, биохимии, ботанике, микробиологии, зоологии, физиологии, экологии, биотехнологии, почвоведению и др.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по всем физическим и химическим наукам.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Принимаются материалы по отечественной истории, всеобщей истории, археологии, этнографии, этнологии и антропологии, историографии, источниковедению и методам исторического исследования, истории науки и техники, истории международных отношений и внешней политики, теории политики, методологии политической науки и др.

4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории и истории культуры, музееведению, консервации и реставрации историко-культурных объектов и др.

5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

Принимаются материалы по теории управления, менеджменту, маркетингу, ценообразованию, управлению инновациями и др.

6. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Принимаются материалы по общей педагогике, истории педагогики и образования, теории и методики обучения и воспитания, коррекцион-

ной педагогике, теории и методики дошкольного и профессионального образования и др.

7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по агрономии, зоотехнии, лесному хозяйству, экономике в АПК и др.

8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории, методологии и истории социологии, экономической социологии и демографии, социальной структура, социальным институтам и процессам, социологии культуры и духовной жизни, социологии управления и др.

9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по машиностроению и машиноведению, обработке конструкционных материалов в машиностроении, энергетическому, металлургическому и химическому машиностроению, транспортному, горному и строительному машиностроению, авиационной и ракетно-космической технике, кораблестроению, электротехнике, приборостроению, метрологии и информационно-измерительным приборам и системам, радиотехнике и связи, информатике, вычислительной технике и управлению, энергетике, металлургии, химическим технологиям, транспорту, строительству, электронике и др.

10. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

Принимаются материалы по русской литературе, теории литературы и текстологии, фольклористике, журналистике, русскому, славянскому и языкам народов зарубежья, типологическому и сопоставительному языкознанию, классической филологии, прикладной лингвистике и др.

11. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Принимаются материалы по социальной философии, этике, эстетике, религиоведению, философской антропологии, философии культуры, философии науки и техники, онтологии и теории познания и др.

12. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

Принимаются материалы по экономической теории, экономике и управлению народным хозяйством, финансам, денежному обращению и кредиту, бухгалтерскому учету, статистике, математическим и инструментальным методам экономики, мировой экономике и др.

13. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Принимаются материалы по теории и истории права и государства, предпринимательскому, конституционному, муниципальному, частному, трудовому, гражданскому, административному, уголовному, международному праву, судебной власти и прокурорскому надзору, адвокату-ре и организации правоохранительной деятельности и др.

ДАТА ОКОНЧАНИЯ ПРИЕМА ЗАЯВОК НА РАЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ 13 МАЯ 2009 г.

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить на сайте <http://www.ZRNS.ru/>, по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru,**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

